

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

Дубов, И. И.

О Ч Е Р К И
ИЗЪ ИСТОРИИ
ТАМБОВСКАГО КРАЯ.

ВЫПУСКЪ 2-й.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ И. И. ДУБАСОВА.

В. М. Мухоморова.
19го 94. СПБ.
— отъ Автора.

ХОССЗЛ

Типографія ~~И. И. Дубасова~~ Сергиевъ, усадьба ~~И. И. Дубасова~~ и ~~И. И. Дубасова~~ вър., Л. Холмогорова.

1883.

Доволнено цензурою, Москва, 30-го ноября 1883 года.

ОЧЕРКИ

ИЗЪ ИСТОРИИ ТАМБОВСКАГО КРАЯ.

Я приступаю ко второму выпуску своихъ „очерковъ,“ разработанному почти исключительно на основаніи Московскихъ архивныхъ документовъ, вообще представляющихъ для изслѣдователей русской исторической жизни безцѣнный и, къ сожалѣнію, еще мало извѣданный сокровища. Какъ одинокій работникъ и какъ педагогъ, занятый службою почти круглый годъ, я, разумѣется, далеко не воспользовался какъ надобно архивными матеріалами, дающими обширное поле дѣйствія для нѣсколькихъ поколѣній... Поэтому моя работа будетъ имѣть характеръ *эпизодическій*.

Отдавая немногіе досуги свои изученію прошлой жизни нашего глухого края, я имѣю въ виду, что не одніе битвы и дипломатическіе трактаты составляютъ серьезную тему русской исторіи. Я полагаю и полагаю, что будничная, ежедневная народная жизнь съ ея *любами днями* и съ ея массовыми интересами, гдѣ бы она ни развивалась: въ центрахъ государства или въ глуши и на окраинахъ, есть наиболее важный предметъ для историка—изслѣдователя. Не въ Петербургѣ же совершается теченіе нашей всенародной жизни, а во всемъ царствѣ, въ этихъ Тамбовскихъ, Шацкихъ и подобныхъ захолустьяхъ...

Во второмъ своемъ выпускѣ, какъ и въ первомъ, я буду держаться хронологическаго порядка, при чемъ постараюсь всѣ главы этого изслѣдованія по возможности связывать между собою.

До второй половины XVII вѣка Тамбовскій край, какъ извѣстно, былъ Московскою украиной, дремучимъ лѣсомъ и дикимъ полемъ. Какіе факты мѣстной жизни издавна совершались въ немъ, какими радостями и какими горемъ волновались наши аборигены—это намъ почти неизвѣстно. И тѣмъ заманчивѣе для насъ наша прошлая жизнь, которую мы узнаемъ случайно и отрывочно.

Отдѣльныя лица и цѣлыя общества нерѣдко подвергаются болѣе или менѣе тяжкимъ страданіямъ. Про иное горе идетъ молвь по всему свѣту, ему сочувствуютъ, его извѣстнымъ образомъ прославляютъ; и благо этому признанному горю. Но бываетъ и такъ, что свирѣпыя житейскія драмы совершаются въ тиши и молча. Тутъ непереходнаго человѣческаго горя еще больше, тутъ оно одно съ самимъ собою.

Такія мысли явились у насъ по поводу одного лѣтописнаго сказанія, имѣющаго несомнѣнно близкое отношеніе къ прошлымъ судьбамъ нашего роднаго края.

Лѣтописецъ говоритъ: „въ лѣто 1237 безбожный Батый, молніина стрѣла, съ безчисленнымъ множествомъ Агарянъ безвѣстно прииде лѣсомъ и *сѣи на рѣки на Воронежи на Окозѣ и взя се плыномъ* и посла послы бездѣльные, жену чародѣйцу и съ нею два мужа, на Рязань къ великому князю просити десятины во всѣхъ, и во всякихъ людѣхъ, и въ животѣхъ, и въ скотѣхъ и во всемъ.“

Рѣка Воронежъ протекаетъ по нѣсколькимъ Тамбовскимъ уѣздамъ. Батыевы подчига простирались до полумилліона человекъ и во время своего грознаго похода конечно шли на значительныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга. На этомъ основаніи можно думать, что и

наши Тамбовскія добри въ свое время испытали всю ужасъ татарскаго нашествія и это тѣмъ болѣе, что дикіе Азіатскіе кочевники только что почували русскую кровь.

Батый остановился станомъ на *Воронежѣ на Онозѣ* въ декабрѣ, подъ защитою нашихъ вѣковыхъ лѣсовъ, давно уже срубленныхъ и обращенныхъ въ дымъ.

Что такое Оноза? Покойный Погодинъ думалъ, что это Усмань, но Усмань основана въ 1646 году. Надеждинъ и Соловьевъ полагали, что Оноза—одинъ изъ притоковъ Суры, но рѣки въ плѣтъ не берутся. Вѣрнѣе всего, Оноза—погибшій городъ, по всей вѣроятности Менцерскій.

Въ Батыевомъ станѣ на Воронежѣ погибъ извѣстный Рязанскій князь Феодоръ. Летописецъ говоритъ объ этомъ такъ: „Посла князь Георгій сына своего Феодора къ нечестивому царю Батыю съ дары и съ великимъ моленіемъ, дабы не воевалъ Рязанскія земли. Князь же Феодоръ прииде къ Батыю на Воронежъ.“

Татарскій ханъ охотно принялъ Рязанскіе дары, но въ то же время потребовалъ събѣ десятины со всехъ людей мужскаго и женскаго пола и жену князя Феодора Евпраксію къ себѣ *ни ложе*. На послѣднее дерзкое требованіе благородный князь отвѣчалъ Батыю въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „не подобно есть намъ христіанамъ къ тебѣ водить жены своя на блудъ.“ Тогда раздраженный язычникъ велѣлъ на глазахъ своихъ убить молодого князя со всею его свитою. Услышала объ этомъ княгиня Евпраксія и вмѣстѣ съ малолѣтнимъ своимъ сыномъ Иваномъ бросилась съ высокой стѣны и разбилась до смерти.

На той же рѣкѣ Воронежѣ, близъ Рязанской границы, произошла битва Рязанской дружины съ татарскими полчищами. Одинокіе Рязанцы *всею полагли костью за землю русскую*.

По всей вѣроятности, вышеуказанные факты совершались въ предѣлахъ нынѣшней Тамбовской губерніи. Съ тѣхъ поръ русскій элементъ, уже начинавшій съ силою водворяться въ нашихъ привольныхъ лѣсахъ и степяхъ, уничтоженный ордою, надолго скрылся изъ мѣстнаго географическаго района, какъ господствующій элементъ. Судьба нашихъ русскихъ аборигеновъ XIII столѣтія представляется намъ тѣмъ болѣе трагическою, что мы догадываемся о ней только по лѣтописнымъ намекамъ и совершенно безсильны воспроизвести полную, совершенно достоверную и яркую картину бывшихъ страданій мѣстнаго народонаселенія.

Въ теченіе XIV, XV и XVI столѣтій край нашъ понемногу снова сталъ наполняться русскими людьми. Началась продолжительная племенная борьба. Строились у насъ православные монастыри и церкви. Усиленно развивалась сторожевая и станичная служба, слѣды которой доселѣ ясны и грандіозны и выражаются въ монументальныхъ земляныхъ работахъ отъ Козлова, мимо Тамбова, къ Усамани и отъ Шацка, мимо Керенска, на Пензу. Медленно, но вѣрно склонялись передъ славяно-руссами Татары, Мордва и Мещера...

Въ смутную эпоху начала XVII столѣтія весь Тамбовскій край подвергся *мшотости*. Елатяма стояла за Владислава и Литовцевъ, а Темниковъ—за Түшинскаго вора. Много русской и инородческой крови пролилось въ тѣ тяжкія времена и нѣтъ объ ней прочной памяти и вѣроятно не будетъ. Въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ отрывочно говорится, что вся наша Мордовско-Мещерская сторона приведена была къ законному царю Шуйскому Рязанскимъ воеводою Проконіемъ Ляпуновымъ, но этотъ народный герой самъ скоро погибъ отъ польской интриги и уже при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ Романовѣ началось постепенное умиротвореніе нашего края.

Первый царь изъ дома Романовыхъ долженъ быть намъ особенно дорогъ. Онъ обращалъ большое внима-

ніе на всю нашу юго-восточную Украину, онъ строилъ у насъ крѣпости и застѣки, проводилъ сторожевые валы и ласкалъ нашихъ воеводъ. (*) Шацкій воевода Алексѣй Ивановичъ Зюзинъ въ 1613 году былъ даже удостоенъ чрезвычайной царской почести. Онъ былъ отправленъ посломъ въ Англію къ королю Іакову I-му Стюарту съ извѣстіемъ о возшествіи молодого царя на престолъ и съ жалобами на неправды Польскаго и Швейскаго королей. Статейный списокъ объ этомъ посольствѣ, еще ни однимъ ученымъ не тронутый, былъ въ нашихъ рукахъ, благодаря просвѣщенной любезности директора Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ барона Бюлера. На основаніи этого интереснаго документа мы и намѣрены сообщить нашимъ читателямъ всѣ добытыя нами свѣдѣнія о Зюзинѣ.

I.

Посольство Шацкаго воеводы А. И. Зюзина въ Англію. (**)

Цѣль посольства Зюзина къ Іакову I-му заключалась, какъ мы сказали уже, въ извѣщеніи объ избраніи Михаила на престолъ и о *причиненномъ отъ поляковъ и шведовъ разореніи Россійскому государству*. Кромѣ того, посламъ Зюзину и его товарищу, дьяку Алексѣю Витовтову, вмѣнено было въ обязанность *войти къ Англическому королю съ прошеніемъ о дать вспоможенія противу поляковъ и шведовъ деньгами и военными припасами*. По

(*) **Примѣчаніе:** Строителемъ Тамбова и первымъ его воеводою былъ, какъ извѣстно, стольникъ Р. Ѳ. Бобарыкинъ. Онъ происходилъ изъ Московскихъ дворянъ и дожилъ до глубокой старости († въ 1682 г.). Незадолго до смерти Романъ Федоровичъ получилъ званіе царскаго окольничаго и сталъ очень близокъ ко двору царя Платона Кирилловича. Во время бойскаго борьбы съ Никономъ, Бобарыкинъ былъ противъ патріарха и даже велъ съ нимъ личную тяжбу.

(**) Стар. списокъ Зюзина хранится въ Моск., главномъ архивѣ подъ № 3, дѣла Англичія.

дорогѣ Зюзинъ и Витовтовъ должны были захватить къ Датскому королю *Крестьянусу*, къ которому была царская грамота о пропускѣ посольства. Въ посольской инструкціи Шацкому воеводѣ велѣно было подробно разузнавать, *кто съ кѣмъ изъ иностранныхъ государей въ войну или миръ*, такъ какъ Московское государство пребывало тогда въ полномъ невѣдѣніи условій и фактовъ западно-европейской политики.

28 іюня 1613 года въ посольскомъ приказѣ Зюзину и всей его свитѣ было объявлено: „царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ велѣтъ дворянину и намѣстнику Шацкому для своего государева великаго дѣла идти къ Англическому королю *Якову Олдриксичу* въ посылѣхъ, а идти ему на Вологду Двиною къ новому Архангельскому городу не мѣшая, а прошая на Вологду взять ему у князя Ростовскаго суда, и какъ прѣйдутъ къ Архангельскому городу и о томъ отписать государю царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичу въ Москвѣ.“

22 августа 1613 года послы прибыли въ Архангельскъ. 29 сѣли на Английскій корабль и въ сопровожденіи подъячача *Андрюшки Селистова* да переводчика изъ Московскихъ нѣмецкихъ толмачей *Андрюшки Андриева* отправились въ продолжительное путешествіе.

„Сентября 3-го, доносили внослѣдствіи Алексѣй Ивановичъ Зюзинъ,—учать быть на морѣ вѣтръ и насть по морю носило по 19 число. И намъ посламъ и всякимъ людямъ скорби были великія. И пронесло корабль мимо Шкотцкой земли и октября 13-го увидѣли мы берега Атлантикѣ.“

Англія произвела на нашихъ пословъ, весьма понятно, самое сильное впечатлѣніе. Привыкнуши видѣть у себя на родинѣ деревянно-соломенные поселенія, почти совершенно чуждыя европейской культуры, наши наивные путешественники всему удивлялись въ заморскомъ

царствѣ и недоумѣвали по поводу басурманской хитрости и богатства.

„ Города въ Англіи, пишутъ Зюзинъ,—каменные и посады у нихъ великіе. По морскому берегу села и деревни многія. Въ вотчинахъ королевскихъ и боярскихъ и у удѣльныхъ князей и иныхъ ближнихъ людей въ селахъ и деревняхъ устроены каменные палаты великія и высокія и дома всё каменные.“

22-го октября послы Тежаю подошли къ Лондону. Въ тотъ же день былъ у нихъ на кораблѣ *Англинскій гость Иванъ Ульяновъ* и отъ королевскаго имени спрашивалъ: „ великій государь нашъ король Якубъ Андреевичъ велѣлъ вамъ поклониться и о здоровьи спросить.“ И послы на королевскомъ къ себѣ жалованьи челомъ били. Вскорѣ къ нимъ прѣхалъ *восвода Каннингъ* (капитанъ!) и съ нимъ *служилыхъ людей* 12 человекъ для ихъ *посольскаго обсерванья*.

Когда послы ѣхали въ Гревендѣ, то *была стрельба великая* со всѣхъ береговыхъ укрѣпленій. „А наряды у нихъ, замѣчаютъ послы,—многіе и великіе.“

Въ Гревендѣ, гдѣ Зюзина встрѣтило *человѣкъ 200* и *болыи и челомъ ему ударили*, русское посольство пробыло по 25-е октября. Здѣсь его посетилъ королевскій уполномоченный *Томасъ Уоллингъ Смитъ* и спрашивать отъ имени Іакова 1-го о царскомъ здоровьи. И послы отвѣчали: „Вожією милостію государь нашъ на своихъ великихъ и преславныхъ государствахъ російскаго царствія въ добромъ здоровьи.“

26-го октября, послѣ торжественнаго въѣзда въ Лондонъ, причемъ Зюзинъ и Томасъ Смитъ ѣхали въ одномъ экипажѣ, послы отправились на аудіенцію въ лодкахъ. По этому случаю опять была *стрельба великая*: съ кораблей со всѣхъ стрѣляли и изъ всего берегового наряду. А какъ стрельба *поминовалась*, князь *Томасъ* говоритъ: „такая стрельба была по королевскому велѣнію для великаго государя царя и великаго князя и

ди вашей посольской чести, и ни которых послажь
иныхъ государствъ въ Аглицкой землѣ такой чести не
бывало.“

На берегу пословъ встрѣтили королевскіе прид-
ворные въ богатыхъ бархатныхъ кафтанахъ съ *княми*
золотыми верхомъ и тѣми. „И были жъ тутъ, описываетъ
Зюзинъ,—королевскіе дворовые люди и драбанты въ
цвѣтномъ платьѣ съ протазаны золочеными челоуѣкъ
съ полтораста, а напередъ и назадъ у нихъ золоче-
ныя королевскіе признаки. Да и многіе всякіе люди въ
тѣ поры были изнедчи.“

По обыкновенію, дворянину Зюзину дана была
правительствомъ подробнѣйшая *намять* относительно
всѣхъ его поступковъ, словъ и чутъ ли не помысленій.

Если его спрашивали про великаго государя, онъ
отвѣчалъ въ самомъ надменномъ тонѣ; если любопытст-
вовали про Заруцкаго и *Миринку* и про иныхъ госуда-
ревыхъ *вириговъ*, Зюзинъ говорилъ исключительно *по ин-*
сину. „А пуще всего, докладывать онъ въпослѣдствіи
въ Москвѣ,—беречь и высокую государскую честь, чтобъ
не было ни какой порухи государевой славы.“

Понятно, что торжественныя встрѣчи въ Англіи
крайне льстили національному и личному честолюбію
нашего Шацкаго воеводы. Послы съ блестящею Анг-
лійскою свитою пріѣхали въ посольскую квартиру.
пышно здѣсь пообѣдали и *немало* пили за царское и
королевское здоровье. Относительно послѣдняго пункта
въ посольской инструкціи ничего не было сказано, по
этому Московскіе гости въ служеніи Бахусу ни чутъ
не отставали отъ своихъ гостепріимныхъ хозяевъ..

Значительно подгулявши, Зюзинъ въ концѣ обѣда
сталъ хвалиться Московскими обычаями. „Служимъ мы
великому государю своему, покрикивать онъ толмачу
Андрееву,—съ прямымъ радѣніемъ и во всякой холопѣй
правдѣ стоимъ не по вашему.“

Въ слѣдующіе дни послы стали добиваться королевской аудіенціи. Между тѣмъ ихъ возили по городу и показывали имъ разныя рѣдкости, къ которымъ они старались относиться равнодушно. Король принять на-шихъ пословъ уже 7-го ноября. Приѣзъ былъ устроенъ въ одномъ изъ загородныхъ дворцовъ. Зюзина и Витовтова близъ королевской резиденціи встрѣтили съ музыкою, колокольнымъ звономъ и стрѣльбою. Дворяне и войска стояли по всему посольскому пути шпалерами.

О самой аудіенціи Зюзинъ доноситъ царю такъ: „внѣдъ въ великую палату, усмотрѣли мы Его Величество Якуба короля, его королеву Анну и королевича Карлуса, какъ они сидятъ по своимъ государскимъ мѣстамъ. Сидѣтъ Якубъ король на своемъ королевскомъ мѣстѣ, а съ нимъ съ лѣвоя руки королева Анна на особомъ мѣстѣ, а королевичъ у отца своего—съ правя руки, только немного подалѣе отъ него. И подъ ихъ королевскими мѣстами сдѣланъ рундукъ для вышны по дворекому обычаю.“

Когда послы дошли до середины тронной залы, то король, королева и королевичъ встали съ своихъ мѣстъ. Зюзинъ и Витовтовъ въ своихъ парчевыхъ кафтанахъ и съ громадными собольими *горлатными* шапками въ рукахъ медленно и важно приближались къ королевскому *рундуку*. Тогда Іаковъ 1-й и королева Анна отошли отъ своихъ креселъ на встрѣчу посламъ *болыи сажени*, а принцъ Карлусъ спустился съ троннаго возвышенія на одну ступень и снялъ шляпу.

Алексѣй Ивановичъ Зюзинъ съ товарищемъ, отдавши королю и его фамиліи *царскій* поклонъ, молвилъ: „Бога въ Троицѣ славимаго милостію великій государь царь и великій князь Михаилъ Θεодоровичъ всея Руссіи самодержецъ, Владимірскій Московскій, Новгородскій, царь Казанскій, царь Астраханскій, царь Сибирскій, государь Псковскій и великій князь Смоленскій, Лифляндскій, государь Тверскія земли и Карталинскихъ и Грузинскихъ царей

и Кабардинскія земли, Черкасскихъ и Горскихъ князей государь и обладатель—брату своему любительному Якубу королю Англинскому, Шьотцкому, Францскому, Индѣйскому и иныхъ и королевѣ Аннѣ и королевичу велѣлъ поклониться и здорovie свое сказать.“

Послѣ этихъ словъ Зюзинъ началъ читать королю Іакову царскую грамоту, тщательно переписанную и дотолѣ обернутую въ богатую шелковую матерію. Содержаніе грамоты мы приводимъ въ сокращеніи.

„Царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всея Руссиі самодержецъ вамъ, великому государю и любительному брату своему Якубу королю, велѣтъ здорovie и сіе говорить.“

Далѣе шла рѣчь о безпрерывныхъ дипломатическихъ сношеніяхъ Россіи съ Англіею со временъ Іоанна IV, о бѣдствіяхъ русскаго народа въ смутную эпоху, причиненныхъ королями Жигимонтомъ и Карлусомъ и панами радными по ихъ *злому умыслу*, о воровскихъ грамотахъ, особенно волновавшихъ казаковъ и боярскихъ *холопей* и иныхъ *худыхъ людей*, и о самозванцахъ. „И тѣ польскіе, литовскіе и русскіе недобрые люди, продолжаетъ грамота,—пришли подѣ царствующій градъ Москву и почали Московское государство разорять, людей въ плѣнъ имати, а иныхъ побивати и грабити и кровь напрасную проливати безъ милости.“

Посольская грамота, по Московскому обычаю, была очень длинная и послы читали ее попеременно. Это была цѣлая обширная статья о смутныхъ временахъ. Съ особенною подробностію и энергіею послы выражались о *воровскихъ* жестокостяхъ и грабежахъ и о неправдахъ Польскаго и Шведскаго королей. „Всякихъ жилецкихъ людей, жаловались Московскіе дипломаты,—мужеска и женска полу и до сеущихъ младенцевъ тѣ наши враги побили, а нашу царскую казну и царскія утвари пограбили и къ королю Жигимонту отослали и по себѣ пограбя раздѣлили, и товары у торговыхъ людей

и у Марка Агличенина некрестыанскимъ обычаемъ захватили. А отъ королей Жигимонта и Карлуса и сына его Адольфа пошло безъ конца злое умышленіе, крестопреступительное порушенье, неправда и измѣна Московскому государству.“

Вообще, тонъ всей царской грамоты былъ жалобный. Бодрѣ послы становятся при разсказѣ о Пожарскомъ. „И въ приступахъ и на вылазкахъ Польскихъ и Литовскихъ и Нѣмецкихъ людей, говорили они,—наши побивали безчисленно, взяли большой каменный городъ и живыхъ поимали больше четырехъ тысячъ, а достальныя Польскіе и Литовскіе люди съли въ Китаѣ да въ Кремлѣ. Да съ гетманомъ Ходковичемъ бились три дни и побили гетмана на голову и живыхъ въ полонъ взяли больше десяти тысячъ.“

Далѣе говорится о царскомъ избраніи: „за молсіемъ и прошеніемъ Московскаго государства митрополитовъ, епископовъ и всего освященнаго собора и за челобитьемъ царей и царевичей разныхъ государствъ, которые служатъ въ Московскомъ государствѣ, и бояръ и окольничихъ и дворянъ и великихъ служилыхъ и приказныхъ людей и гостей и всенароднаго множества людей, принявъ благословеніе отъ великой государыни матери иноки Марѣи Ивановны и милосердуи о народѣ, учинилися есмы на великихъ и преславныхъ государствахъ.“

Чтобы заинтересовать Іакова 1-го дружбою съ Россією, послы по царскому наказу въ той же рѣчи говорили: „а государство Московское—великое и широкое. Изъ дальнихъ мѣстъ, изъ Сибири, изъ Астрахани и изъ иныхъ мѣстъ въ то государство по часту пріѣзжаютъ.“

Кромѣ того Зюзинъ, по смыслу посольской *памяти*, выставлѣтъ на видъ особенную приверженность Москвы къ Англіи. „Великій государь нашъ Его Царское Величество, съ особеннымъ удареіемъ читать

онъ,—для любви брата своего Якуба короля многимъ торговымъ людямъ разныхъ государствъ отказываетъ, къ Архангельскому городу приходити не велить.“

Посольская рѣчь закончилась слѣдующими словами, выражающими цѣль посольства: „И вы бѣ, великій государь братъ нашъ любительный Якубъ король, съ нашимъ царскимъ величествомъ были въ братской любви и въ крѣпкой дружбѣ и на всякаго нашего недруга стояли бѣ съ нами заодно, помня прежнюю братскую любовь съ великими государями Россійскими.“

По окончаніи рѣчи Зюзинъ подать свитокъ царской грамоты Іакову 1-му, который принялъ его стоя и приподнявши щипцу. Имя Божіе и государевы титула въ той грамотѣ писаны были золотомъ, а печать къ ней привѣшена была изъ краснаго воску.

Вручивъ королю грамоту, Шацкій воевода сказалъ: „царское величество, помня прежнюю братскую крѣпкую дружбу и любительныя ссылки съ любительною царскою сестрою славныя памяти съ великою государынею съ Елисаветъ королевою, а послѣ того—любительныя ссылки съ вами, Якубомъ королемъ, царей Борнеа и Василия Іоанновича, послать къ вамъ брату своему нашъ холоней своихъ въ послѣхъ государство свое обвѣстити и здоровье свое царское сказать, а про ваше королевское братское здоровье провѣдати и о иныхъ добрыхъ и великихъ дѣлѣхъ говорить, которые межъ великихъ государей и межъ великихъ государствъ къ доброму дѣлу и къ покою крестьянскому настоятъ.“

На всѣ эти посольскія привѣтствія и рѣчи Іаковъ 1-й отвѣчать лично. „Слышать я про брата своего, говорить онъ,—царя и великаго князя Михаила, что онъ учинился на всѣхъ государствахъ Россійскаго царствія, и царской любительной ссылкѣ и братской его дружбѣ мы радуемся.“

Въ это время королева Анна встала съ своего мѣста и спросила о царскомъ здоровьи. Прихѣру ей

послѣдоваль принцъ Карлъ. Обоимъ послы отвѣчали особо.

Между тѣмъ Іаковъ 1-й продолжалъ: „съ братомъ своимъ царемъ всея Руси въ крѣпкой дружбѣ мы будемъ на вѣки.“

Іаковъ 1-й Стюартъ видимо ласкалъ Московское посольство. Онъ выразилъ это въ рѣзкомъ порицаніи Польской и Шведской политики и въ самой церемоніи аудіенціи. Такъ какъ послы стояли въ тронной залѣ безъ шапокъ, то король *дважды и трижды* приказывалъ имъ накрыться и своимъ королевскимъ словомъ *гориздо про то приклянивалъ*. Однако послы не рѣшились удовлетворить королевской любезности и остались съ непокрытыми головами. Тогда король и королевичъ сами сняли шляпы. Такимъ образомъ они надѣялись сломить посольское упрямство, но Зюзинъ стоялъ на своемъ и за себя и товарища говорилъ: „ваши королевскіе очи мы близко видимъ и намъ холопамъ какъ то учинить, чтобъ на себя шапки положить.“

За это пословъ похвалили и позвали къ руцѣ. Этой чести удостоились также подъячій и переводчикъ.

Въ концѣ аудіенціи Зюзинъ и Витовтовъ стали подносить отъ себя королевской фамиліи подарки. Первый поднесъ королю, королевѣ и принцу по 40 черныхъ соболей и по чернобурой лисицѣ. Второй подарилъ королю тоже 40 соболей, а королевѣ только двѣ пары и королевичу—черную лисицу. Всѣ эти подарки далеко не выражаютъ извѣстной Московской пышности, но это такъ понятно: казна царская была въ тѣ времена въ совершенномъ запустѣніи, государство въ разореніи и *многій народъ въ тѣмостѣ*.

Вскорѣ послѣ того наши послы особо представились королевѣ. Тѣхали они по Лондонскимъ улицамъ съ полверсты и дивились большимъ каменнымъ домамъ и гостиннымъ дворамъ *со многими товарищи*. „А какъ вошли мы во дворъ королевнѣ, описываютъ послы,—

и въ то время въ воротахъ и во дворѣ стояли по обѣ стороны нѣмки—жены и дѣвки въ нарядномъ платьѣ и намъ честь воздавали, кланяясь. Да на дворѣ жъ стояли всякіе люди нѣмцы и нѣмки, а въ палатахъ драбанты и боярскихъ чиновъ люди съ женами и дочерями.“

Въ королевскихъ покояхъ послы *внимались* съ придворными сановниками *за руки*, а сравнительно мелкими чинамъ на ихъ глубокіе поклоны съ важностію отвѣчали легкими кивками головы. На возвратномъ пути Зюзинъ и Витовтовъ держали себя еще величественнѣе, такъ какъ они удостоены были чрезвычайной честью: королева пригласила ихъ сѣсть въ своемъ присутствіи и приказала проводить ихъ до посольской квартиры своей свитѣ съ церемоніей. Въостѣдствіи по этому поводу посольство отзывалось такъ: „никакимъ иноземцамъ, oprичъ насъ, такіа чести не бывало.“

Съ особеннымъ удовольствіемъ нашъ Шацкій воевода отмѣчаетъ въ статейномъ спискѣ тотъ фактъ, что король пригласилъ его съ Витовтовымъ къ своему столу, во время котораго самъ посолъ сидѣлъ *на королевскомъ мѣстѣ*, а дыякъ Витовтовъ—*возлѣ королевскаго мѣста*.

За обѣдомъ Іаковъ 1-й любезно сказалъ посланъ: „грамату царскую принять я съ великою честію и цѣловать ее любезно и теперь спрашиваю о царскомъ здоровьи.“

На это Зюзинъ, вставъ съ мѣста, молвилъ, а толмачъ сойчасъ же все это перевелъ: „какъ есмя поѣхали отъ великаго государя своего и великій государь нашъ Его Царское Величество на своихъ великихъ преславныхъ государствахъ дать Богу въ добромъ здоровьи.“

Русское посольство пребыло въ Англіи до осени 1615 года и подтвердило извѣстный торговый договоръ, по которому Англійскіе купцы могли вести безпошлинную торговлю съ Московскимъ государствомъ чрезъ Архангельскъ. Такимъ образомъ Англичане остались въ

барышахъ, а русскіе, не получивъ отъ нихъ никакой помощи, въ надеждѣ на вѣроятную будущую помощь очутились у своихъ фиктивныхъ союзниковъ въ экономической зависимости, продолжавшейся до времени царя Алексѣя Михайловича, когда по повѣду убіенія Кромвелемъ и долгимъ парламентомъ короля *Карлуса* наложено было запрещеніе на Англійскую торговлю.

Посольство А. И. Зюзина всетаки имѣло свои выгоды. Оно въ нѣкоторой степени содѣйствовало сближенію глухой Москвы съ просвѣщеннымъ западомъ и именно въ этомъ смыслѣ было однимъ изъ сильныхъ прецедентовъ Петровской реформы, потребность въ которой разумѣется явилась не вдругъ, а постепенно.

Московскіе послы возвратились на родину 20 октября 1615 года. Вместе съ ними ко двору царя Михаила прибылъ посолъ Іакова 1-го *Еганусъ Сергитъ съ товарищи*. Иноземные послы привезли молодому царю однѣ любительныя грамоты. Даже царская просьба о скромномъ денежномъ вспоможеніи осталась безъ удовлетворенія.

Статейный списокъ Зюзина, къ сожалѣнію, не дошелъ до насъ въ полномъ составѣ. Дальнѣйшія обстоятельства жизни нашего Шацкого дипломата тоже не ясны и совершенно отрывочны. Въ 1615 году, немедленно по возвращеніи изъ Англіи, Зюзинъ вместе съ княземъ Менцерскимъ велъ въ Тихвинѣ переговоры съ Шведскимъ уполномоченнымъ Яковомъ Пунтосомъ. *) Очевидно, его считали опытнымъ дипломатомъ, поэтому перевели изъ Шацка въ Великій Устюгъ, поближе къ Шведской границѣ, и въ 1617 году поручили договариваться со Шведами въ Ладогѣ и Новгородѣ. **) Въ 1618 году А. И. Зюзинъ вызванъ былъ въ Москву

*) Книги разрядныя, т. 1-й стр. 116-я.

**) Тамъ-же, стр. 308-я.

и засѣдать въ боярской думѣ, гдѣ сообща приговорили:
сидѣть въ осаду отъ Владислава.

Что было съ нашимъ дипломатомъ потомъ, намъ неизвѣстно. Вѣроятно, онъ скоро умеръ, иначе имя вѣрнаго и опытнаго царскаго слуги и еще не разъ встрѣтилось бы въ дипломатическихъ документахъ...

Мы привели свои краткія историческія данныя объ Англійскомъ посольствѣ 1613 года между прочимъ съ тою цѣлю, чтобы указать на относительно важное государственное значеніе нашего Шацкого края въ началѣ XVII вѣка. Ясно, что въ описываемое время и мы жили уже не одною оборонною жизнью, но могущественно первымъ царемъ Романовыхъ, имѣвшимъ родовыя Лебедянскія вотчины, втягивались въ общегосударственную жизнь. Эту мысль подтверждаютъ какъ Тамбовскія писцовыя книги, такъ и мѣстные царскія церковныя пожалованія и усиленное городовое и земляное строеніе. *) Главная вотчина бояръ Романовыхъ находилась въ городѣ Романовѣ (теперь село), основанномъ Филаретомъ Никитичемъ. Здѣсь знаменитый патріархъ построилъ крѣпость, хоромы, церковь и Красногорскій монастырь. Въ крѣпости былъ вырытъ глубокій колодезь, который цѣль и теперь. Сохранились также отчасти и крѣпостныя земляныя насыпи.

Въ 1636-мъ году царь Михаилъ Феодоровичъ повелѣлъ построить крѣпости Тамбовъ и Козловъ и насыпать сторожевой валь отъ Козлова до Усмани.

Тогда же начались непрерывныя и усиленные набеги Крымцевъ на нашъ край, слѣдствіемъ чего были частыя царскія посольства въ Бахчисарай. Про одно изъ таковыхъ посольствъ мы и скажемъ въ слѣдующей главѣ.

*) Въ Тамб. кафедр. соборѣ и доселѣ хранится вкладъ царя Михаила Феодоровича — Евангеліе.

II.

Крымское посольство стольника Приклонскаго. *)

Московскіе послы и гонцы въ первой половинѣ XVII столѣтія ѣздили въ Крымъ обыкновенно черезъ два года. Они обязательно являлись въ Бахчисарай съ *номинками* и усиленно добивались ханскихъ *мирныхъ* грамотъ. Главный Крымскій трактъ шолъ изъ Москвы на Тулу, Новосиль, Осколь и Валуйки. Положеніе нашихъ пословъ во время ихъ путешествій въ Крымъ для *великаго государя* было крайне опасное. Степь кишѣла татарскою и русскою вольницею и всѣ мурзы и атаманы отлично знали, что Московскіе гонцы ѣхали въ орду не съ пустыми руками: въ ихъ обозахъ хранилась денежная казна, дорогіе мѣха, оружіе, шелковыя ткани, шапчирь и разныя хитрыя издѣлія Московскихъ придворныхъ мастеровъ. Поэтому *добрые молодцы* слишкомъ зарились на посольское богатство и стремились воспользоваться имъ. Вслѣдствіе этого посольскіе караваны старались проходить степи самыми глухими мѣстами, въ сопровожденіи опытныхъ степныхъ *овжей*. Въ Крыму нашихъ пословъ обыкновенно не чествовали. Нерѣдко Бахчисарайскіе дипломаты заговаривались до того, что требовали себѣ у Московскаго правительства Казани и Астрахани и многихъ коренныхъ русскихъ городовъ и Москва въ этомъ Татаръ обнадеживала *посулами*. Кромѣ того Крымскіе ханы въ грамотахъ своихъ были крайне невѣжливы и выражали нашимъ царямъ *новелитіе*, а самихъ пословъ и гонцевъ нерѣдко подвергали побоямъ. За это наши дипломаты метили надменнымъ гиреямъ тѣмъ, что писали своихъ царей *отчицами и дидичами* *всѣхъ восточ-*

*) Источникомъ для этой главы послужилъ статейный списокъ стольника Приклонскаго. Этотъ списокъ хранится въ Моск. глав. архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

ныхъ, западныхъ и северныхъ государей, а чтобы ханы не очень обижались на это, ихъ увеличивалось количество поминковъ.

Посольство стольника Приклонскаго отправилось въ Крымъ въ 1643-мъ году, въ сопровожденіи подъячаго Лаврова, переводчиковъ, кречетниковъ, вожей и служилыхъ воинскихъ людей. Посольскій поѣздъ шолъ, по словамъ статейнаго списка, *день и ночь самую скорою ѣздою настигъ, и отъ той ѣзды въ телѣхъ многія лошади падали и ихъ на дорогу метали.* Вслѣдствіе совершенной пустынности нашихъ украинъ Приклонскій останавливался на отдыхъ въ необитаемыхъ мѣстахъ, раскидывать шатры и отъ скуки потѣшался иногда ястребиною охотою.

Причина посольства Приклонскаго была такова. Въ теченіе всей весны и всего лѣта 1643-го года Крымцы подъ начальствомъ 30 мурзъ, изъ которыхъ наибольшимъ былъ мурза Мустафа, непрерывно нападали на нашу Тамбовскую украину и *много полону взяли.* Татарское хищничество лучше всего выражается въ царской граматѣ на имя Крымскаго Хана Махметъ-Гирея.

„На наши украинные города, пишетъ царь Михаилъ Ѳеодоровичъ,—твои брата нашего воинскіе люди, Крымскіе, Азовскіе и Темрюцкіе, войною несправедливо приходили и Козлова города воеводу Ивана Ляпунова ранили и многое разореніе починили и поймали многія тысячи полону. И мы, великій государь, тому гораздо удивимся и просимъ тѣхъ твоихъ воровъ смертію казнить, а взятой *ясырь* вели къ намъ отпустить для братской любви и дружбы. Въ лѣто сіе мало не весь Крымъ, перемѣняючись, перебывалъ въ нашихъ мѣстахъ, и то намъ великому государю гораздо сумнительно, ибо за нарушеніе шерти надобно Бога бояться и нашу любовь и дружбу помнiti“.

Въ глубокую осень Приклонскій дошолъ до Крыма и остановился шатрами близъ Перекопа. Чины посольства

имѣли право ожидать болѣе или менѣе почетной встрѣчи, но вмѣсто того, по наущенью главныхъ Бахчисарайскихъ мурзъ, они въ одинъ день лишились всѣхъ коней, которые были ловко украдены привычными къ подобнымъ операциямъ Крымскими абреками. Съ этого времени начинается цѣлый рядъ самыхъ грубыхъ оскорбленій и притѣсненій, которыя были испытываемы со стороны Татаръ всѣми чинами нашего посольства. Приблизилась зима и въ Крымскихъ степяхъ стояли уже довольно чувствительные холода, между тѣмъ лагерь посольскій нарочно поставленъ былъ на самомъ открытомъ мѣстѣ, вдали отъ воды, и окруженъ былъ бдительною сторожевою цѣпью. Приклонскій и его товарищи такимъ образомъ оказались какъ бы подъ стражей, въ плѣну. Впослѣдствіи нашъ посолъ такъ жаловался царю на свои бѣды: „тѣснота намъ во всемъ была великая и корму намъ ханъ Махметъ-Гирей продавать не велѣтъ“.

Въ концѣ зимы посольство допущено было наконецъ въ Бахчисарай. Посла и всю его свиту помѣстили *на пустомъ дворѣ, въ студеной палатѣ*, и окружили приставами и *никуда безъ караула не пускали*. Въ то же время, не смотря на всю бдительность Московскихъ служилыхъ людей, началось усиленное воровство въ посольскомъ обозѣ. Особенно много покрали *изъ рухляды*. Къ Приклонскому и Лаврову часто заходили мурзы и надменно требовали себѣ у нихъ подарковъ. Послы просили подождать общей раздачи, а ихъ за это безчестили, *лая матерей*, Лаврова били по щекамъ, морили голодомъ и грозили привязать къ пушкѣ, самого же Приклонскаго драли за волосы и били плетью по головѣ. „Не послы вы, неистово шумѣли драчливые мурзы, а данники наши!“

Какъ бы то ни было, Приклонскій получить позволеніе явиться къ хану. Махмедъ-Гирей сидѣлъ на возвышенномъ мѣстѣ, близъ него стояли царевичи Калга

и Нурединъ, даѣе — младшіе ханскіе родотвенники, още даѣе — вельможи и мурзы. Когда послы вступили въ приѣмную палату, царевичъ Калга заставилъ ихъ *стать на колынки*. Во время аудіенціи прочитана была царская *любителъная* грамота съ извѣстными жалобами на разореніе украинныхъ городовъ и на обиды Московскимъ посламъ: „и то межъ иныхъ государей, писать царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, — не повелось и мы, великій государь, по нашему государскому милосердому нраву твоихъ гонцовъ допускали видѣть наши царскія очи вскорѣ и твои царевы грамоты принимали. А въ твоихъ грамотахъ пишешь намъ *новолынія*, не называешь насъ самодержцемъ, и таково писать непристойно.“

Царскія требованія такъ выражались въ *любителъной* грамотѣ: „порубежныхъ нашихъ городовъ и селъ и деревень не воевать, весь *ясырь* вернуть, жить въ дружбѣ, довольствоваться присылаемыми *поминками* и на томъ стоять впередъ навѣки крѣпко и неподвижно.“

По прочтеніи царской грамоты началась раздача *поминковъ*. Татарамъ выдано было 18 сороковъ соболей въ разную цѣну, отъ 250 до 25 рублей за сорокъ. Кромѣ того имъ же роздано было нѣсколько сотъ шубъ: собольихъ, кунныхъ, шубъ — хребты бѣлые и шубъ — черева бѣлые. Денежные *поминки* израсходованы были въ такомъ количествѣ: ханъ Махметъ-Гирей получилъ за годъ 4000 рублей, царевичи Калга и Нурединъ — по 500 рублей, младшіе царевичи — по 100 рублей, Маметпа-ага — 200 рублей, остальные придворные мурзы — по 50 рублей и наконецъ придворная прислуга — по 24 рубля на человѣка *).

Московскіе *поминки* видимо понравились крымцамъ, поэтому они вдругъ стали вѣжливые и сговорчивые. Приклонскому самъ Махметъ-Гирей объявилъ, что въ слѣдующее лѣто будетъ размѣнять *поминки*. Чины по-

*) Книги расходныя деньгамъ и рухляди. Приложены въ концѣ стат. списка Приклонскаго.

сольства были переведены въ лучшее помѣщеніе. Однако мелкіе набѣги Крымскихъ мурзъ и улановъ на наши украины все таки продолжались...

Въ 1644 году ожесточенный врагъ Москвы Махметъ-Гирей бѣжалъ въ Стамбулъ. Крымскимъ ханомъ сдѣлался Исламъ-Гирей. Въ это время царь Михаилъ Ѳеодоровичъ въ интересахъ Московскихъ украинъ завелъ дипломатическія сношенія съ турецкимъ султаномъ Ибрагимомъ и, опираясь на это, настойчиво сталъ требовать въ Бахчисараѣ черезъ Приклонскаго, чтобы ордынцы унялись и украинъ отнюдь не разоряли.

„И тебѣ бы брату нашему Ислану-царю, писалъ Михаилъ Ѳеодоровичъ,—учинить съ нами, великимъ государемъ, докончанье по повелѣнью и письму Ибрагима, саитанова величества, и полоняниковъ русскихъ людей прежнихъ и послѣднихъ войнъ отпустить бы ты къ намъ безъ окупы, а которые крымскіе воры наши украины воевали; и ты бы велѣлъ казнить ихъ смертію.“

Съ перемѣною правленія въ Бахчисараѣ наши отношенія къ Крымской ордѣ, однако, не улучшились. Татары не прежнему не упимались и въ томъ же 1644-мъ году мелкими партіями воевали наши степи, въ томъ числѣ и Тамбовскія, *до самыхъ зимъ безпрестанно*. Эти мелкіе Крымскіе хищники, которые приходили къ намъ на свой страхъ, въ XVII столѣтіи назывались у насъ *ворами-зипуниками*. Расчеты на покровительство турецкаго султана Ибрагима тоже не оправдались. Въ концѣ лѣта 1644-года, по распоряженію новаго крымскаго хана Исламъ-гирей, на все наши украины двинулись изъ орды многочисленныя конныя толпы. Тогда началось страшное избиеніе почти беззащитныхъ жителей Тамбовскаго края. Волѣе молодыхъ и красивыхъ обывателей нашихъ селеній Татары *арканили* и гнали въ Крымъ. Остальныхъ убивали. Въ сентябрѣ 1644-го года вся степная часть нынѣшней Тамбовской губерніи представляла мертвую пустыню и обширное пожарище. Крым-

цы пожгли все, даже и хлѣбъ на поляхъ. Домашній скотъ отчасти угнанъ былъ въ орду, отчасти поробить... „И такого разорены, жаловался въ орду Приклонскій,—потравы и полону нашимъ украинамъ николи не бывало.“

Главнымъ виновникомъ нашего разоренія въ описываемое время былъ Крымскій царевичъ Калга. Фанатическая вражда его къ Россіи происходила главнымъ образомъ отъ того, что ему сильно хотѣлось вернуть подъ мусульманскую власть Казань и Астрахань. Въ этомъ смыслѣ онъ говорилъ и Приклонскому, но тотъ, помни свою инструкцію, твердить неизмѣнно одно и тоже: „Казань и Астрахань—земли издавна государскія и ниня рѣчи про нихъ говорить не гоже и нестаточно“.

Уѣзжая изъ Бахчисарая, Приклонскій получилъ ханскую шерстную грамоту. Она была изложена въ такихъ выраженіяхъ.

„Великія орды великаго царя цареве слово учинили есми съ братомъ нашимъ царемъ и великимъ княземъ Михаиломъ Θεодоровичемъ. Быть намъ въ доброй и крѣпкой братской дружбѣ и въ любви отъ нынѣшняго дни и впредь на вѣки отъ дѣтей на внучата и вездѣ быти намъ другу его другомъ, а недругу его — недругомъ, и на всякаго недруга стояти за одинъ. И въ великое Московское государство войною намъ и царевичамъ и племянникамъ нашимъ, агамъ и мурзамъ не ходити и городовъ Московскихъ не разорять“.

Далѣе шли пріятныя рѣчи о взаимно-выгодной и безопасной торговлѣ и прочихъ благахъ мирнаго житія. Но все это забывалось конечно еще раньше, чѣмъ высыхали чернила... И снова жадные и *немилюстивые* хищники громили наши украинны.

Безпрерывныя Крымскія тревоги XVII вѣка сдѣлали то, что въ нашемъ Тамбовскомъ краѣ до XVIII столѣтія все крестьяне выходили на полевые работы съ оружіемъ. Многія селенія укрѣплены были *надолбами*.

На сторожевыхъ вышкахъ день и ночь стояли караульные. Можно сказать, что Тамбовскій край въ теченіе всего XVII столѣтія былъ совершенно на военномъ положеніи. Нѣкоторые мѣстные обыватели прямо приписаны были къ военному сословію и назывались казаками и солдатами.

Въ царствованіе Алексѣя Михайловича нашему краю стало немного легче. Крымцы, какъ извѣстно, заодно съ Богданомъ Хмѣльницкимъ воевали Польшу. Наши Донцы наводили тогда страхъ на *турецкіе* города и *Михайлы-саиданы* не знали что дѣлать съ ними. Но это сравнительно счастливое время продолжалось недолго, всего года три. За тѣмъ снова пошли набѣги, снова обильно потекла русская кровь, снова русскіе и въ томъ числѣ Тамбовскіе *полковники* наполнили собою Татарскіе и Турецкіе невольничьи базары. Поэтому въ 1653-мъ году въ Бахчисарай отправлено было новое посольство. Для государева великаго посольскаго и земскаго дѣла *въ послахъ* поѣхалъ стольникъ Хомяковъ съ подъячимъ Ключковымъ. По обычаю, и этому посольству пришлось испытать въ Татарскихъ степяхъ много горя. Однажды подъячій Ключковъ ночью немного отсталъ отъ своего обоза. Тогда на него наѣхали Татары, ограбили, били плетью, связали, привезли въ одинъ улусъ и морили тамъ голодомъ. Къ самому Хомякову постоянно на дорогѣ являлись разные мурзы и требовали себѣ *почести*, т. е. денегъ и соболей. Тщетно посоль отговаривался: „о чемъ вы пронасте, о томъ и помыслить немочно и прежъ сего такихъ великихъ запросовъ не бывало“. Татары всетаки продолжали назойливо приставать и въ концѣ концовъ получали подарки.

Въ декабрѣ 1653-го года посольство представлялось Исламъ-Гирею съ *подарками*. Хану особенно понравились кречета царской потѣхи. Онъ бралъ ихъ въ руки и долго любовался ими. Вообще же остался подарками

недоволенъ и грозить послать *безчестьемъ и стымотою*. *) Бахчисарайскіе повелители, очевидно, еще не ясно сознавали, что Татарское иго для Москвы давно кончилось, и потому смотрѣли на царскіе *поминки*, какъ на должную имъ и обязательную дань. Между тѣмъ въ Москвѣ придавали *поминкамъ* значеніе царскаго жалованья. Такимъ образомъ болѣе двухъ столѣтій между двумя сосѣдними народами происходило странное и упорное недоразумѣніе...

До какой степени часто наши дипломаты должны были вѣдаться съ Крымомъ, это видно изъ слѣдующаго перечня посольствъ. Въ 1626-мъ году въ Крымъ ходилъ посломъ стольникъ Тарбѣевъ. Въ 1628-мъ году — стольникъ Кологривовъ. Въ 1630-мъ году — стольникъ Воейковъ. Въ слѣдующемъ году — дворянинъ Соковнинъ. Черезъ два года — дворянинъ Анисимовъ. Черезъ три года — стольникъ Фустовъ и еще черезъ два года — Свѣтозаровъ. Все это были большія посольства и съ щедрыми *поминками*. Въ ихъ штатахъ были приказные люди, толмачи, *вожи*, кречатники и всякіе служилые люди. **) Но не спасали всё эти посольства нашихъ украинъ отъ дикаго татарскаго разоренія. Вслѣдствіе этого нашимъ предкамъ, стариннымъ Тамбовцамъ, слишкомъ жутко и тревожно жилось и не рады они были своему лѣсному и степному приволью... Между тѣмъ и внутри Московскаго государства начинаться великія бѣдствія.

Въ концѣ 60-хъ годовъ XVII-го столѣтія весь Московскій юго-востокъ смущенъ былъ извѣстнымъ казацко-крестьянскимъ движеніемъ Стеньки Разина. Государственная смута, грозившая всему русскому государственному *укладу*, широко распространилась въ Волжскомъ бассейнѣ и не миновала и нашего края. Именно объ этомъ печальномъ эпизодѣ Тамбовской исторической

*) Крымскія дѣла, № 34. Въ Моск. архивѣ мин. иностр. дѣл.

**) Крымскія дѣла, № 34-й. Въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностр. дѣл.

жизни и будетъ наша рѣчь въ третьей главѣ, на основаніи *боярскихъ отписныхъ приматъ*, которыя въ настоящее время хранятся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи.

III.

Казацко-крестьянское движеніе Разина въ предѣлахъ Тамбовскаго края.

Разинское социальное-политическое броженіе началось въ 1667 году. Подъ *воровскія* знамена отчаяннаго Донскаго удалца, заклатаго *ворога* Московскихъ бояръ, со всѣхъ сторонъ шли люди *голутвенные*, люди недовольные Московскими порядками, Никоновскими церковными реформами и всевозможные неудачники. Пущенъ былъ слухъ, что въ лагерь Степана Тимоѣевича Разина скрывается отъ гонителей святѣйшій патріархъ. Никонъ и вотъ потянулись на Волгу и ея притоки многочисленные приверженцы опальнаго всероссійскаго владыки. Въ то же время ходила по всей Руси молва, что у атамана Разина, подъ его вѣрной молодецкой защитой, пребываетъ царевичъ Алексѣй Алексѣвичъ и царелюбивая Русь слѣпо шла и на эту приманку. То было время, когда русская *могущая* сила не имѣла удержа и шла врозь путями ей невѣдомыми, стихійными....

Казацко-крестьянское движеніе охватило между прочимъ и весь нашъ край. Во всѣхъ Тамбовскихъ и Шацкихъ уѣздахъ, до самаго Воронежа, поднялось почти все крестьянство, взволнованное пришлыми Донскими казаками. Въ ту грозную эпоху совершилось у насъ не мало убійствъ беззащитныхъ дворянъ и служилыхъ людей. Желѣзо и огонь работали усиленно.

Мятежъ въ нашихъ предѣлахъ былъ тѣмъ ужаснѣе, что до самаго конца 1670 года не были посланы къ намъ царскія дружины и буйныя толпы дѣйствовали по этому на всей своей волѣ. Осенью 1670 года наконецъ къ намъ пришли воеводы князь Юрій Долгорукій, князь Волконскій, Бутурлинъ, полковникъ Волжинскій, ротмистръ Швейковскій и князь Ромодановскій. Съ ними были стрѣльцы, драгуны, рейтары и ополченцы.

Наши источники по данному вопросу—*боярскія отписныя грамоты*, снятыя съ Московскихъ архивныхъ *столицъ*, получались нами случайно и не въ хронологическомъ порядкѣ, поэтому въ своемъ разсказѣ мы будемъ держаться такъ сказать топографической системы, т. е. будемъ приурочивать свои краткія повѣствованія къ извѣстнымъ городамъ. Прежде всего вниманіе наше останавливается на бывшемъ Верхне-Ломовскомъ уѣздѣ.

Къ Верхнему Ломову мятежники приступили 2-го октября 1670 года. Сколько ихъ было—неизвѣстно. Но должно быть много, потому что во главѣ ихъ находился столь извѣстный атаманъ Михайло Харитоновъ, который пришелъ на *Ломовъ городъ*, по словамъ боярскихъ грамотъ, *со многими людьми и большимъ собраніемъ, съ черкасскими, Сиратовскими и всякими казаками*. Ломовскій гарнизонъ во всѣхъ отношеніяхъ былъ очень слабъ и даже самая вѣрность его подвергалась сомнѣнію, тѣмъ не менѣе воевода Игнатій Корсаковъ выслалъ противъ мятежниковъ городскихъ людей. Не вступая въ бой, обѣ стороны вступили въ переговоры.

— Для чего вы къ намъ въ Верхній Ломовъ большимъ собраніемъ пріѣхали? спросили Ломовцы.

— Пріѣхали мы къ вамъ, отвѣчали имъ, отъ Донскаго атамана, отъ батюшки Стопана Тимоѣевича Разинна, *для обергання*. И буде вы учинитесь супротивъ насъ сильны и мы всѣхъ васъ побьемъ и городъ выжжемъ и женъ и дѣтей всѣхъ порубимъ и разоримъ васъ безъ остатку.

Ломовцы испугались и впустили въ свой городъ мятежную шайку. Въ это время въ соборѣ шла обѣдня. Атаманы вошли въ церковь и чинно отстояли службу. Затѣмъ они собрали кругъ и немедленно начали грабить служилыхъ людей и духовенство. А воеводу схватили и посадили въ тюрьму. Впослѣдствіи Игнатій Корсаковъ былъ умерщвленъ мятежниками. Между тѣмъ всѣ взрослые Ломовскіе обыватели насильно захвачены были въ шайку и *неволею* принуждены были дѣйствовать противъ правительства *).

По усмирении Разинскаго мятежа изъ Москвы прислана была въ нашъ край слѣдственная коммиссія. Слѣдователи дѣйствовали быстро и сурово. Поэтому подъ плети и на висѣлицы пошли массы Верхне-ломовцевъ. Тутъ были конные и пѣшіе казаки, стрѣльцы и пушкаріи, засѣчные сторожа и разные русскіе люди, Мордва и *Татаровья*. Почти всѣхъ ихъ, вольныхъ и невольныхъ преступниковъ, по воеводскому приговору, пріютила гостепріимная могила...

Изъ Верхняго Ломова атаманъ Харитоновъ пошелъ на Керенскъ. Въ это время его шайка состояла изъ 5,000 человекъ. При такихъ условіяхъ ничтожный городокъ, укрѣпленный невысокимъ землянымъ валомъ и *надолобами*, конечно, былъ взятъ и разграбленъ. При этомъ былъ убитъ Керенскій воевода Автамонъ Семеновичъ Безобразовъ, тѣло котораго было перевезено въ Москву и погребено тамъ съ большими почестями. Между тѣмъ къ Керенску же подступалъ съ царскою дружиною Тамбовскій воевода Яковъ Тимофеевичъ Хитрово. Тогда мятежники поспѣшно выступили изъ взятаго ими города и пошли въ Спасскіе лѣса, но близъ села Зарубкина были настигнуты и принуждены были вступить въ бой. Битва была жестокая, потому что Харитоновъ успѣлъ окопаться и окружить себя засѣками,

*) Полный текстъ боярской отписной грамоты о Верхне-ломовскомъ разореніи напечатанъ нами въ № 98 „Тамб. губ. вѣдом.“ за 1882 годъ.

однако старый царскій воевода Хитрово побѣдить. „Къ тѣмъ Зарубкинскимъ застѣкамъ, писалъ онъ царю, — мы приступали жестокими приступами, бились не щадя головъ своихъ и воровскихъ людей побивали и въ полонъ имали и свинець у нихъ отбивали.“

Съ плѣнными бунтовщиками Хитрово пошолъ въ Керенскъ и здѣсь торжественно былъ встрѣченъ городскими и уѣздными жителями, которые *въ винахъ своихъ добили челомъ и къ вѣрѣ и ширинѣ были приведены.*

18 декабря 1670 года гонецъ изъ Москвы привезъ Тамбовскому воеводѣ и служилымъ людямъ *царское милостивое слово.* „И мы всѣ, отписывать царю старшій мѣстный воевода князь Юрій Долгорукій, — слыша твою великаго государя премногую милость, воздали хвалу Господу Богу и пречистой его матери и всѣмъ святымъ, и должны мы, холопи твои, за ту милость платить работами своими, сколько нашей мочи будетъ“ *).

Къ концу 1670 года военное счастье видимо и рѣшительно склонилось на сторону царскихъ воеводъ. *Воровскіе люди* на всѣхъ пунктахъ отступали. Рѣдкіе изъ нихъ принимали бой, но за то бились съ отчаянною храбростію, твердо помня, что отъ Москвы пощадъ не бываетъ. Вскорѣ послѣ Зарубкинской битвы воевода Хитрово отошелъ къ *Селитцамъ* и стоялъ тамъ до 9-го декабря. Въ отрядѣ Тамбовскаго воеводы былъ полкъ Швыйковскаго, Смоленская, Бѣльская и Рославская шляхты. А *воровскіе люди* сосредоточивались близъ села Ачадова. Хитрово, узнавъ объ этомъ скопищѣ, немедленно выступилъ противъ него. Ачадовскій бой былъ 11-го декабря. Въ своей отпискѣ царю объ этомъ мас-титый полководецъ писалъ такъ: „Государю царю и всея Россіи самодержцу холопъ твой Яшка Хитрово челомъ бьетъ. 11-го, Государь, декабря съ воровскими людьми былъ бой и твои ратные люди къ воровскимъ застѣкамъ

*) Текстъ отписной грамоты см. въ Тамб. губ. вѣд. за 1882-й годъ № 100-й.

приступали жестокими приступами, бились явственно не щадя головъ своихъ, и у тѣхъ засѣкъ воровскихъ людей побивали и знамена и зелья и свинець у нихъ отбивали, и въ обозъ ихъ вбили и по тому обозу изъ пушекъ стрѣляли, и на воровскихъ людей кидались въ пики и многіе изъ шляхты на томъ бою пероранены тяжелыми ранами, пиками и рогатинами пробиты насквозь, изъ пицалей и луковъ прострѣлены“.

Послѣ этого пораженія *воровскими людьми* овладѣлъ великій страхъ и они сдались великому государю и *они свои принесли* и были распущены по домамъ, кромѣ зачинщиковъ....

14 декабря воевода Яковъ Хитрово извѣщалъ царя объ окончательномъ умиротвореніи Керенскаго края и о назначеніи дворянина Соймонова на мѣсто убитаго Керенскаго воеводы Безобразова. Последнее обстоятельство указываетъ на довольно обширныя полномочія бывшаго Тамбовскаго воеводы.

„14 декабря, Государь, писалъ Хитрово, — вшедши въ Керенскъ, велѣлъ я холопъ твой на Автономово мѣсто Безобразова быть Дмитрію Харламову сыну Соймонову, и Керенскихъ всякихъ людей вторично приводить къ вѣрѣ въ соборной церкви, а мурзъ и татаръ и мордву приводить по ихъ вѣрѣ къ шерти, чтобъ имъ къ воровскимъ прелестямъ не приставать и ни какимъ воровствомъ не воровать и во всемъ быть послушнымъ.“

Въ Темниковскомъ и Кадомскомъ уѣздахъ Разинскій мятежъ проявился едва-ли не сильнѣе, чѣмъ въ окрестностяхъ Керенска. Это зависѣло отъ дремучихъ Темниковско-Кадомскихъ лѣсовъ и отъ характера мѣстнаго населенія, большею частію крѣпостнаго и инородческаго.

Главными вожаками воровскихъ партій въ сѣверовосточныхъ предѣлахъ нынѣшней Тамбовской губерніи были атаманы *Абрамка* и *Аедька* Сидоровы. Сильное

вліяніе на мятежниковъ имѣли также протопопъ Данила, попъ Савва, попъ Пименъ и старица *Аленка*.

По дорогѣ изъ Кадома въ Темниковъ атаманы устроили крѣпкія засѣки, вооружили ихъ пушками и населили гарнизонами. Послѣ этого не удивительно, что весь Тамбовскій сѣверо-востокъ покорился *блгочинику* Степану Тимофеевичу. Въ особенности волновались вотчинные крестьяне князей Одоевскаго и Черкаскаго.

1670-й годъ оканчивался. Стояла глубокая и холодная зима. Въ это время на Темниковскихъ и Кадомскихъ бунтовщиковъ пришли царскія дружины подъ начальствомъ князей Волконскаго и Долгорукаго и стольника Лихарева. Начались битвы. Первый сильный бой былъ близъ села Веденяпина, при чемъ *у воровъ* отбиты были 4 пушки и 16 знаменъ. Мятежники посѣбно отступили въ Кадомскій уѣздъ, но были преслѣдуемы и *у Черной рѣчки* окончательно разбиты. Трофеями этой второй побѣды правительственной были 10 пушекъ.

Въ концѣ декабря 1670 года Темниковско-Кадомскій край смирился и начались обычныя въ XVII вѣкѣ и усиленныя допросныя пытки и казни. Поповъ Савву и Пимена повѣсили, а старицу *Аленку*, обвиненную въ еретичествѣ и колдовствѣ, сожгли въ срубѣ.

О торжествѣ Московскихъ дружинъ царь Алексѣй Михайловичъ извѣщенъ былъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ.

„Государю царю (слѣдуетъ титулъ) холопъ твой Юшка Долгоруковъ челомъ бьетъ. Декабря, государь, въ 4-й день подходили мы къ Темникову и за двѣ версты встрѣтили насъ, холопей твоихъ, всякихъ чиновъ люди и священники и крестьяне со святыми иконами и били челомъ тебѣ, великому государю, съ великимъ плачемъ“.

Царскіе воеводы казнили въ Темниковѣ 18 чело-вѣкъ крестьянъ. Ихъ пытали и сожгли. Особенно изысканная казнь досталась на долю уже указанной нами

старшны Алени, которая войско собирала и бѣгала съ государевыми людьми накрѣтко и имѣли заговорныя инсмы и кореня. Ее казнили всенародно на Темниковской площади, медленно жгли въ срубѣ, а попа Пимена въ то же время подняли на висѣлицу за то, что онъ про бывшаго патріарха Никона говоритъ *похвалныя словя* и молилъ Бога за него и за воровскихъ казаковъ. Воеводы хотѣли также казнить Темниковаго протопопа Данилу, но онъ успѣлъ убѣжать и скрылся въ Москвѣ *).

Смутная казацко-крестьянская эпоха проявилась между прочимъ и въ нашемъ Тамбовскомъ уѣздѣ. Во многихъ вотчинахъ и помѣстьяхъ крестьянская *голытьба* сжигала барскіе хоромы, а ихъ владѣльцевъ, не успѣвшихъ бѣжать, подвергла мучительной смерти. Съ особенною силою Разинскій мятежъ охватилъ стѣнную часть уѣзда. Атаманъ Калина Бочковъ да зсалуъ Фодоръ Здоровневъ овладѣли Лысогорскимъ острогомъ да Челнавскимъ острожкомъ и всю тамоннюю царскую казну пограбили, а царскихъ воеводъ повѣсили у *круглаго озера*. Въ то же время въ одноѣ селѣ Горѣломъ мятежниковъ собралось около 9,000 человекъ. Это было въ началѣ 1670 года. Въ Верхоценской волости тогда же все крестьяне соединились съ *воровскими* казаками и заняли все дороги. Особенно много собралось мятежниковъ у Татанова, Бокина, Кузьминой Гати, Куксова и Троицкаго монастыря. На выручку города Тамбова Сокольскій воевода Дубовицкій послать было *сержантъ Миньку Долгополова* съ 200 человекъ конницы, а они, *не хотя служить великому государю, воровски стояли недѣлю съ три въ стѣнѣ...* Между тѣмъ престарѣлый Тамбовскій воевода Хитрово утомился уже борьбою съ Разинскими атаманами и непрерывными дальними походами, непосильными для его возраста, поэтому отпу-

*) Полный текстъ описаніи князя Юрія Долгорукаго напечатанъ нами съ № 105 „Тамб. губ. вѣд.“ за 1882 г.

щенъ былъ къ *Москвѣ на покой* *). А для *береженья* Тамбовской крѣпости съ *уѣздомъ* назначены были князь Борисъ Мышенскій и полковники Скорняковъ—Писаревъ и Зыковъ съ *рейтары* и съ *драгуны* и съ Мещерскими дворянами. Умнротвореніе нашего края произошло весьма быстро, поэтому свободныя военныя силы отпращены были изъ Тамбова къ Троицкому острогу, гдѣ *воровъ* было еще очень много **).

Широкое развитіе казацко-крестьянскаго мятежа въ нашемъ краѣ объясняется между прочимъ слишкомъ слабыми оборонными средствами нашихъ городовъ. Войскъ у насъ долго почти вовсе не было и ихъ едва хватало на гарнизонную и полицейскую службу. Крѣпостная артиллерія представлялась въ самомъ жалкомъ видѣ. Денегъ и всякихъ запасовъ не хватало и по мирному положенію. Относительно военнаго снабженія города Кадома, древнѣйшаго во всемъ нашемъ краѣ, князь Волконскій писалъ царю Алексѣю Михайловичу такъ: „А въ Кадомѣ городѣ, государь, въ твоей государственой казнѣ 8 пунсехъ затинныхъ, девятая полковая, 2 пуда зелья, 2 пуда свинцу, да въ пунскахъ тысяча ядеръ; да на кружечномъ дворѣ твоей государственой казны 15 рублей и 10 ведръ вина“.

Впослѣдствіи въ своихъ челобитныхъ жители Тамбовскихъ городовъ, ставшихся бунтовщиками, оправдывались передъ царемъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „винныя и безпомощныя холопыя и сиротамъ твоимъ стоять противъ *воровъ* было не въ мочь и въ осаду съѣсть не съ кѣмъ и не съ чѣмъ, потому что городишки наши пустыя и малолюдныя и людишки безружейныя“. Въ нѣкоторыхъ городахъ, наприм. Тамбовѣ и Керенскѣ, по

*) Примѣч. На мѣсто Хитрово Тамб. воеводою былъ присланъ князь Петръ Платоновичъ Хованскій. При немъ изъ Тамбова бѣжали на Хоперь *ратныхъ людей* 74 человека, да *драгунскыя* 230 человекъ и *Московскихъ стрельцовъ* — 8, и всѣ они побрали *жалованье* и *ружье*.

**) См. „Тамб. губ. вѣд.“ № 110 и за 1882-й годъ.

крайней мѣрѣ воеводы были мужественные и преданные своему долгу. Но случалось и такъ, что воеводы бѣжали изъ порученныхъ имъ городовъ *первыми* и тогда брошенными обыватели по неволѣ втягивались въ смуту. Такимъ воеводою, забывшимъ свой долгъ, былъ Кидомскій — Дмитрій Аристовъ.

Въ теченіе 1671 года весь Шацко-Тамбовскій край нантъ былъ совершенно очищенъ отъ Разинскихъ нашествій. Только на городскихъ площадяхъ, дорожныхъ перекресткахъ и на другихъ бойкихъ мѣстахъ не прибранными висѣли трупы казненныхъ преступниковъ, пугая прохожихъ и проезжихъ. После буйнаго разгула весь край замеръ и долго не проявлялся въ немъ смута, нарушавшихъ мирное теченіе обыденной жизни. Правда, разбои случались непрерывно, но при прежнемъ строгѣ общественно-государственной жизни это называлось *малостями*. Съ конца XVII вѣка Тамбовско-Шацкій трущобы быстро стали наполняться боярскими и дворянскими вотчинами. Вместе съ тѣмъ, естественно, началось обрусѣніе и нѣкоторое упорядоченіе края. Но русско-дворянское земледѣліе далеко не принесло у насъ такой великой государственно-національной пользы, какъ *спросилъ монастырей*. Монастыри и въ нашемъ краѣ были самыми могущественными пионерами русской колонизаціи, ассимилируя инородцевъ и содѣйствуя основанію *торжковъ*, селеній, и мирно распространяя извѣстные національно-русскіе принципы... Поэтому слѣдующую главу своего втораго выпуска мы посвящаемъ вопросу о Шацко-Тамбовскихъ монастыряхъ.

IV.

Тамбовско-Шацкіе монастыри.

Въ XVII вѣкѣ и первой половинѣ XVIII-го, до извѣстной церковной реформы 1764 года, монастырей въ нашемъ краѣ, кромѣ существующихъ доселѣ, было множество: Троицкая пустынь, Казанская, Аграфенина, Мамонтова, Елатомскій монастырь, Рамзенскій, Добринскій, Конобеевскій, Козловскій Ильинскій, Козловскій Троицкій, Красногорскій-Романовскій и другіе, всѣхъ болѣе 20. Но почти всѣ нани обители до самаго конца XVIII столѣтія, вѣдѣствіе скудости мѣстнаго народонаселенія, отсутствія удобныхъ путей сообщенія и административнаго безсилія, проявлявшагося въ *дикости* края, болѣе или менѣе нищенствовали, отличались малолюдствомъ и монашескою малограмотностію. Такимъ образомъ Шацко-Тамбовскія монастырскія лѣтописи въ сущности—скорбныя лѣтописи. Это ясно видно изъ документовъ московскаго архива министерства юстиціи, приводимыхъ нами въ сокращеніи.

Казанскій дѣвичій Конобѣевскій монастырь, Шацкого уѣзда, давно уже упраздненный, былъ едва ли не бѣднѣе любой деревенской церкви. Официальное описаніе монастыря отъ 1737 года таково:

„Въ томъ монастырѣ одна деревянная церковь, *монашескихъ* келлій 8, длиною 16, поперегъ 4 сажени. За тѣмъ монастыремъ крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ и пашни и лѣсу и сѣнныхъ покосовъ и мельницъ и рыбныхъ ловель и никакихъ угодій не имѣется. Денежныхъ и хлѣбныхъ доходовъ не бываетъ. Хлѣбная дача производится монастырю отъ г. Нарышкина по 50 четвертей въ годъ на 18 монахинь.“

Шацкій Проломскій мужской монастырь былъ еще бѣднѣе. Въ немъ, при двухъ ветхихъ деревянныхъ

церквахъ, была только одна келья длиною въ 7 сажень и шириною въ 3.

„Прочихъ строеній, прибавляютъ наши Московскіе документы,—въ томъ монастырѣ не имѣется. Монашествующихъ двое: іеромонахъ и монахъ. За тѣмъ монастыремъ вотчинъ крестьянскихъ 3 двора, а пашенной земли 18 четвертей въ полѣ и 3 десятины чернолѣсья и кормиться нечѣмъ.“

Въ такомъ состояніи Шацкій Проломскій монастырь былъ въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія.

Въ настоящее время Вышенская пустынь принадлежитъ, какъ извѣстно, къ числу самыхъ благоустроенныхъ въ экономическомъ отношеніи. Но то было прежде, въ 1737 году.

„Въ той пустыни, по имѣющимся у насъ даннымъ,—церквей было двѣ—обѣ малыя деревянныя, келій три. Да въ той же пустыни монаховъ одинъ и вдовый попъ, дьячекъ и пономарь, а угодій и доходовъ не имѣется и не бываетъ, токмо имѣется сѣннаго покосу сто копенъ и пчельнаго заводу малое число“ *).

Въ 1764 году, во время извѣстнаго описанія и отобранія церковныхъ имуществъ, въ Тамбовъ прибылъ уполномоченный отъ церковно-экономической комиссіи Черниговскаго полка подпоручикъ Василій Слѣдковъ. Прибытіе давно жданнаго гостя состоялось 1-го апрѣля и было, разумѣется, далеко не радостнымъ для убогихъ Тамбовскихъ иноковъ и инокинь.

Въ то время настоятельницею Тамбовскаго Вознесенскаго женскаго монастыря была Екатерина Ушакова. Съ нея то и снятъ былъ допросъ о томъ, *въ которомъ году и по какимъ повелѣніямъ оный монастырь застроенъ, при какихъ рыкахъ или озерахъ состоитъ и что въ немъ*

*) Моск. архивъ минис. вѣстидн, дѣла коллегій экономін за 1739—1741 гг. кн. 2-я

церквей, келій и прочаго, такожь земли и другихъ угодій, что есть и чего нѣтъ.

„Вознесенскій женскій монастырь, по словамъ Ушаковой, — строенъ былъ Тамбовскимъ преосвященнымъ Питиримомъ на его келейныя деньги въ 1690 году, а состоитъ онъ въ полковой слободѣ въ Рождественскомъ приходѣ на устьѣ Студенца, что впасть въ Цну рѣку“ *).

Въ 1724 году въ Тамбовѣ былъ страшный пожаръ. При сильномъ вѣтрѣ деревянный городъ печезать совершенно безпомощно. При этомъ погибъ и Вознесенскій монастырь со всѣми документами и съ одною больною монахинею, которую въ пожарной суматохѣ не успѣли выхватить изъ пламени. Монастырь послѣ пожара былъ возобновленъ, но долго сильно бѣдствовать. Поэтому въ 1740 году его соединили съ приходскою Рождественскою церковію. Верхній этажъ перестроеннаго деревяннаго храма принадлежалъ монастырю, а нижній—приходу. Строеіе церкви *совершилось боголюбивыми дѣтелями*. Въ 1744 году монастырь освященъ былъ игуменомъ Протасіемъ въ присутствіи Вознесенской игуменьи Елисаветы.

„Оная двупрестольная церковь, сказано въ описаніи Стѣдкова, — строена пѣть облаго соснового лѣсу, крыта тесомъ; въ обѣихъ церквахъ красныхъ оконъ съ оконницы двѣнадцать одно; около верхней церкви съ двухъ сторонъ на столбахъ перилы—забраны досками; подъ тою церковію земли въ длину 10, поперекъ 4 сажени.“

Кругомъ церкви выведена была деревянная стѣна съ тремя воротами. Надъ главнымъ монастырскимъ входомъ возвышалась осмистѣнная шатровая колокольня съ зеленою чешуйчатою главою. На колокольнѣ висѣло

*) Тамб. Рожд. церковь, деревянная съ приделомъ во имя великомученика Георгія, повелѣніемъ царя Феодора Алексѣевича основана была въ 1679 году.

пять колоколовъ, изъ которыхъ наибольшій вѣсилъ 10 пудовъ.

Въ 1764 году въ Вознесенскомъ монастырѣ было 18 келій. Всѣ онѣ отличались замѣчательною убогостію, крыты были дранью, топились по черному и имѣли волоковыя окна. Вознесенскія монахини кормились *отъ рукодѣлія*, шили по заказамъ шолками, золотомъ и серебромъ и ткали сармязныя сукна *).

Въ 1717 году въ нашемъ краѣ, по благословенію митрополита Стефана Яворскаго, основанъ былъ Черніевъ Шацкій женскій монастырь. Въ царствованіе Елизаветы Петровны весь монастырь сгорѣлъ и монахини разбрелись по сосѣднимъ селамъ и кормились отъ *мірскаго подаянія*. Вскорѣ *доброхотные датели* возобновили обитель и построили въ ней церковь во имя *Пресвятыя Богородицы положенія честныя ризы Ея*. Возобновленный монастырь отличался величайшею бѣдностію. Колокольни при немъ не было. Главный монастырскій колоколь, повѣшенный на рундукѣ, вѣсилъ 3 пуда. Церковь построена была изъ стараго лѣсу и *обстояла въ оселлости*. Утварь церковная поражала крайнею нищетою. Пелены, которыми покрывался престолъ, были бумажныя; для храненія св. даровъ ковчегъ употреблялся оловянный; на жертвенникѣ одѣяніе было полотнянное набивное; копія, кадила и паникадила были желѣзныя и мѣдныя; олтарная завѣса сшита была изъ полосатой бумажной матеріи... Священническія ризы и пояса сѣланы были изъ выбойки и грубаго полотна. Монастырская нищета была тѣмъ ощутительнѣе, что всѣ Черніевскія монахини, начиная съ игуменій, были неграмотны и *рукодѣлія никакого не имѣли* **).

И однако, со всѣхъ нашихъ бѣдныхъ монастырей въ первой половинѣ прошлаго вѣка собирались въ каз-

*) Моск. архивъ мин. юстиціи по коллегіи экономіи, опись за № 100.

** Моск. арх. мин. юстиціи, № 717.

ну разныя подати. Брали всё, между прочимъ — мукою, сухарями и овсомъ...

Сравнительно въ лучшемъ экономическомъ положеніи были у насъ приписные монастыри: Черніевъ Николаевскій, Троицкій и Мамонтова пустынь. Всё они имѣли *бортины, уходы, рыбныя ловли, пашни, сѣнные покосы и крестьянъ, мясныхъ и бобыльскихъ*; и что важнѣе всего — сильное покровительство Московскихъ монастырскихъ властей, Чудовскихъ, Саввино-Сторожевскихъ и Ново-спасскихъ. У этихъ монастырей вкладчиками были не *долгивенные* люди, а такіе могущественные покровители, какъ *великая старица иноки Марфа Ивановна*, и все войско Донское... Поэтому монахи названныхъ нами монастырей широко пользовались владѣльческими правами: у нихъ были *бобровыя ловли, лосинныя и козинныя стойла, и всякое вотчинное угодье*. У нихъ были села и деревни. Такъ, Троицкому приписному монастырю принадлежали слѣдующія села: Горюхино, Дуброва и Пинцляй, *а въ нихъ 152 двора крестьянскихъ, 73 двора бобыльскихъ, пашенныя земли 1576 четвертей въ полѣ, да дикія земли 3000 четвертей въ полѣ и сѣны 5000 копенъ* *).

Какъ бы то ни было, убогіе монастыри наши со- служили серьезную службу русскому дѣлу и всему нашему краю. Они были главными факторами русской колонизаціи и близъ ихъ ветхихъ деревянныхъ оградъ постепенно возникли у насъ многолюдныя русскія села: Бокшино — близъ Трегулева монастыря, Чернѣево — близъ Николаевской Чернѣевой пустыни, Мамонтово — близъ Мамонтовой пустыни; село Кириллово (вотчина Вѣлоозерскаго монастыря), село Пичаево (вотчина Солотчинскаго монастыря) и г. Спасскъ (вотчина Новоспасскаго монастыря). Да и самый Тамбовъ во второй половинѣ прошлаго вѣка сосредоточился около Казанскаго мона-

* Моск. арх. мин. вѣстникъ, № 85 и 12203.

стыря. Сгущенное населеніе, естественно, вызывало торговлю. Отсюда ясно, что обитатели наши въ исторіи нашего края имѣли преобладающее народно-экономическое значеніе. Но важнѣе всего въ данномъ случаѣ для насъ то, что мѣстная монастырская жизнь, излюбленная до—Петровскою Русью, наиболѣе содѣйствовала обрушенію и христіанскому просвѣщенію нашихъ Мещерско-Мордовскихъ инородцевъ.

Въ 1666 году въ Шацко-Тамбовскомъ краѣ производилась писцовая перепись. При этомъ относительно Троицкаго монастыря стольникъ Иванъ большой Хитрово и дьякъ Гавриль Свѣшниковъ написали такъ:

„Въ Троицкой деревнѣ Городницѣ живутъ новокрещены и нововыходцы, а по допросу они сказались: бывали де они напередъ сего Мордва и крестились отъ монастыря въ православную вѣру въ 1653 году.“

Городниценскихъ новокрещенскихъ дворовъ въ 1666 году было 10 съ населеніемъ около 100 душъ.

Въ исторіи развитія мѣстной монастырской жизни выдающееся положеніе занимаетъ второй Тамбовскій епископъ Питиримъ. Въ концѣ XVII столѣтія, когда у насъ святительствовалъ Питиримъ, Тамбовская епархія отличалась крайнею церковною бѣдностію и служебною неопытностію причтовъ. Тогда самъ епископъ терпѣливо училъ *целю и нѣтъю невольности*. Онъ же основалъ Трегуляевскій и Вознесенскій монастыри на *свои клѣшныя деньги* и питалъ монаховъ и монахинь *отъ себя*. По обстоятельствамъ, преосвященный Питиримъ обратилъ особенное свое вниманіе на Николаевскій Черніевъ монастырь, бывшій въ нашемъ краѣ несомнѣнно самымъ замѣчательнымъ въ религіозно-правственномъ отношеніи.

Черніевъ мужской монастырь, основанный старцемъ Матосемъ въ XVI столѣтіи, былъ въ сущности казачьимъ монастыремъ. Сюда шла замаливать свои немалые грѣхи *золушанная* казацкая вольница, буйная и

непокорливая; сюда же несли свои достатки разбогатѣвшіе на разныхъ промыслахъ удалцы сянга Дона... Ближайшею судебнo-административнoю инстанціею для игумена и старцевъ Черніевоу *Манастирской* пустыни былъ Черкасскій казачій кругъ съ атаманомъ во главѣ и уже черезъ нихъ нашъ древній монастырь входитъ въ сношенія съ Московскимъ правительствомъ.

Въ смутную Разинскую эпоху Черніева пустынь горячо примкнула къ сторонникамъ законнаго правительства и доказала это между прочимъ своими пожертвованіями. Въ 1670 году скромная и небогатая наша обитель израсходовала на царскихъ ратныхъ людей 980 рублей — почти весь свой капиталъ...

Неключительное положеніе Черніева монастыря вызывало противъ него усиленную вражду Шацкихъ воеводъ и приказныхъ людей и это обстоятельство отзывалось на монастырской жизни крайне тяжело, что видно изъ слѣдующей казацкой *отписки*:

„Шацкіе служилые люди берутъ съ нашихъ монастырскихъ вотчинъ полонянничныя и ямскія деньги и стрѣлцкій хлѣбъ вдвое и втрое сверхъ царскаго указу и посылають многихъ людей, а они емятъ многія взятки и тѣмъ монастырскимъ людямъ чинять великое угнетеніе и тюремное сидѣніе“.

Случалось, что и Донецкіе покровители мучили Чернѣевскихъ монаховъ *смертными боями и ссылкою*. „И тѣ казаки, забывъ страхъ Божій, жаловался царямъ Іоанну и Петру въ 1685 году Чернѣевскій игумень Моисей, — озорничали и напився ѣяни старцевъ били плетьюми и ослонами безвинно и въ смиреніе сажали, а крестьянъ монастырскихъ съ женами и дѣтьми увозили на Хоперь, на Донъ и на Медвѣдицу и про то вѣдають старосты и выборные крестьяне. Да тѣ жъ казаки въ кельяхъ изъ нищелей стрѣляли и въ гудки играли и въ ложки били и служилыхъ царскихъ людей потѣньями били и монастырь запирали“.

Въ 1686 году наступила новая и лучшая эпоха для Черніева монастыря. Онъ былъ приписанъ къ Тамбову на пропитаніе преосвященному Питириму со всемъ его прикомъ лично. Съ этого времени исчезла казацкая опека и въ Шацкомъ краѣ началось болѣе правильное и энергическое подчиненіе Мордовско-Мещерскихъ инородцевъ господствующей русской расѣ...

Епископъ Питиримъ былъ старательнымъ и свѣдущимъ хозяиномъ. Поэтому прежде всего онъ привелъ въ извѣстность монастырское имущество, оказавшееся довольно значительнымъ. У Черніева монастыря въ концѣ XVII столѣтія было 638 крестьянскихъ дворовъ, земли 744 чети въ полѣ и сѣнныхъ покосовъ на 2540 коненъ, да лѣсъ черный со осиками, угодья, и съ рямени, и съ пересы, и съ орловыми гнѣздами, и съ бобрювыми гонами и съ лосиными стойлами...

Чтобы укрѣпить за Тамбовской кафедрой Черніевскія вотчины, преосвященный Питиримъ въ 1686 году писать царямъ Іоанну и Петру нѣсколько челобитныхъ. Приведемъ здѣсь одну изъ нихъ.

„Великимъ государямъ царямъ и великимъ князьямъ Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцамъ бже челоуъ богомолецъ вашъ Питиримъ, епископъ Тамбовскій и Козловскій. Въ прошломъ, государи, въ 1616 году далъ вкладу въ приписной мой Николаевскій монастырь Матвѣй Колмаковъ вотчину свою на Хонрѣ, а нынѣ, государи, Бѣляева городка казаки моею вотчиною владѣютъ напрасно своимъ своевольствомъ. Милосердые государи! Волите казакамъ отъ всѣхъ моихъ угодій отказать и о томъ дать свою великихъ государей грамоту. Великіе государи, смилуйтесь, пожалуйста!“ *)

*) Челобитная Питирима подробнѣе изложена въ № 38, 39 и 40-въ „Тамб. губ. вѣд.“ за 1883 г. Подлинники ихъ хранятся въ Моск. архивѣ мин. вѣстѣи.

Ходатайство епископа Птириима встрѣтило въ Москвѣ обычные препятствія, извѣстныя подъ именемъ *Московской волокиты*. Но опытный и энергичный *домостроитель* Тамбовской каведры твердо стоялъ на своемъ. Онъ отправилъ въ Москву своего секретаря Ивана Зырина съ самыми строгими инструкціями и въ то же время писалъ царямъ новыя челобитныя. „Великіе государи! жаловался онъ, — казаки въ вотчинахъ моихъ звѣри всякіе быють и вынимають и лѣсъ рубятъ и рыбу ловятъ и пчелы деруть“...

Наконецъ Птиримово ходатайство было уважено и помѣстный приказъ съ бояриномъ Петрономъ Васильевымъ Шереметевымъ во главѣ отписалъ Тамбовской каведрѣ все вотчины по вкладной Матвѣя Колмака. Съ этого времени нашъ Черніевъ монастырь вышелъ изъ подъ опеки Донскаго казачества и сталъ епархіальною собственностію. Такимъ образомъ экономическое благосостояніе новооткрытой каведры было упрочено. Наступила сравнительно цвѣтущая эпоха мѣстной монастырской жизни. Открыты были новыя обители, на примѣръ Вознесенская и Трегуляевская. Въ Кошловскомъ монастырѣ, на епархіальные средства, стали возводить каменный соборъ, въ городѣ Тамбовѣ приступили къ постройкѣ и теперь существующаго соборнаго епархіальнаго храма...

28 іюля 1698 года Птириимъ скончался. Преемникъ его Пгнатій выбылъ изъ Тамбова на слѣдующій годъ. Вместе съ тѣмъ нашу епархію закрыли и наступили скудные и нравственно-тяжкія времена для всей Тамбовской церкви. Въ краѣ началась усиленная сектантская пропаганда, которая ни откуда не встрѣчала себѣ отпора... XVIII-й такъ называемый философскій вѣкъ, и у насъ выразившійся отрицательными своими сторонами, только помогать печальному дѣлу.

По смерти преосвященнаго Птириима монастырское оскудѣніе по извѣстнымъ причинамъ началось сразу. Въ

1701 году въ нашемъ знаменитомъ Черніевомъ монастырѣ всѣхъ монаховъ было только 28 человекъ. На церковныя потребности монастырскій приказъ давалъ имъ 22 рубля въ годъ, монахамъ по 2 рубля на человека, да имъ же хлѣба по 5 четвертой каждому, соли по 2 пуда, масла конопляннаго по ведру и дровъ по одной сажени. Все это поступало въ монастырь изъ доходовъ села Черіѣва,—монастырской вотчины *). А Козловскій Ильинскій женскій монастырь впалъ въ совершенное нищенство. Вотчинъ и оброчныхъ статей онъ не имѣлъ. Въ табеляхъ монастырскаго приказа записанъ не былъ. И только городъ Козловъ отчасти помогать ему изъ *кабакныхъ сборовъ* **).

Въ 1758 году Тамбовская епархія была восстановлена. Въ Тамбовъ прибылъ епископъ Пахомій, далеко не отличавшійся нравственными совершенствами своего знаменитаго предметника. Скоро послѣдовало извѣстное распоряженіе объ отобраніи церковныхъ имуществъ, причѣмъ епископъ Пахомій явился самымъ угодливымъ исполнителемъ Петербургскихъ приказовъ... Тогда почти всѣ нани монастыри были закрыты, а которые уцѣлѣли, тѣ владѣли самую нищенскую жизнь. Мѣстная народная жизнь очутилась въ распоряженіи бюрократовъ старинной школы и душевладѣльцовъ. Было ли хорошо отъ этого всему нашему краю—поймать всякій.

Въ слѣдующей главѣ мы обращаемъ вниманіе читателей на то печальное состояніе, въ какомъ край нашъ находился въ первой половинѣ прошлаго вѣка.

*) Книга сенат. докл. и приговоровъ. стр. 167.

**) Ibid.

V.

Состояніе Тамбовскаго края въ первой половинѣ прошлаго вѣка.

Вся первая половина прошлаго вѣка была чрезвычайно тѣсна для мѣстнаго народонаселенія. Тамбовско-Шацкіе обыватели крайне обременены были личною, натуральною и денежною повинностію и кромѣ того бѣдствовали отъ разбойниковъ, татаръ и калмыковъ *). Вслѣдствіе этого послѣдняго обстоятельства городъ Тамбовъ, по указу Петра Великаго, приведенъ былъ въ 1711 году на военное положеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ назначенъ былъ первый Тамбовскій комендантъ Іовъ Петровъ Писаревъ. Въ его распоряженіи на деревинныхъ стѣнахъ и земляныхъ насыпяхъ города Тамбова находилось 9 большихъ пицатей, 20 пицатей затинныхъ, 20 пудъ зелья пушечнаго, 40 пудъ зелья пинального ручнаго, *да противъ зелья ситицу по Государю указу*. Тревога въ городѣ и слободахъ производилась посредствомъ набатнаго звона въ вѣстовой колоколъ. Вѣсу въ томъ колоколѣ было 15 пудовъ **). Тамбовская крѣпость, не смотря на военное положеніе и на то, что къ ней въ описываемое время приписано было 17 городовъ, находилась въ самомъ жалкомъ состояніи. Правда, въ 1711 году въ нашемъ городѣ было много церквей: Преображенская соборная, Знаменская, Покровская съ придѣломъ *Прасковей нарицаемой Пятницы*, Троицкая съ придѣломъ Зосимы и Савватія, Успен-

*) Примѣч. Въ 1705 г. у насъ собирали со двора по осминѣ овса для драгунскихъ лошадей, съ 25 дворовъ выставлялась подвода, съ десятаго двора брали рабочаго и съ выгнаго тѣла, съ 15 д., по одной лошади. Кромѣ того, взяли всѣхъ плотниковъ. При томъ воеводы донимали народъ въ свою пользу и многіе отъ тяжести разбѣжались въ лѣса и къ помѣщикамъ. Въ 1721 г. изъ одного села Таратей бѣжали невѣдомо куда 600 человекъ.

**) Эти свѣдѣнія заимствованы нами изъ актовъ археограф. экспедиціи, т. III.

ская, Архангельская Боголюбская, Рождественская и Дмитревская. Слѣдовательно, городское населеніе было уже довольно значительное, именно, по официальнымъ документамъ, болѣе 10 тысячъ. Приходскіе люди состояли тогда у насъ изъ слѣдующихъ сословій и состояній: архіерейскихъ боярскихъ дѣтей, площадныхъ подьячихъ, приказныхъ подьячихъ, посадскихъ людей, солдатъ, драгунъ, стрѣльцовъ, пушкарей, казаковъ, церковниковъ, бобылей и однодворцевъ. Во главѣ мѣстнаго городского духовенства стоятъ Преображенскій протопопъ Тихонъ Ивановъ. И однако, не смотря на сравнительную значительность Тамбова, какъ городского поселенія, Тамбовскій ландрихтеръ Кикинъ жаловался Петру Великому, что *крѣпость—Тамбовъ разваливается отъ ветхости...*

При такихъ условіяхъ мѣстное народонаселеніе слишкомъ слабо гарантировано было отъ разбойничьихъ, Татарскихъ и Калмыцкихъ нападений. Поэтому степные хищники нерѣдко разоряли нашъ край и уводили въ полонъ жителей тысячами. Въ 1713 году Крымскіе и Кубанскіе Татары, вмѣстѣ съ некрасовцами опустошили весь Тамбовскій уѣздъ, не смотря на то, что всѣ его села и деревни укрѣплены были *надолбами*, и изъ одного села Ключей (имѣніе свѣтлѣйшаго князя Меньшикова) увели въ свои улусы до 3000 плѣнниковъ. Относительно этого событія въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи сохранилась челобитная на царское имя Ключевского священника Макарія Корнилова, тоже полоненнаго и впоследствии освобожденнаго изъ плѣна. Въ виду нѣкоторой исторической важности указаннаго документа мы приводимъ его здѣсь въполнѣ.

„Державнѣйшій царь. Государь милостивѣйшій!

Въ прошломъ, Государь, 1713 году Крымскіе и Кубанскіе Татары, а съ ними воръ и измѣнникъ Игнатій Некрасовъ—приходили подъ городъ твой великаго государя подъ Тамбовъ и подъ Борисоглѣбской и подъ нѣмныя многія мѣста и великое разореніе учинили: церкви

Божіи, села и деревни пожгли, и людей въ полонъ побрали многое число, и въ вотчинѣ свѣтлѣйшаго князя Александра Даниловича русскихъ и черкасъ взяли въ полонъ съ 3000 человекъ, въ томъ числѣ взять быть и я богомолецъ съ женою и дѣтьми—самъ шесть и отведенъ быть на Кубань. И изъ Кубани помощію Божіею я, богомолецъ твой, изъ басурманскихъ рукъ ушолъ, а жена моя и дѣти и доньнѣ на Кубани въ полону. А когда по указу Вашего Царскаго Величества съ Турецкимъ салтаномъ договоръ былъ предложенъ, чтобы русскихъ полоняниковъ венять возвратить, то Татары собрали въ улусѣ Ковылѣ полону малое число и то старыхъ и малолѣтнихъ и привели на Донъ въ Черкасской, а за прочій народъ полоненный они жъ Татары привели съ собою 5000 рублей денегъ въ тотъ образъ, что будто тотъ полоненный народъ весь они непродали въ дальнія мѣста. И бывшій казачій атаманъ Петръ Емельяновъ, не убоясь Бога и Вашего Царскаго Величества страху, не обыскавъ про то подлинно—за души христіанскія деньги принять. Въ прошломъ же 1714 году атаманъ Емельяновъ посылалъ на Кубань казака съ письмомъ, чтобы они Татары деньги свои назадъ приняли, а полоненныхъ людей отдали бѣ. И Татары полону не вернули, а за жену мою и дѣтей просить на размѣну Крымцевъ трехъ человекъ: вацѣ де атаманъ весь нашъ полонъ продать и въ томъ письмѣ намъ дать“ *).

Челобитная священника Корнилова заключается просьбою о выкупѣ его семьи. Просьба была удовлетворена. Корниловъ зажилъ по прежнему, радуясь за свою энергію и за благополучный исходъ дѣла. Но мы думаемъ, что подобныя случаи въ то смутное время были сравнительно рѣдкостью, потому что Татары обыкновенно торопились продавать своихъ невольниковъ въ

*) Арх. яин. восточн., Тамб. дѣла № 37-й.

Константинополѣ, Смирнѣ, Алоксандріи и въ другихъ дальнихъ мѣстахъ. Со стороны же Московскихъ властей всегда и неизмѣнно была проявляема обычная медлительность. Если же обратить особенное вниманіе на вышеуказаннаго атамана Емельянова, то придется сдѣлать и такой выводъ, что нѣкоторыя власти относились къ вопросу о полоняникахъ не съ христіанской, а съ коммерческой точки зрѣнія...

Жаль, что въ старые годы не имѣли никакого понятія о статистикѣ. Намъ крайне любопытно знать, сколько десятковъ и, можетъ быть, сотенъ тысячъ Тамбовско-Шацкихъ обывателей похищено Азіатскими кочевниками, гдѣ наши *горькіе полонянички*, старые и малые, мужчины и женщины, изживали долю свою и многіе ли изъ нихъ вернулись на родину...

Открытый для Татарскихъ и Калмыцкихъ набѣговъ, волнуемый многочисленными шацками разбойниковъ и дурно управляемый—весь край нашъ въ первой половинѣ прошлаго вѣка во всѣхъ отношеніяхъ представлялъ одну изъ самыхъ убогихъ русскихъ провинцій. На всемъ его громадномъ пространствѣ не было ни одной школы. Твердое знаніе грамоты считалось рѣдкостью даже и среди духовенства. Вотчинные владѣльцы почти поголовно были совершенно неграмотны. Обѣ провинціи, Тамбовская и Шацкая, переполнены были недорослями. Одинъ изъ таковыхъ недорослей Петръ Федоровъ Атѣевъ такъ доносилъ о себѣ сенату, который формально всегда заботился объ искорененіи чрезмѣрнаго дворянскаго невежества: „въ службахъ царскихъ и не былъ, грамотѣ не знаю; сколько лѣтъ мнѣ отъ роду—за безуміемъ объяснить не могу“... *).

Города и уѣзды Шацкой и Тамбовской провинцій въ первой половинѣ прошлаго вѣка управлялись про-

*) Книга сенат. докладовъ и приговоровъ, стр. 286. — Вопросъ о народномъ просвѣщеніи въ XVIII в. подробнѣе будетъ разсмотрѣнъ нами въ концѣ книги.

винціальными воеводами. Какъ эти *рядьтели и оберегателн* народного благосостоянія относились къ подчиненнымъ имъ обывателямъ, *доверенные слуги царскіе* исполнили свой служебный долгъ—это видно изъ слѣдующей замѣтки о Лебедянскомъ воеводѣ Домогацкомъ:

Домогацкій управлялъ Лебедяню въ 1709 году. Это былъ одинъ изъ самыхъ необузданныхъ хищниковъ, которыми издавна, къ несчастію, кишѣла наша бѣдная земля, какъ паразитами. *Мощю своею* онъ укрывалъ бѣглыхъ солдатъ *и многія дачи*. Многіе изъ этихъ бѣглыхъ опредѣлены были имъ въ городъ Лебедянъ въ подьячіе. Горожанъ Домогацкій *разорилъ въ концѣ и иныхъ изъ домовъ разогналъ*. Выгоняя жителей на казенныя работы въ Воронежъ, на Липецкіе и Кузюминскіе желѣзные заводы и на Ширингунскую парусную фабрику, онъ бралъ за что-то со всѣхъ работниковъ по 8 денегъ съ человека, да по двѣ *гривенки* мяса, да съ двухъ человекъ по четвертику сухарей и съ трехъ по четвертику крупъ. Нѣкоторые рабочіе выѣзжали на работу конные, съ таковыхъ Домогацкій *смертнымъ боемъ привилъ по 13 алтыновъ съ подводой*. Правленіе его ознаменовано было между прочимъ тѣмъ, что *многія деревни Лебедянского уѣзда онъ немилосердно правожилъ божилн*.

Въ 1709 году царь Петръ Алексѣевичъ повелѣлъ прекратить сборъ недоимокъ. А Домогацкій все-таки собиралъ ихъ сполна, разумѣется въ свою пользу, и кромѣ того бралъ по полтинѣ съ двора и *многія корысти*. Результатомъ всѣхъ этихъ хищническихъ продѣлокъ было то, что въ Лебедянскомъ уѣздѣ явился новый богатый землевладѣлецъ. Конечно это былъ Домогацкій. Для устройства имѣній ему потребовались многія деньги. Тогда онъ безъ церемоніи и съ легкимъ сердцемъ обратился къ царской казнѣ и однажды въ Лебедянскомъ казначействѣ сразу взялъ 502 рубля.

О подвигахъ Домогацкаго узнать наконецъ самъ царь по доносу посадскаго Боева. Что сдѣлали потомъ

съ преступнымъ воеводою, мы пока не знаемъ; мы знаемъ лишь то, что доноситель и вся его семья *починимъ армянскіи* были схвачены по воеводскому приказу и брошены въ тюрьму *).

Воеводы другихъ городов Тамбовской и Шацкой провинцій болѣе или менѣе походили на Домогацкаго. Поэтому правительство постоянно мѣняло ихъ. Но общественное зло не уменьшалось. Хищеніе казны и народной сумы все росло и росло. Народъ бѣдствовалъ, а государственная казна не получала всѣхъ своихъ доходовъ. Такъ, съ 1711 по 1718 г. вся Тамбовская провинція ежегодно доставляла въ государственное казначейство окладныхъ и неокладныхъ сборовъ приблизительно только по 67 тысячъ рублей. Остальные десятки тысячъ въ неизвѣстномъ количествѣ быстро и ловко распределялись по карманамъ мнимыхъ царскихъ слугъ — воеводъ и приказныхъ... Вслѣдствіе этого канцелярскіе бѣдняки, получавшіе самое скудное жалованіе или и вовсе не получавшіе, неожиданно богатѣли, становились крупными душевладельцами и такъ сказать силою вторгались въ ряды мѣстной родовой аристократіи.

Такое безотрадное положеніе мѣстныхъ провинцій совершенно соответствовало нравственному характеру высшихъ властей. Непосредственнымъ начальникомъ Шацкихъ и Тамбовскихъ воеводъ съ 1711 по 1722 годъ былъ Воронежскій вице-губернаторъ Степанъ Андреевичъ Колычовъ. Это былъ повидимому настоящій вельможа. Съ нимъ велъ дѣловую переписку самъ Петръ, а свѣтлѣйшій князь Меншиковъ считался его другомъ и охотно пользовался его подарками **). Между тѣмъ въ 1722 году

*) Моск. арх. мин. юстиціи, дѣла Азовской г. № 63. л. 31.

**) Примѣч. Въ описываемое время князю Меншикову принадлежали въ Тамбовскомъ краѣ два большихъ села: Братки и Ключи. Второю рукою свѣтлѣйшаго была слишкомъ тяжела и для нашихъ жителей. Поэтому Тамб. подъячій Протопоповъ, слегка подвыпивши, публично выражалъ однажды такое желаніе, чтобы Александру Даниловичу голову за его дѣла отрубили. Протопопова схватили.

Колычовъ отданъ былъ за *лихоимство*, за *кражу* и *похищеніе казны* подъ судъ и выѣстъ съ колодниками привезенъ былъ, по указу царскому, въ сенатъ. Царь Петръ, какъ извѣстно, не любилъ шутить съ расхитителями государственнаго и народнаго добра. Еще въ 1714 году отъ 24 декабря онъ издалъ слѣдующій указъ: „понеже многія лихоимства умножились, между которыми и подряды вымышлены, которые уже наружу вышли, того ради запрещается всѣмъ чинамъ брать посулы. А кто дерзнетъ сіе учинить, тотъ весьма жестоко на тѣлѣ наказанъ будетъ и имѣнія лишентъ и шельмованъ и изъ числа добрыхъ людей изверженъ будетъ...“ Такимъ образомъ Колычову нечего было ждать себѣ пощады. Его начали водить на конюшенный дворъ въ застѣнокъ и подвергать пыткамъ и допросамъ. Пыткою распоряжался гвардіи майоръ Салтыковъ. Петръ далъ ему такую собственноручную инструкцію: „дьякъ Ключаревъ явно говорить на Степана Колычова, того ради затре обоихъ пытайте“. Это было въ апрѣлѣ 1722 года. Допросы производились нерѣдко въ присутствіи самого царскаго величества. Прикосновенныхъ къ дѣлу оказалось множество. Тутъ былъ наперсникъ Колычова уже названный нами дьякъ Ключаревъ, правая рука высокопоставленнаго лихоимца, тутъ были Воронежскіе, Тамбовскіе и Шацкіе цѣловальники и приказные. И была работа заплечнымъ мастерамъ великая... Подъ пытку Ключаревъ снова сталъ оговаривать своего Воронежскаго принципала.

— Колычовъ съ посуловъ богатъ, стонать онъ, — Колычовъ компанію водить съ свѣтлѣйшимъ Меншиковымъ, съ графомъ Апраксиннымъ и съ князьями Долгорукими.

Наконецъ, послѣ цѣлаго ряда пытокъ, сознался въ винахъ своихъ и самъ Колычовъ.

— Виноватъ передъ Богомъ и царемъ, говорить онъ, — я передѣлывать казенныя расходныя книги для

своего воровства и по тѣмъ книгамъ украсть съ 10,000 рублей, о чемъ и цѣловальники вѣдаютъ.

Степанъ Андреевичъ смигчалъ свое преступленіе. На самомъ дѣлѣ онъ похитилъ не 10,000, а гораздо болѣе. Вообще онъ распоряжался всѣми казенными вещами, какъ своими собственными, для себя и для друзей своихъ. Однажды наприм. онъ велѣлъ на казенный счетъ сдѣлать себѣ 10 каретъ и двое саней и въ то же время отправить въ свои деревни транспорты съ казеннымъ провіантомъ. О поступкѣ Колычова донесли въ правительствующій сенатъ дьякъ Чапниковъ и ландрихтеръ Григорьевъ.

„Изъ казенныхъ магазейновъ, писали они,—вице-губернаторъ брать на свои дѣла всякіе матеріалы, золото, серебро, краски, юфти, гвозди, мѣдную и оловянную посуду, стекло и желѣзо; и все то записывать въ государевы расходы и шестъ лѣтъ государевыхъ казенныхъ мастеровъ держать при своихъ дѣлахъ на государственомъ жалованьи.“

Особенно удачно Колычовъ наживался во время собиранія разныхъ государственныхъ сборовъ. Въ 1715—16 годахъ онъ собралъ лишнихъ денегъ, *противъ окладовъ*, 270,000 рублей. Такъ какъ населеніе нашихъ провинцій въ началѣ прошлаго столѣтія не отличалось многолюдствомъ, то Колычовъ ухитрился обложить *данью поголовно всѣхъ мѣстныхъ женщинъ*. Дѣятельнѣйшимъ пособникомъ его въ этомъ случаѣ былъ вышеупомянутый Ключаревъ, котораго довольный вице-губернаторъ благодарилъ однажды за усердіе слѣдующимъ письмомъ.

„Благодарю твою любовь, что пріемлешь труды и тщаніе въ приказныхъ нуждахъ, за что желаю тебѣ наиполучить государеву милость, а отъ великаго адмирала похваленіе.“

Не ограничиваясь обычными *микроимущественными посянками*, Колычовъ иногда прибѣгалъ къ открытому грабежу. При этомъ большинство его жертвъ молча

сносили бѣду свою, не смѣя и помыслить о какойнибудь борьбѣ съ сильнымъ вице-губернаторомъ, имѣвшимъ *знатныя связи въ Петербургѣ*. Вслѣдствіе этой безнаказанности высокопоставленный и грубый провинціальныи самодуръ дошелъ до совершенной беззащитности въ пріемахъ своего систематическаго обирательства края. Однажды онъ прибылъ съ многочисленною свитою къ нелюбимому имъ полковнику Лерекрестову и за угощеніе отблагодарилъ его самымъ наглýmъ разбоемъ. У Лерекрестова согнали со двора всю скотину, вполнѣдствіи очутившуюся въ Колычевскихъ вотчинахъ, и отняли все столовое серебро.

Сенатскій судъ нашелъ Колычова виновнымъ по всемъ обвинительнымъ пунктамъ. На его имѣнія наложенъ былъ секвестръ и казенныя убытки немедленно были восполнены. Допрашивая государственнаго похитителя, самъ царь Петръ, тщетно боровшійся съ ненасытнымъ бюрократическимъ хищеніемъ, ясно видѣлъ, что въ данномъ случаѣ сильно замѣшаны были свѣтлѣйшій Меншиковъ и великій адмиралъ-графъ Апраксинъ. Грустно было великому царю—работнику, только что пережившему страшную семейную драму, виновникомъ которой былъ царевичъ Алексѣй Петровичъ; тяжкую думу думать онъ о своемъ царствѣ, въ которомъ у него почти не было честныхъ слугъ... Тѣ безродные люди, которыхъ изъ ничтожества онъ призвалъ къ своему престолу и къ своему великому просвѣтительному дѣлу, въ большинствѣ оказались недостойными царскихъ милостей...

Дѣло Колычевское тянулось два года. Въ 1724 году царь короновать свою вторую супругу Екатерину Алексѣевну. На радостяхъ суровый царь смилостивился и надъ нашимъ Воронежскимъ преступникомъ. Колычовъ отданъ былъ на поруки *для многолѣтняго государева здравія*. Такимъ образомъ все хищеніе, тайныя и явныя, вымышленныя казенныя подряды и сдѣлки съ Петербургскими сановни-

ками—все это предано было суду Божию и суду русской истории, всемъ послѣдующимъ вѣкамъ въ наученье... *)

„Преемникомъ Колычова былъ Пашковъ, тоже весьма тяжелый правитель для цѣлаго края. Въѣздъ въ крупную ссору съ вице-адмираломъ Змаевичемъ, присланнымъ въ Воронежскую губернію для *буднаго и галернаго дѣла*, въ злоупотребленія Пашкова дошли до сѣдѣнія Петербургскаго правительства. Воронежскій вице-губернаторъ обвиненъ былъ въ порубкѣ казенныхъ дѣсовъ и въ *изурненіи* народа, оштрафованъ былъ 5000 рублей и лишенъ мѣста. Въмѣсто Пашкова въ 1734 году прибылъ въ Воронежъ новый главный начальникъ *нашего края*—Мякининъ **).

Эпоха Петра Великаго отмѣчена въ нашемъ краѣ и еще двумя народными бѣдствіями. Въ 1719 году въ нѣкоторыхъ пунктахъ Воронежской губерніи, а также и въ Тамбовской провинціи, обнаружилась сильная чума, а въ слѣдующемъ году измѣнникъ Яшка Шенковъ прислать съ Кубани въ Тамбовскую же провинцію своихъ шпіоновъ, главнымъ изъ которыхъ былъ нѣкто Сокинъ—бѣглый монастырскій крестьянинъ.

Тамбовская чума, какъ мы сказали, обнаружилась въ 1719 году. Тогда же пришелъ въ Тамбовъ слѣдующій указъ Петра Великаго:

„Понеже симъ временемъ явилось въ Воронежской губерніи моровое повѣтріе, того ради посланъ гвардіи нашъ капитанъ Гороховъ, которому что велѣно дѣлать, о томъ дана ему отъ насъ инструкція за нашею рукою, по которой какъ генералитету, такъ и гражданскимъ обывателямъ исполнять неотложно. Петръ.“

Благодаря энергіи самого царя и строгости принятыхъ противъ моровой язвы мѣръ, *большая сія*, доносилъ въ 1720 году Гороховъ сенату,—*весьма перестала*. Повидимому эпидемія дѣйствовала у насъ только

*) Дѣло о Колычовѣ хранится въ Моск. арх. и министерства юстиціи.

**) Моск. арх. мин. юстиціи, Сенат. дѣла, кн. 516-я.

въ немногихъ мѣстахъ, но за то въ своихъ районахъ она губила народъ наповаль, цѣлыми семьями отъ мала до велика.

Моровое повѣтрію 1719 года, по свидѣтельству нашихъ источниковъ (сонат. дѣла, кн. 68-я), — было въ Воронежской губерніи *привелико*. Тогда правительствомъ въ зараженныхъ и сосѣднихъ съ ними мѣстахъ приняло слѣдующія рѣшительныя мѣры. Всюду учинили крѣпкія заставы и приставили къ нимъ многочисленные караулы изъ *кардворцовъ, офицеровъ и солидныхъ добрыхъ*. Зачумленные дома жгли со всѣмъ имуществомъ, съ лошадьми и всею домашнею животною. Больныхъ увозили въ лѣса, степи и овраги и бросали тамъ на произволъ судьбы. Кто бѣжалъ изъ *исключительно* мѣста, тѣхъ заставные начальники гнали назадъ, съ женами и дѣтьми, и въ случаѣ сопротивленія стрѣляли въ нихъ. Вблизи всѣхъ карантинныхъ заставъ, по царскому указу, поставлены были для *генеральной остротки* вѣшницы, и если кто нарушалъ карантинные порядки и прорывался чрезъ заставы, то караульные начальники вѣшали таковыхъ ни съ кѣмъ не снисываясь...

Всѣхъ за чумой въ Тамбовской провинціи явилась иная бѣда. Въ 1720 году въ Тамбовскомъ уѣздѣ схваченъ былъ шпіонъ Прокофій Артемьевъ Сокинъ. Преступника привезли въ Тамбовъ и начали пытать. Сокинъ подъ пыткой сознался, что онъ подлинно шпіонъ, что его прислать съ Кубани для возмущенія Тамбовской провинціи атаманъ Япка Шенковъ, что онъ Сокинъ бѣлый солдатъ изъ села Минюкова и что такихъ, какъ онъ, шпіоновъ и возмутителей послано съ Кубани въ разные украинные города и уѣзды 200 человекъ... Сокина запытали.

У всѣхъ шпіоновъ Шенкова были возмутительныя атаманскія граматы, которыя читались и рабрасывались по всѣмъ южно-русскимъ городамъ и селамъ. Текстъ ихъ слѣдующій.

„Шведская королева, писалъ Шениковъ,—уговори-
ла Турецкаго султана дать ей въ подмогу противъ царя
Петра семь ратей со многими силами, да Крымскій ханъ
тѣмъ же Шведамъ дастъ въ подмогу трехъ салтановъ
съ силами, и вы бѣ, всѣ рускіе голутвенные люди, про
то вѣдали“^{*)}).

Сами казацкіе измѣнники готовились двинуться съ
Кубани на юго-восточную Украину лѣтомъ 1720 года,
и царь Петръ не безъ основанія полагалъ, что въ случаѣ
малѣйшей ихъ удачи на Тамбовскую и инныя украинныя
провинціи немедленно нападутъ Крымцы, Кубанцы, Чер-
кесы, Каракалпаки и Киргизы. Поэтому велѣно было
привести Тамбовъ и его уѣздныя города на военное
положеніе. Но это было очень трудное дѣло, что видно
изъ слѣдующаго донесенія Тамбовскаго воеводы Василія
Глѣбова, отъ 25 окт. 1720 года.

„Во всей Тамбовской провинціи, писалъ онъ Петру
Великому,—гваризонныхъ солдатъ только 818 человекъ
и у оныхъ солдатъ ружья и аммуниціи ничего нѣтъ, а
которое ружье и есть и то не токмо къ стрѣльбѣ, но
и къ починкѣ негодно. И ежели къ Тамбову учинится
отъ непріятелей набѣгъ и противъ сего отпору учинить
нечѣмъ и не кѣмъ. А городъ Тамбовъ ветхій, мосты и
вся кровля въ крѣпости обвалились, и по городу по
мостамъ пройти ни которыми мѣры не возможно.
Также и на башняхъ кровля обветшала, а валовая крѣ-
пость вся осыпалась и черезъ нее проложены многія
дороги“^{**)}).

Къ счастью въ 1720 году на Тамбовскую провинцію
и на Тамбовъ набѣговъ не было. Иначе беззащитный
край нашъ подвергся бы полному разоренію, что не
разъ и бывало съ нимъ, особенно въ XVII столѣтіи.

^{*)} Сенат. дѣла, кн. 64-я. Въ Моск. арх. минист. юстиціи.

^{**)} Сенат. дѣла, кн. 70-я. Отписка воеводы Глѣбова отправлена была въ
Петербургъ съ нарочнымъ гонимъ Иваномъ Алексинимъ.

Между тѣмъ въ концѣ царствованія Петра I-го Тамбовъ былъ уже, какъ мы сказали выше, довольно значительнымъ поселеніемъ. Въ немъ было болѣе 10,000 жителей, а въ цѣломъ Тамбовскомъ краѣ—нѣсколько сотъ тысячъ. Следовательно, Азіатскимъ хищникамъ была бы у насъ пожива не малая...

Въ 1725 году великій царь Петръ скончался. Платала о немъ чуть не вся земля русская. Всѣ тяготы его царствованія были забыты. Всѣ знали и помнили лишь то, что Петръ Алексѣевичъ самъ первый и больше всѣхъ служилъ царству и что рѣшительно всѣ его мѣропріятія клонились къ осуществленію однихъ государственныхъ интересовъ. Для русской земли наступили нныя времена. Худо было въ столицахъ, еще хуже въ провинціяхъ... И нашъ Тамбовско-Щацкій край надолго оставленъ былъ правительствомъ безъ призора. Объ немъ не заботились. Съ него собирали только подати и недоимки. Мѣстная жизнь все гложла и гложла...

Тамбовская захолустная жизнь немного выведена была изъ состоянія скуки и застоя въ 1741 году. Въ это время въ городѣ Тамбовѣ на нѣсколько мѣсяцевъ останавливалось Персидское посольство Хуссейнъ-хана, ѣхавшее въ Петербургъ отъ знаменитаго Надиръ-шаха.

VI.

Пребываніе Персидскаго посольства въ Тамбовѣ въ 1741 году.

Изъ давнихъ лѣтъ, какъ только завязались дипломатическія и торговыя сношенія Москвы съ востокомъ, край нашъ сдѣлался порепутьемъ для разныхъ восточныхъ посольствъ къ Московскому двору. Объ этомъ не рѣдко упоминается въ „памятникахъ дипломатическихъ сношеній древней Россіи“. Изъ Москвы на востокъ было три пути: одинъ въ Коломну, Рязань, Козлово, Тамбовъ, Царицынъ и Астрахань; другой на ту же Астрахань черезъ Темниковъ и Пензу; третій путь былъ водный и шелъ на Нижній, Казань и далѣе. Въ старину путешествія по извѣстнымъ путевымъ условіямъ совершались чрезвычайно медленно и остановки на станціяхъ были продолжительныя, поэтому и у насъ въ Тамбовѣ подолгу жилали послы Персидскіе, Бухарскіе, Юргенскіе, Грузинскіе и Кизильбанскіе. Здѣсь они раскладывали свои товары на диво нашимъ небогатымъ предкамъ, такъ какъ въ былыя времена дипломатическія операціи обыкновенно поручались торговымъ людямъ, и потихоньку собирали свѣдѣнія о нашей юго-восточной украинѣ. Первое извѣстное намъ Персидское посольство, проѣзжавшее черезъ Тамбовскій край, было отъ Аббас-шаха въ 1625 году. Съ этого времени и до 1692 года въ нашихъ мѣстахъ пребывало 11 Персидскихъ посольствъ *).

Персидскій посолъ Магомедъ Хуссейнъ-ханъ, родственникъ Надиръ-шаха, ѣхалъ въ Россію въ сопровожденіи посольскаго товарища Етимать-хана и многочисленной свиты. Цель посольства заключалась въ объ-

*) Сенат. доклады и приговоры 1711 года.

явленіи о Персидскихъ побѣдахъ надъ Бухарцами и Индѣйцами и въ выраженіи разныхъ претензій относительно Россіи. Въ шахской инструкціи Хуссейнъ-хану претензіи эти высказаны въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) шахъ желать съ Россіею свойство учинить, токмо въ томъ ему отказано (т. е. въ рукѣ цесаревны Елизаветы Петровны); 2) по просьбѣ шаховой персидскихъ плѣнныхъ и также Грузинцевъ и Армянъ не возвратили; 3) Ногайцы въ Персидскую сторону не уступлены; 4) корабельные мастера для дѣланія въ Персіи судовъ не даны; 5) капель-мастеры для обученія музыкѣ не присланы, 6) мастера, которые стѣнные шерстяные обои ткуть, не даны, и 7) Персидскимъ купцамъ безпомянуто торговать не велѣтъ.

Какъ представитель могущественнаго монарха, похваливагося покорить весь міръ, Хуссейнъ-ханъ ѣхалъ въ Петербургъ съ богатѣйшими подарками и съ 14 слонами. Поезда окружала нарядно одѣтая свита изъ 128 человекъ.

9 декабря 1739 года Персидское посольство прибыло въ Кизляръ, но дальше не было пропущено Астраханскимъ губернаторомъ, княземъ Сергіемъ Голицынымъ, такъ какъ на этотъ предметъ не было еще изъ Петербурга никакихъ приказаній. Въ ожиданіи дальнѣйшаго путешествія Персіане требовали себѣ и слонамъ *корму* и конвой въ 3000 человекъ для *береженія* отъ горскихъ народовъ. Вслѣдствіе этого въ Персидскій лагерь высланъ былъ конвойный отрядъ въ 1000 человекъ подъ начальствомъ полковника Фролова-Багреева и транспортъ съѣстныхъ припасовъ и водокъ *во многомъ числѣ*. Въ Кизлярѣ Персіане простояли до августа слѣдующаго года.

Наконецъ разрѣшеніе на путешествіе посольства въ Петербургъ было получено. 11 сентября 1740 года Хуссейнъ-ханъ торжественно вступилъ въ Астрахань, встрѣченный губернаторомъ и войсками съ *подмужающею*

церемонію, отдаваніемъ чести и пунчиною пальбою. Здѣсь къ послу явились новые пристава Тефкелевъ и Эгбрехтъ. Хуссейнъ-ханъ принялъ ихъ съ крайнею надменностію и черезъ переводчика приказалъ имъ какъ можно тщательнѣе заботиться о почтовыхъ лошадяхъ и съѣстныхъ припасахъ.

Въ донесеніи Остерману Тефкелевъ такъ описывалъ Персидскаго посла: „изъ себя Хуссейнъ-ханъ простъ и разсужденія не дальняго, токмо весьма величава себя имѣть и людей своихъ въ страхѣ содержитъ и одному человѣку за продерзость его ухо отрѣзать и всѣхъ безпачадно бить“.

18 сентября Персидскіе послы выступили изъ Астрахани на Царицынъ. Въшли они и ихъ свита на 170 подводахъ. Лошади при этомъ доставались издалока, потому что отъ Астрахани до Царицына въ описываемое время была *только снѣгъ и индѣ жилая не имѣлась* *).

Въ Донскихъ степяхъ къ посламъ прибыло ихъ свиты еще 120 человѣкъ. Поэтому вновь назначенный къ Персіанамъ главный приставъ генераль-маіоръ С. Θ. Апраксинъ приказалъ рассадить посольство и разложить Персидскій багажъ *на 800 подводъ*. Съ дороги Хуссейнъ-ханъ писалъ Остерману слѣдующее извѣстительное письмо: „высокостепенный и высокоповѣренный и высочайшею честію превосходящій, первенственнѣйшій министръ и верховный визирь, счастье коего въ цвѣтущемъ состояніи да пребудетъ навсегда! Желаю вамъ отъ Господа всякаго благополучія и счастливаго въ высокомъ градусѣ пребыванія. По объявленіи дружескихъ комплиментовъ нашему степенству извѣстно да будетъ, что я—великаго Надира, шахъ-инъ-шаха, довѣренный посолъ Хуссейнъ-ханъ.“

7 Марта 1741 года Хуссейнъ-ханъ остановился близъ Тамбова, въ Кузьминой Гати. Здѣсь явился къ

*) Слова приставовъ посольства.

нему студентъ иностранной коллегіи Чиколевскій, состоявшій при Апраксинѣ, и отъ имени Тамбовскихъ властей поздравилъ съ пріѣздомъ. На слѣдующій день былъ торжественный въѣздъ посла въ Тамбовъ. Около села Бокина выстроился Сибирскій драгунскій полкъ съ оркестромъ музыки и штандартами. Тутъ же были и все мѣстныя власти. Въ 4 часа по полудни Хуссейнъ-ханъ, до того времени отдыхавшій въ одной Бокинской избѣ, прикрѣпиль къ шапкѣ *шагово неро*, сѣлъ на коня и началъ церемоніальное шествіе до самаго Тамбова по такъ называемой большой Астраханской дорогѣ. Проѣзжая мимо Сибирскаго полка, Хуссейнъ остановился противъ него на нѣсколько минутъ, но не привѣтствовалъ солдатъ, опасаясь унижить свое посольское величіе. Въ 3-хъ верстахъ отъ Тамбова посолъ встрѣченъ былъ своими товарищемъ Етиматомъ, прибывшимъ въ Тамбовъ еще 13 Января. За посольскимъ товарищемъ въ одну линію поставлены были слоны, числомъ 10. Въ моментъ вступленія посольства въ городскую крѣпость произведенъ былъ ему салютъ изъ 25 пушекъ. У квартиры Хуссейнъ-хана на улицѣ стоялъ почетный караулъ изъ 500 человекъ Ростовскаго пѣхотнаго полка. Во дворѣ же стояла того же полка рота со знаменемъ и музыкою. Ни на кого не глядя и не слушая музыки, Хуссейнъ быстро вошелъ въ свои комнаты и немедленно занялся обѣдомъ. Усталый и проголодавшійся посолъ былъ молча. Вслѣдствіе этого и вся свита его не смѣла сказать слова. Даже приставъ Тэфкелевъ, присутствовавшій на обѣдѣ, вынужденъ былъ просидѣть болѣе часу, опасаясь пошевельнуться и тѣмъ потревожить его степенство... После обѣда къ послу явился на поклонъ Тамбовскій воевода Золотиловъ, но не былъ допущенъ къ самому Хуссейну. Свитскіе чиновники приняли Золотилова въ караульной, нѣсколько минутъ посмотрѣли на него и затѣмъ разошлись. Этимъ и закончился неудачный воеводскій визитъ...

За неимѣніемъ въ городѣ квартиръ, большинство чиновъ Персидскаго посольства расквартировано было въ селѣ Боршевкѣ и въ подгородномъ лагерѣ. Послы прожили въ Тамбовѣ до первыхъ чиселъ іюня и все это время по своей надменности и жадности были истиннымъ бременемъ для хѣстнаго народонаселенія. Самъ генералъ Апраксинъ, впоследствии извѣстный герой семилѣтней войны, жаловался на Хуссейнъ-хана въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „по обыкновенной своей гордости Персидскій посолъ поступаетъ со мною и со всѣми съ немалой снѣбю.“ Вообще, Персіане жили въ Тамбовѣ очень безпокойно. Они ссорились и дрались съ жителями ежедневно. Ихъ за это брали подъ караулъ и отсылали къ послу, а посолъ ихъ не наказывалъ. Вблизи главной посольской квартиры часто играла персидская музыка. Персіане чуть не ежедневно праздновали побѣды своего шаха и при этомъ громко похвалялись: „удивляемся, говорили они, — храбрымъ военнымъ дѣйствіямъ и несказанному искусству нашего шахъ-инъ-шаха. И тотъ шахъ скоро воевать имѣетъ и пойдетъ на горцевъ, Крымъ и Астрахань, а по прошествіи того термина намѣренъ для поклоненія въ Мекку сходить.“

Чисто азіатская надменность Персидскаго посла особенно ярко выражалась въ его необузданныхъ отношеніяхъ къ приставамъ. Такъ, Хуссейнъ-ханъ позвалъ къ себѣ однажды подполковника Эгбрехта и *ушиль кричать на него: для чего де почтовые лошади были у тебя слабы и худы.* Смущенный Эгбрехтъ молчалъ.

— Пукъ палочья подать сюда, — приказалъ Хуссейнъ.

Слуги принесли палки и ждали только начальническаго мановенія, чтобы приступить къ дикой расправѣ.

Тогда Эгбрехтъ отошелъ къ стѣнѣ и чрезъ толмача началъ объяснять послу, что въ Россіи офицеровъ не бьютъ и что во всякомъ случаѣ онъ будетъ защищаться и потомъ жаловаться. Хуссейнъ смиловался и выслать слугъ.

Но не всё такъ счастливо отдѣлялись отъ свирѣпаго Персидскаго дипломата. Разнымъ казацкимъ сотникамъ и старшинамъ, конвойнымъ капраламъ и солдатамъ и всякому встрѣчному люду постоянно доставалось: ихъ немилостиво и по часто были топорными обухами и налками. Между прочимъ смертельно биты были переіянцами казацкіе полковники Серебряковъ и Настѣдуневъ. Слухи о не истовствахъ Хуссейнъ-хана дошли наконецъ до Петербурга и оттуда вѣдно было пристойнымъ образомъ принимать послан.

Пребываніе Персидскаго посольства въ нашихъ предѣлахъ ознаменовано также непрерывнымъ кланченьемъ съ какимъ высококофрный Тегеранскій вельможа постоянно относился къ Тамбовскимъ властямъ по поводу денегъ и съѣстныхъ припасовъ. Переіянамъ все было мало, для нихъ опустошили городскія лавки, для нихъ же посылали гонцовъ въ Астрахань и Москву за рисомъ, шафраномъ, сахаромъ и винами. А они обижались: корму де мало. Дипломатическую дѣятельность свою въ Тамбовѣ Хуссейнъ-ханъ началъ именно съ того, что сталъ просить прислать ему побольше денегъ, въ которыхъ онъ имѣлъ будто бы крайнюю нужду.

Съѣстные припасы выходили на Переіанъ въ ужасающемъ количествѣ. Одного рнеу съѣдали они въ мѣсяць по 1260 пудовъ. Барановъ пригоняли къ нимъ ежемѣсячно по 1113 штукъ. Въ то же время сахару издерживали по 66 пудовъ. Всякіе другіе харчи расходвались въ подобномъ же количествѣ. За все платили кнѣжанинами...

Не смотря на извѣстныя предписанія корана, Переіяне вели у насъ слишкомъ невоздержную жизнь и первые чины ихъ посольства напивались до пьяна чуть не ежедневно, истребляя Гданской водки въ одинъ присѣтъ по 1½ штофа на человѣка. Самого Хуссейнъ-хана, случалось, относили въ опочивальню на рукахъ. Отъ невоздержной жизни Персидскій посоль 31 марта

наконецъ заболѣлъ. Въ его квартирѣ поднялась суматоха. Послали за приставами и воеводой и потребовали у нихъ врача и лѣкарствъ, но врача въ Тамбовѣ и на сотни верстъ кругомъ не оказалось. Только при мѣстныхъ войскахъ нашли фельдшера Аврамова, который однако лѣчить посла отказался, потому что, по его словамъ, внутреннихъ болѣзней онъ не знаетъ и благополучно исцѣлять одни лишь нарывы... Принуждены были послать гонца въ Москву за *фундаментальнымъ* лѣкарствомъ, въ ожиданіи котораго больной пробавлялся своимъ домашнимъ лѣкарствомъ, составленнымъ изъ *алмазнаго и яхонтоваго порошка*... Посолъ выздоровѣлъ, но сталъ еще капризнѣе и постоянно придирался къ Тамбовскимъ властямъ и къ приставамъ и грозилъ имъ арестомъ: „вотъ я припущу по васъ, говорилъ онъ, — 5 человекъ и велю притащить къ себѣ за ноги и что у васъ есть снить“.

10 мая Персіане раскинули обширный лагерь къ западу отъ Тамбова и всѣ туда перебрались. Въ полѣ отъ нечего дѣлать забавлялись они русскими и персидскими военными эзерциціями и по прежнему сильно пили и чванились. Нерѣдко Хуссейнъ-ханъ обижался даже на то, что генераль Апраксинъ слишкомъ близко подсаживался къ нему. Поэтому онъ взялъ свои мѣры предосторожности для огражденія посольской чести. Въ его палаткѣ для него устроенъ былъ высокій рундукъ, куда Апраксинъ конечно уже не рѣшался лезть...

2 іюня Персидское посольство на 700 подводѣхъ выѣхало изъ Тамбова. День былъ чрезвычайно дождливый и холодный, однако главные чины посольства для церемоній ѣхали верхомъ. Персіане останавливались въ Лысыхъ горахъ и Козловѣ. Въ этомъ городѣ ихъ встрѣтитъ Рязанскій драгунскій полкъ, въ то же время артиллерійская крѣпостная команда производила учащенную пушечную пальбу.

Ровно черезъ мѣсяцъ Персіане торжественно вступили въ Москву. У Данилова монастыря они встрѣчены

были войсками, канцелярскими служителями, *конными* Московскимъ купечествомъ и многочисленнымъ хоромъ трубачей. Шествіе началось въ такомъ порядкѣ:

- 1) Впереди процессіи шла команда гренадеръ.
- 2) Ъхало купечество.
- 3) Приказные служители.
- 4) Парадные кареты.
- 5) Рота гвардіи Семеновскаго полка.
- 6) Конюшня генерала Апраксина.
- 7) Слоны.
- 8) Посольская музыка.
- 9) Посольская конюшня.
- 10) Посольскіе пристава.
- 11) Дѣйствительный статскій совѣтникъ князь Голицынъ, состоявшій при послѣ.
- 12) Самъ посоль Хуссейнъ-ханъ.
- 13) Перендекое знамя съ ассистентами и
- 14) Перендекій военный отрядъ.

Всѣхъ Перейнъ вступало въ Москву 2128 человекъ и лишь только посоль прибылъ въ свою квартиру, къ нему немедленно явился съ визитомъ *Московский главнокомандующій*. Этотъ визитъ немедленно же былъ оплаченъ. Второй визитъ Хуссейнъ-хану сдѣланъ былъ генераль-инженеромъ Волковымъ. Такъ какъ онъ былъ *особою знатною и великаго характера*, то во время аудіенціи сидѣлъ съ Перендекимъ посломъ *на равной линіи, только немного поодаль посл.* Главный разговоръ у всѣхъ этихъ сановниковъ шель про еду: рисъ, барановъ, шафранъ, кардамонъ, сахаръ, масло, говядину и кофѣ. Хуссейнъ-ханъ уговаривалъ Московскихъ сановниковъ, чтобы они питали его со свитою побольше и получше и чтобы приготовили ему Петербургскую квартиру поближе ко двору и министерствамъ.

Довольный Московскимъ гостепріимствомъ, Хуссейнъ-ханъ написалъ объ этомъ Надиръ-шаху. Грамата его начиналась такъ.

„Безконечною милостію царя царей возвышенный высокостепенный посоль Эмиръ Хуссейнъ-ханъ—принишу себя въ жертву подножію благословенныхъ ногъ твоихъ. Ты, царь царей, благополучіемъ своимъ даруешь свѣтъ царямъ и украшаешь вѣнцами главы и владѣешь всѣми народами... А вотъ мое доношеніе...“

13 августа посольство тронулось въ Петербургъ и, не смотря на близость двухъ столицъ, по прежнему продолжало буянить дорогой. Доходило до того, что на станціяхъ Персіане портили картины и били стекла, разламывали печи, двери снимали съ петель и пороги рубили...

29 сентября было торжественное вступленіе Хуссейнъ-хана въ Петербургъ. Церемоніаль шествія былъ слѣдующій.

- 1) Конная гвардія.
- 2) 14 слоновъ по 2 въ рядъ.
- 3) Персидская музыка.
- 4) Посольская карета.
- 5) Императорской конюшни заводскія лошади съ унтеръ-штабмейстеромъ и берейторами.
- 6) Генералы, штабъ и оберъ-офицеры.
- 7) Князья Долгорукій и Шаховской.
- 8) Графъ Салтыковъ и Хуссейнъ-ханъ въ каретѣ цугомъ. При нихъ шли конюхи, лакеи, гайдуки и скороходы.

9) Въ заключеніе шествія несли Персидское знамя.

2 октября Персидское посольство представилось правителюницѣ Аннѣ Леопольдовнѣ. Вступая въ аудіенцъзалу, Хуссейнъ-ханъ сдѣлать передъ трономъ 3 поклона и потомъ, вручивъ установленнымъ порядкомъ шахскую грамоту, начать слѣдующую высокопарную рѣчь: „Сія есть дружеская и благоволенія исполненная грамота отъ высочайшей стороны Его Величества, прывисочайшаго, пресвѣтѣйшаго, имѣющаго достоинство Соломона, государства яко луна просвѣщающаго, престоль держа-

вы украшающаго, милостію Божією снабденнаго властію и міродержательствомъ, Иранскаго государства повелителя, царямъ Индійскимъ и Туранскимъ корону дарующаго Надиръ...“

По окончаніи рѣчи началось торжественное поднесеніе шахскихъ подарковъ. Агнѣ Леопольдовнѣ, Иоанну Антоновичу и другимъ членамъ царской фамиліи представлены были куски богатѣйшей парчи, брилліантовые пояса, золотые съ брилліантами кубки, богатый столікъ, 3 пера для украшенія шапокъ и шляпъ, перетци, ящики и 10 слоновъ... Имѣеть съ тѣмъ Хуссейнъ-ханъ объявить, что *пожеланію міри* указать освободить всѣхъ русскихъ и персійскихъ...

Посольство приеутствовало въ Петербургѣ во время извѣстнаго переворота 1741 года и вернулось въ Персію въ ноябрѣ 1742 года съ дружескими грамотами Императрицы Елизаветы и съ подарками, въ числѣ которыхъ самое видное мѣсто занимали вина и полки. Сопровождалъ посла до границы бригадиръ Фроловъ-Багровъ. Повидимому, переговоры съ Персійцами были не особенно удовлетворительны, потому что въ томъ же 1742 году Персидскія вооруженныя толпы напали на русскія границы и шахъ Надиръ грозился покорить Россію, какъ доносилъ объ этомъ русскій резидентъ въ Персіи Калущкинъ. Грозный Надиръ-шахъ, подобно Хуссейнъ-хану, былъ далеко не трезвой жизни и во время опьяненія начинать величаться своими побѣдами и указывать на сравнительное безеніе Россіи. Подкупленный Персидскій мирза Канбъ-Али сообщалъ русскому правительству: „шахъ не меньше какъ черезъ 14 лѣтъ Россію воевать имѣеть и въ томъ помѣхи имѣть себѣ не часть.“

Высокомѣрное и вызывающее отношеніе Надиръ-шаха къ русскому правительству объясняется, конечно, извѣстнымъ политическимъ состояніемъ Россіи. Между тѣмъ какъ Персія была на верху могущества, управ-

ляемая деспотомъ-завоевателемъ и обладателемъ неслыханныхъ награбленныхъ сокровищъ, Русская земля переживала тяжкую эпоху придворныхъ переворотовъ и внутреннихъ социальнo-административныхъ неурядицъ. Персiане отлично знали это и потому нeли себя относительно русскихъ съ крайнею безцеремонностiю... Въ этомъ случаѣ сильно поддерживалъ ихъ Грузинскiй царевичъ Бакаръ, недовольный русскимъ правительствомъ и хотѣвшiй переселиться въ Персiю. Именно онъ тайно сообщалъ Надиръ-шаху, что въ Россiи дѣла идутъ дурно и что этого государства бояться нечего.

Вслѣдствiе сомнительныхъ отношенiй къ Персiи императрица Елизавета вынуждена была поставить на Персидской границѣ усиленный корпусъ войскъ подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Тараканова. *)

Вслѣдъ за выбытiемъ изъ Тамбова Персидскаго посольства для нашего края опять наступила глухая заходусная жизнь. Изрѣдка эта жизнь разнообразилась, но не на радость хѣстному населенiю. Или брали у насъ *порядокъ работниковъ людей* для разныхъ казенныхъ построекъ, или же назначали рекрутскiй наборъ съ церковниковъ и приказныхъ людей. Въ первомъ случаѣ начиналось великое горе для хѣстнаго крестьянства, во второмъ для духовенства и мелкаго чиновничества. Но вотъ въ 1771 году наступило общее горе, еравнившее все сословiя. Изъ Москвы шла на насъ чума. Объ этомъ всенародномъ бѣдствiи мы и скажемъ въ слѣдующей главѣ.

*) Моск. арх. мин. иностр. дѣлъ, дѣла Персидскiя 1741 года.

VII.

Чума 1771 года въ Тамбовской и Шацкой провинціяхъ *).

Вскорѣ послѣ извѣстнаго Московскаго чумнаго бунта Воронежскій губернаторъ А. М. Масловъ прислать въ Шацкую провинціальную Канцелярію ордеръ слѣдующаго содержанія: „въ имперіи обнаружилась прилипчивая смертная язва и отъ той язвы люди скоропостижно умирають, посему надлежитъ принимать наикрѣпчайшую предосторожность и слѣдить за ея развитіемъ недремлющими глазами подъ опасеніемъ тяжкаго по законамъ вѣскапія. Присемъ воеводамъ провинціи поставляется на видъ происшедшее въ Москвѣ въ подломъ народѣ замѣшательство, дабы бѣглецы и зараженные изъ Москвы не могли распространить заразы по уѣздамъ Шацкой провинціи.“ **)

Провинціальныя власти, уже не мало напуганные молвою о Московской чумѣ, немедленно приняли противъ нея свои мѣры и гонцы—солдаты поскакали во все провинціальныя уѣзды съ самыми строгими предписаніями провинціальныхъ воеводъ. Вскорѣ во всехъ Тамбовскихъ и Шацкихъ уѣздахъ назначены были карантинные смотрители изъ мѣстныхъ дворянъ. На въѣздахъ и выѣздахъ всюду поставили обывательскіе караулы. Всемъ дворянамъ, купцамъ и мѣщанамъ вмѣнено было въ обязанность *сидѣть дома* и такимъ образомъ подавать примѣръ *добронормоначной жизни и сдержанности народу*. Дома и

*) Факты для этой главы заимствованы нами изъ *дѣлъ* бывшей Шацкой провинц. канцеляріи. Дѣла эти разбираются въ Тамбовѣ для отсылки въ Моск. арх. Министрства Юстиціи.

**) Несомнѣнно, такой же ордеръ былъ посланъ и въ Тамбовъ, вмѣстѣ съ Шацкомъ подлинный Воронежскому губернатору, но намъ не удалось прочесть его въ архивахъ.

пожитки вельно было чаще провѣтривать и съ наступленіемъ зимнихъ холодовъ вымораживать. Кругомъ селъ и городовъ и внутри дворовъ начали курить дегтемъ, навозомъ, ельникомъ и можжевельникомъ. Сообщенія края внезапно почти совсѣмъ прекратились, потому что на всѣхъ заставахъ безпрепятственно пропускали однихъ только правительственныхъ курьеровъ.

Тогда началась великая и повсемѣстная бѣда въ нашихъ провинціяхъ. Крестьяне бросили посѣвы и жители многихъ селеній подверглись голодной смерти. Въ базарныхъ селахъ и городахъ пріостановилась торговля *). Провинціальныя фабрики и заводы были закрыты. На пристаняхъ задержаны были струги и барки съ хлѣбомъ, солью и разнымъ товаромъ. На одной Вышнековской пристани (на р. Вынгѣ) разомъ подвергли шестинедѣльному карантину болѣе 40 струговъ. Отъ неосторожнаго *куренья* на карантинныхъ заставахъ и дворахъ начались непрерывные пожары. „Отъ великихъ огней, жаловались наши воеводы, — особливо во время вѣтровъ и вихрей, бывають многія пожарныя спаленія“. Напуганное слухами о чумѣ духовенство нерѣдко отказывалось совершать церковныя требы, вслѣдствіе этого родильницы оставались безъ очистительныхъ молитвъ, младенцы — безъ святаго крещенія; больные умирали безъ исповѣди и причастія, а умершіе липались христіанскаго погребенія **) Въ народѣ началось усиленное пьянство, которымъ толпа думала *заглушить* ту панику, которая овладѣла ею вслѣдствіе разныхъ дѣйствительныхъ и мнимыхъ ужасовъ чумной заразы. Въ 1771 году питойная контора въ одномъ городѣ Шацкѣ продала болѣе 19,000 ведръ

*) Нѣкоторые города, напримѣръ Моршанскъ, терпѣли отъ этого страшные убытки. Въ описываемое нами время Моршанскъ велъ обширную хлѣбную торговлю. Напр. 7 марта 1771 г. въ Моршанскъ въѣхало 11,560 подводъ. 8-го 13,191 подводъ, и вдругъ вся эта торговля прекратилась...

**) На это обстоятельство есть указаніе и въ Тамбовск. конс. архивѣ, № 21 за 1772 г.

водки. Въ эти бѣдственные времена крестьяне нѣкоторыхъ Тамбовскихъ и Шацкихъ селъ, крѣпостные и экономическіе, взбунтовались и не хотѣли признавать никакихъ властей. Съ особенною силою крестьянскіе бунты обнаружились въ селахъ Дерябкинѣ и Липягахъ. Между Шацкомъ и Тамбовомъ появились сильныя разбойническія партіи, такъ что и *протѣду имѣть было невозможно*. Такимъ образомъ чужная паника потрясла у насъ коренныя общественныя основы...

Общая тревога увеличивалась отъ тѣхъ безпорядковъ, виновниками которыхъ часто были сами карантинные смотрители и караульные. Иногда у вѣзжихъ воротъ всѣ часовые были неграмотны, поэтому задерживали проезжихъ до пріѣзда карантиннаго смотрителя. Впрочемъ, за водку и за деньги караульные часто пропускали и безбилетныхъ, а по неопытности и недосмотру смотрителей свободно проходили заставы и такіе путешественники, у которыхъ были фальшивые билеты, фабрикація которыхъ сдѣлалась въ то время спеціальнымъ промысломъ въ нѣкоторыхъ селахъ Шацкой провинціи. Иные карантинные смотрители по своему скудоумію вовсе не признавали чужной заразы, представляли все на волю Божию и утѣшались въ своемъ бездѣйствіи непрерывными кутежами. Такимъ образомъ многія заставы превратились въ самые разгульные кабаки и нѣлю тамъ *различающее море* и въ похлѣбномъ чадѣ забывали легкомысленные люди о грозной карѣ Божіей. Нѣкоторые дворяне-вотчинники не слушались начальства и не хотѣли допускать въ свои имѣнія карантинныхъ смотрителей. Такъ наприхѣръ, когда смотритель Богомоловъ пріѣхалъ въ Кирсановское имѣніе Овицова, то помѣщикъ прогнать его и за объявленіе карантинныхъ правилъ грозилъ перебить ему руки и ноги. Въ имѣніи у этого сердитаго помѣщика уже не мало было *страшныхъ смертныхъ случаевъ*, въ его приходской церкви давно уже прочитано было правительственное объявленіе о заразѣ,

а онъ все свое твердилъ: „прилипчивой болѣзни у меня въ иждѣіи нѣтъ и быть не можетъ.“

Хмѣльные смотрителя и караульные, притѣсная проѣзжихъ и прохожихъ, иногда снимали съ нихъ всю одежду и отбирали всю поклажу и деньги, бросая послѣднія ради ассенизаціи и безвозвратно въ квасную гущу. Волѣдствіе этого крестьяне начали ѣздить по дорогамъ толпами и вооружаться для безопасности отъ карантиннаго начальства дубинами. Находились и такіе *родители общественного блага*, которые совершенно безсмысленно пользовались своимъ смотрительствомъ, безпричинно притѣсняя народъ. Одинъ изъ такихъ народныхъ опекуновъ, дворянинъ Евсюковъ, ѣздилъ по селамъ и заставамъ и билъ караульных и прѣзжихъ *безъ всякой оны несправедливо*. Когда же наступила зима 1771 года, то во всѣхъ селамъ своего смотрительскаго райсна онъ выгнать обывателей изъ избъ съ цѣлію провѣтриванія воздуха. А какъ нагрѣхъ та зима была лютая и *отъ той морозной лютой замерзъ народъ*. Отъ этого энергическаго распоряженія не легко было и взрослымъ людямъ, но въ особенности жутко было на морозѣ малымъ дѣтмъ, которые начали помирать отъ простуды въ огромномъ количествѣ.

Лучшей памяти заслуживаютъ слѣдующіе карантинные смотрители: Богомоловъ, Свѣчинъ, Аничковъ, Фроловъ-Багреевъ, Владиміровъ и Суровцовъ. Эти въ простотѣ своей усердно жили навозъ и не давали ѣзду и ходу ни коннымъ, ни пѣшимъ... Конечно, въ ихъ дѣятельности особеннаго разума не было, за то много было посильнаго честнаго усердія.

Къ числу условій, благопріятствовавшихъ развитію чумной эпидеміи 1771 года, надобно отнести также почти совершенное отсутствіе у насъ медицинской помощи и гигиеническихъ предосторожностей. Въ 1771 году во всей Шацкой провинціи было только два врача: Зигфридъ и Рамеловъ — оба крайне сомнительные въ на-

учномъ отношеніи. Въ то же время во всѣхъ Тамбовско-Щацкихъ городахъ и селахъ покойниковъ хоронили около приходскихъ церквей и притомъ зарывали ихъ небрежно и неглубоко. Въ Кадомскомъ уѣздѣ въ 1771 году былъ конскій падежъ и всю палую скотину зарывали внутри селъ, часто и во дворахъ, и только самые осторожные обыватели сваливали падаль на выгонахъ. Отъ этого происходило то, что собаки ежедневно разрывали трупы животныхъ и съ кусками зараженнаго мяса разбѣгались по всѣмъ усадьбамъ. О всякой другой грязи и нечистотѣ, съ которыми издавна такъ свыкся простой русскій чловѣкъ, и говорить нечего; въ описываемое нами время всѣ русскіе поселенія были еще обильнѣе всякими миазмами, чѣмъ теперь... Правда, по нашимъ провинціямъ безденежно разсылались печатные экземпляры съ указаніемъ предохранительныхъ мѣръ и лѣченія отъ заразы, но рѣдкій изъ нашихъ предковъ обращать на нихъ какое нибудь вниманіе.

Подробныхъ свѣдѣній о развитіи мѣстной чумной заразы 1771 года мы не имѣемъ. Впрочемъ и тѣ отрывочныя архивныя данныя, которыя находились въ нашемъ распоряженіи, свидѣтельствуютъ о грозныхъ размѣрахъ эпидеміи и довольно ярко рисуютъ намъ картину народнаго бѣдствія, память о которомъ въ настоящее время почти исчезла въ нашемъ краѣ.

Съ особенною свирѣпостію чума дѣйствовала въ селахъ Конобеевѣ и Аладынѣ, по всему теченію рѣки Цны и въ городѣ Козловѣ. Всѣ эти зараженные мѣста оцѣнили и предоставили ихъ собственной участи. Изрѣдка къ ихъ заставамъ подвозили провіантъ, причемъ извозчики, сваливъ въ кучу свою поклажу, опрометью скакали назадъ и даже денегъ не брали, вполне довѣряя чумнымъ обывателямъ, которые бросали слѣдующія съ нихъ деньги въ красную гущу. Деньги отъ кислоты чернѣли, а народъ объяснялъ это явленіе силою эпидеміи и окончательно поддавался паническому страху. Въ

города и села постоянно приходили извѣстія, иногда преувеличенныя о смертныхъ случаяхъ. Рассказывали о проѣзжавшихъ по большихъ и проселочнымъ дорогамъ, которые умирали внезапно. Подобные случаи дѣйствительно бывали... Тогда чумныхъ покойниковъ хоронили въ лѣсахъ и поляхъ въ платѣ, до котораго никто не смѣлъ прикоснуться. А телѣги и сани тутъ же жгли. Погребавшихъ же запирали мѣсяца на полтора въ необитаемыя избы и строго охраняли ихъ. Въ это время къ заключеннымъ никто не входилъ и пищу подавали имъ, по преданію, на длинныхъ шестахъ-рогачахъ. „Зараза была такая сильная, говорятъ мѣстные старожилы,— что если кто притрогивался къ зачумленному трупу какимъ нибудь острымъ орудіемъ, то видно было, какъ чумная чернота ползла вверхъ“.

Едва ли не самое тяжелое впечатлѣніе на весь напѣ край произвелъ слѣдующій дѣйствительно замѣчательный случай.

Въ сентябрѣ 1771 года по рѣкѣ Цнѣ плыло казенное судно съ арестантами, подъ начальствомъ поручика Филиппова. Около села Высокихъ Полянъ судно вдругъ остановилось, такъ какъ командиръ его бѣжалъ въ Касимовъ и въ экипажѣ обнаружилась ужасающая смертность. Всѣ конвойные унтеръ-офицеры умерли, изъ малочисленной команды выбыло 24 человека, арестантовъ погибло 120 человекъ. „Мерли люди, докладывать объ этомъ происшествіи Шацкому воеводѣ случайный командиръ казеннаго судна гарнизонный солдатъ Баласниковъ,—скоропостижно и невѣдомою болѣзнію“. По распоряженію Шацкаго воеводы Лопатина зачумленную барку задержали на шесть недѣль и совершенно удалили отъ берега: вмѣстѣ съ тѣмъ отданъ былъ приказъ провинціальной канцеляріи, чтобы всѣ военныя и арестантскія команды остановлены были въ поляхъ и чтобы они сами выстроили себѣ палатки и жили въ нихъ

въ теченіе шести недѣль, уклоняясь отъ всякаго сообщенія съ окрестными жителями *).

Наибольшее количество умершихъ отъ чумы было въ городѣ Козловѣ. По преданію, весь Козловъ во время эпидеміи былъ какъ бы мертвымъ городомъ. Всѣ обыватели сидѣли дома и боялись выходить на улицу. Только караульные расхаживали по кварталамъ, подходили къ обывательскимъ окнамъ и кричали въ извѣстномъ смыслѣ: ельникъ и можжевелъникъ! Тогда измученные смертнымъ страхомъ жители вспомнили Бога и понесли въ храмы Божіи свои жертвы. Шли въ церкви купеческія молодицы и несли туда свои болѣе или менѣе дорогія украшенія, привѣшивая ихъ къ иконамъ Богородицы. Шли въ церкви крестьянскія труженицы и умиляли Бога холстами, которые онѣ навѣшивали на иконостасы, и полотенцами, которыми покрывались иконы. Болѣзнь однако не унималась, но за то и въра народная крѣпла и легче стало Козловскому міру сносить нго Божію. Съ тѣхъ поръ городъ Козловъ славится по всей Руси богатыми церковными утварями и звучными колоколами. На площадяхъ городскихъ стали воздвигаться каменные храмы прочной архитектуры. Памятникомъ великаго народнаго бѣдствія 1771 года въ городѣ Козловѣ въ настоящее время служить соборная Покровская церковь, построенная гражданами по подпискѣ. 23 октября 1771 года Козловскіе обыватели составили слѣдующій приговоръ, конію котораго мы приводимъ почти дословно.

„Города Козлова духовнаго и свѣтскаго чина жители, видя праведно отъ Бога посланный на градъ сей въ смертной язвѣ гнѣвъ, страшась онаго, напоминалъ каждый грѣхи свои, прибѣгаемъ, смирия постомъ души, къ Помощницѣ рода христіанскаго—Богородицѣ. И от-

*) Арх. бывшей Шац. провинц. канцеляріи, № 464-й.

нынѣ да будетъ седмица сія отъ 24 октября по 29—
постъ, а того дня свѣтель праздникъ Божіей Матери“.

29 октября 1771 года Козловскіе жители устроили
вокругъ города крестный ходъ. За крестами и иконами,
за протоіереемъ Іоанномъ и духовенствомъ—шли всѣ
обыватели; малыхъ дѣтей взрослые несли на рукахъ
своихъ. Въ полѣ процессія остановилась и соборный
протоіерей произнесъ, послѣ уставнаго молитвословія,
слѣдующія простыя и трогательныя слова. „Владычица
Богородица, утоли рыданіе слезъ нашихъ и призри на
смиреніе наше!“

На другой день Козловскіе жители снова понесли
въ храмы свои умиловительныя жертвы. Тяжкая бѣда
сравнила сословія, званія и состоянія. Начиная съ Коз-
ловскаго воеводы Михаила Карцова и до послѣдняго
работника всѣ граждане смирились и духовно покори-
лись духовенству, „Созижди, Боголюбивая Царица,—
писали Козловцы въ своемъ мірекомъ приговорѣ,—со-
борный храмъ нашъ подъ смотрѣніемъ служителя твоего
и отца нашего протоіерея Іоанна“.

Козловская бѣда давно прошла. Давно уже соста-
рились внуки свидѣтелей чумной заразы, но крестный
ходъ въ память 1771 года и теперь есть въ Козловѣ.
Только поста, приговореннаго праѣдами, не исполня-
ють правнуки.

Не въ одномъ Козловѣ общественная бѣда выра-
зилась религіозно. Почти на всемъ пространствѣ обѣихъ
нашихъ провинцій произошелъ нравственный перево-
ротъ (къ сожалѣнію-временный). По извѣстной русской
пословицѣ, *многіе люди отъ гнѣва Божія очнулись и пе-
рекрестились*, забыли свои мелкія и крупныя ссоры, за-
были интересы всякаго хищенія и стали богомольными.
Многію помѣщики начали строить *ружники* церкви и от-
пускать крестьянъ на волю, напиримѣръ князь А. А.
Долгоруковъ, а въ городахъ и богатыхъ селахъ возникли

кладбищенскія церкви. *) Между тѣмъ во всѣхъ приходѣхъ принялись устроить кладбища не ближе ста сажень отъ жилья и рыть могилы глубиною въ три аршина. Кругомъ кладбищъ появились ограды и канавы, чего прежде у насъ не бывало.

Въ 1772 году чума въ нашихъ провинціяхъ прекратилась. Но до самаго 1774 года чиновники разъѣзжали по уѣздамъ для наблюденія за исполненіемъ карантинныхъ мѣръ. Кругомъ селъ стояли караулы, а во дворахъ и на выгонахъ горѣли огни, курился ельникъ, можжевелникъ, деготь и навозъ. Всѣ эти мѣры предосторожности разомъ были оставлены, какъ только пошли извѣстные тревожные слухи съ Поволжья. Такимъ образомъ одна народная бѣда смѣнила другую и трудно сказать, какая изъ нихъ была *горше* для Тамбовско-Щацкаго народонаселенія, и безъ того далеко не избалованнаго условіями жизни.

Вѣкъ Екатерины II вообще полонъ внѣшняго блеска. Блестящія побѣды русскихъ войскъ, которыми предводительствовали истинные герои; великолѣпный Петербургскій дворъ, въ которомъ на первомъ планѣ фигурировали многочисленные и быстро смѣнявшіеся фавориты; вельможная и барская роскошь, удивлявшая затѣжкихъ иностранцевъ, быстрое и такъ сказать обрядовое сближеніе высшихъ классовъ съ западною Европою— вотъ показная сторона нашего славнаго вѣка. Но за этими декораціями скрывалась темная, бѣдная и безправная жизнь народной массы, слишкомъ дорого платившей за внѣшній государственный блескъ.

Переходимъ къ пугачевщинѣ.

*) Всѣ эти факты между прочимъ подтверждаются документами Тамб. Дух. Консист. № 21-й за 1772 г.

VIII.

Пугачевщина въ Тамбовско-Шацкомъ краѣ.

Объ наши провинціи по своимъ бытовымъ условіямъ, представляли самый горючій матеріалъ для развитія пугачевщины. Мѣстные инородческіе элементы, Татары, Мордва и Мещера, также далеко не отличались политическою благонадежностію. Къ довершенію бѣды военныя средства нашихъ провинцій въ 1774 году оказались въ самомъ жалкомъ состояніи, такъ что край застигнуть былъ переворотомъ совершенно внезапно, врасплохъ. Шацкая крѣпость, бывшая главнымъ оплотомъ цѣлой провинціи, разваливалась и грозила своими гнилыми бревнами не бунтовщикамъ, а мирному городскому населенію, какъ объ этомъ свидѣлствуетъ слѣдующій отзывъ Шацкаго воеводы Лопатина: „имѣется у насъ издрекло построенная дубовая крѣпость, которая нынѣ весьма ветха и мы опасеніе имѣемъ, чтобы отъ той ветхой постройки не учинилось проходящему народу какого ущербу“.

Шацкая крѣпостная артиллерія представлялась тоже далеко не въ воинственномъ видѣ. Она состояла изъ девяти чугунныхъ пушекъ и трехъ дробовиковъ, при чемъ крѣпкіе лафеты были только подъ тремя орудіями. Артиллерійскихъ снарядовъ въ Шацкомъ арсеналѣ было немного и въ случаѣ осады города ихъ не могло хватить для одной Шацкой крѣпости. Вомбъ было только 80, пушечныхъ ядеръ около 5500, фитилю 8 пудовъ 25 фунтовъ *).

Гарнизонъ въ городѣ Шацкѣ въ 1774 году состоялъ изъ 12 унтеръ-офицеровъ разныхъ наименованій и

*) Изъ дѣлъ бывшей Шацк. провинц. канц. № 36-й.

42 человекъ рядовыхъ при 17 офицерахъ. Кроме того въ составъ Шацкой инвалидной команды входили барабанщикъ и фельдшеръ. Изъ этого числа въ ружье могли стать только 50 человекъ, такъ какъ четыремъ солдатамъ не доставало ружей: онѣ сгорѣли во время большаго Шацкаго пожара въ іюнѣ 1769 года. Почти все Шацкіе солдаты были люди старыя, *худые и немилые*. „И тѣ инвалиды, доносило по командѣ провинціальное начальство,—въ разсужденіи старости, дряхлости и болѣзней пѣшкомъ идти въ походъ не могутъ“. Многие изъ этихъ горемычныхъ солдатъ страдали слѣпотой, недержаніемъ мочи, килами и застарѣлыми ранами. Сверхъ того все они не получали жалованья и ходили оборванные. „Дневной пищи, жаловались они Воронежскому губернатору Шетневу,—сварить намъ не чѣмъ и принуждены будемъ, оставя свои избы, разойтись по разнымъ мѣстамъ“.

Военныя силы другихъ городовъ нашихъ провинцій были не въ лучшемъ состояніи и отличались отъ Шацкаго гарнизона только сравнительною малочисленностію. Въ каждомъ изъ нашихъ уѣздныхъ городовъ было по 27 человекъ рядовыхъ. Все они вооружены были еще въ 1763 году и многія солдатскія ружья не могли уже стрѣлять. Шпаги тоже притупились и изломались. По поводу тревожныхъ слуховъ съ Поволжья и Яика негодныя ружья и шпаги отосланы были къ Воронежскому оружейному мастеру на поправку, но Воронежскія власти не сѣвшили и оставляли Тамбовско-Шацкихъ инвалидовъ безоружными. „Все готово, увѣдомляли онѣ нашихъ воеводъ,—точію везти не на чѣмъ“.

При такихъ условіяхъ мѣстные помещики, которымъ грозила наибольшая бѣда, приготовились къ самооборонѣ. Они вооружили своихъ дворовыхъ и начали обучать ихъ военному искусству. На этомъ поприщѣ особенно отличался владѣлецъ села Гагарина Петръ Пашковъ, который ежедневно дѣлать своей дворнѣ военныя

репетицій и тревоги на случай нападенія пугачевцовъ. По сигналу съ барскаго двора всѣ Гагаринскіе жители должны были бѣжать къ Пашковской усадьбѣ и занимать извѣстныя мѣста. При этомъ наблюдалась самая строгая дисциплина, за малѣйшее нарушеніе которой полагались тяжкія взысканія. Однажды, не смотря на сигналы тревоги, пономарь Федотъ Емельяновъ замѣшился въ церкви. Отсутствие его сойчасъ же замѣчено было самимъ Пашковымъ и по этому поводу немедленно сдѣлано было такое распоряженіе. Ударили въ набатъ и собрали народъ около церкви. Сюда же привели провинившагося пономаря, высѣкли его *припниками* и остригли ему голову*).

Между тѣмъ въ провинціяхъ Тамбовской и Шацкой стали ходить усиленные слухи о *Петрѣ Федоровичѣ*. Народная масса стала глухо волноваться и ждать *истиннаго* царя-освободителя крестьянства. Первымъ піонеромъ пугачевщины въ нашемъ краѣ былъ Саратовскій фурьеръ Филипповъ. Въ селѣ Тростянкахъ, Шацкаго уѣзда, онъ разглашалъ такія вѣсти: „около Оренбурга собирается царское войско и самъ царь скоро объявится тамъ же“. Филиппова схватили и привезли въ Шацкъ.

Слова Филиппова возымѣли свое дѣйствіе немедленно. Крестьяне Шацкаго уѣзда, Борисоглѣбскаго стана, насильно запахали въ свою пользу помѣщичьи земли и вырубали всѣ заповѣдныя рощи. „Все теперь наше, говорили они,—царь жалуетъ намъ всю землю“.

Съ цѣлію вразумленія простонародья въ городахъ и селахъ начали читать манифесты о Пугачевѣ. Священники читали ихъ съ церковныхъ амвоновъ, а провинціальныя чиновники, становясь на возвышенныя мѣста, оповѣщали народъ о самозванцѣ на базарахъ.

„Наши вѣрные подданные, гласилъ манифестъ,—никогда не допустятъ себя уловить никакими ухищре-

*) Изъ дѣлъ бывш. Шацк. провинц. канцеляріи, № 8,596-й.

ніями людей злоковарныхъ, ищущихъ своей корысти въ слабомыслящихъ людяхъ и не могущихъ насытить своей алчности иначе, какъ опустошеніями и пролитіемъ невинной крови“.

Вмѣстѣ съ манифестомъ вскорѣ начали читать народу Синодское посланіе, въ которомъ Пугачевъ изображенъ быть въ слѣдующихъ рѣзкихъ чертахъ: „отринувъ мысль о правосудіи Божіемъ, онъ испровергаетъ святыя алтари, расхищаетъ священныя сосуды, съ ругательствомъ попираетъ святія иконы, разграбляетъ и разоряетъ святыя храмы, зѣвскимъ образомъ неповинныхъ умерщвляетъ, ввергаетъ себя изъ порока въ порокъ, изъ нечестія въ нечестіе. Сей есть сожженный совѣстію. Православные христіане! Онъ злодѣй отечества, онъ врагъ Богу, церкви и отечеству. Отвратитесь отъ него, а паче отвратите его злодѣйства“.

Но толпа мало уже вѣрила представителямъ правительства и шла своимъ роковымъ путемъ. Однажды майоръ Сверчковъ читалъ манифестъ на базарѣ въ селѣ Инжавинѣ. Крестьяне столпились вокругъ него и по окончаніи чтенія смѣло сказали ему: „что ты ни читай и ни толкуй, а шила въ мѣшкѣ не утаишь“.

Въ то же время по городамъ обѣихъ нашихъ провинцій ходилъ по рукамъ извѣстный пасквиль. Начинался онъ словами: „пришло время искоренить дворянское лихоимство“. А оканчивался такъ: „въ ню же мѣру мѣрите, возмѣрите и вамъ“.

Бывало и такъ, что правительственные чиновники сами принимали сторону Пугачева. Такимъ образомъ поступилъ прапорщикъ Васковъ, посланный въ Наровчатскій уѣздъ для уѣщанія волновавшихся дворцовыхъ крестьянъ. На мірскомъ сходѣ въ одномъ селѣ онъ произнесъ слѣдующія слова: „съ нынѣшняго года всѣмъ крестьянамъ государственныхъ податей платить не велѣно.“ Въ такомъ же духѣ дѣйствовали отставной сержантъ Ермоловъ и помѣщикъ Васильевъ. А нѣкоторые

священники, напримѣръ о. Иродіонъ изъ села Гремячки, отказывались читать въ церквахъ правительственные манифесты и черезъ это укрѣпляли въ темномъ народѣ вѣру въ *Петра III-ю*. Отъ священниковъ не отставали и младшіе члены клира. Дьячекъ села Нестерова Поповъ весною 1774 года, по выходѣ изъ церкви, такъ говорилъ сопровождавшей его крестьянской толпѣ: „въ Оренбургѣ поднимаются царскіе люди и хотятъ переверсти весь дворянскій корень.“ Слова эти такъ взволновали народъ, что онъ вернулся въ церковь и принудилъ духовенство служить молебенъ о здравіи царя *Петра Фсодоровича* съ наследникомъ. *)

Нѣкоторые духовные поступали еще рѣшительнѣе. Они открыто объявляли себя сторонниками Пугачева и его именемъ набирали разбойничьи шайки. Весною 1774 года села Рузановки попъ Василій Филипповъ да Астраханскій попъ Федоръ Ивановъ съ шайкою въ 16 человекъ *уничтожили разбой въ домъ майора Сергѣя Львова въ селѣ Куринѣ*. Самъ Львовъ успѣлъ во время спасенія, но за то лишился всего своего имущества. Въ это же время села Долгоруковщины попъ Андрей Васильевъ такъ говорилъ крестьянамъ, втайнѣ сочувствовавшимъ Пугачеву: „примите меня къ себѣ и я буду у васъ за атамана.“

Такимъ образомъ положеніе Тамбовско-Щацкаго края принимало грозный и анархическій характеръ. Многіе крестьяне наши, забирая женъ, дѣтей и пожитки, *ночными временами* бѣжали на Волгу, въ Бузулукскія и Донскія степи и на Ахтубенскіе заводы. Тогда мѣстное дворянство приняло противъ бунта, съ разрѣшенія правительства, усиленные мѣры. Оно сформировало для разбѣздовъ конный отрядъ въ 500 человекъ подъ начальствомъ полковника Брюхатова. Тогда же Воронежскій губернаторъ Шетневъ подкрѣпилъ слабые гарни-

*) Изъ дѣлъ быв. Щацк. провинц. архива, № 8770-й.

зоны наших провинцій военными командами, общая численность которых не доходила до 1000 ружей. „И таковыми командами, жаловался Шацкій воевода,—въ искорененіи тѣхъ злодѣевъ исправиться никакъ не можно.“

Въ апрѣлѣ 1774 года пугачевцы проникли наконецъ и въ нашу Шацкую провинцію. Самъ Пугачевъ, какъ извѣстно, не дошелъ до нашего края. Въсто него у насъ дѣйствовали слѣдующія лица: Львовъ, Евстратовъ и Кириичниковъ, не считая мелкихъ пугачевцевъ. Первые двое именовались царскими полковниками, а послѣдній-директоромъ. Изъ нихъ болѣе виднымъ дѣятелемъ былъ полковникъ Львовъ, внослѣдствіи разбитый подъ Царицынымъ и взятый въ плѣнъ.

Съ началомъ пугачевщины во многихъ уѣздахъ Шацкой провинціи пріостановились наборъ рекрутъ и сборъ податей. Въ присутственныхъ мѣстахъ наиболѣе взволнованныхъ городовъ перестали заниматься дѣлами. Въ помѣщичьихъ имѣніяхъ крестьяне бросили барщинную работу и гонодскій хлѣбъ стоялъ въ поляхъ безъ всякаго призора. „И стала сущій голодъ и ходили люди по чужимъ дворамъ и отымали хлѣбъ“—писала Шацкая провинціальная канцелярія. *) Въ восточныхъ уѣздахъ Шацкой провинціи, вошедшихъ въ составъ нынѣшней Пензенской губерніи, *вся чернь въбунтовалась и отъ того бунтованія ни торги вымѣщать стало не можно.* Духовенство во многихъ церквяхъ молилось о здравіи великаго государя Петра Федоровича, а на сельскихъ сходахъ или шумные разговоры о томъ, что отнынѣ всѣ земли, лѣсныя угоды, луга и рыбныя ловли—общее крестьянское владѣнье. Въстѣ съ тѣмъ начались варварскія убійства. Помѣщиковъ убивали въ домахъ собственныя ихъ крестьяне, а иногда, опьяненные кровію и ободренные безнаказанностію, эти крестьяне расхо-

*) Изъ дѣлъ быв. Шацк. провинц. канцеляріи, № 137-й.

дѣлилось по окрестнымъ мѣстамъ и все на пути своемъ жгли огнемъ и били *смертнымъ боемъ*. Они вѣшали кабацкихъ цѣловальниковъ, сборщиковъ податей, лихихъ управляющихъ—нѣмцевъ, приказчиковъ и старостъ. Спасались только тѣ изъ нихъ, которые слыли за людей добрыхъ и жалостливыхъ. Остальныхъ расходившаяся народная масса не щадила, въ порывахъ злѣтства истребляя вмѣстѣ съ ними и ихъ малыхъ дѣтей. Въ іюнѣ 1774 года Шацкіе крестьяне, въ компаніи съ пришлыми пугачевцами, начали грабить кабаки. Чего не выпивали, то выливали на улицы. Выручку дѣлили между собою. Страшная народная драма захватила всю Шацкую провинцію, часть Тамбовской и вышла изъ ихъ предѣловъ, направляясь по Хопру къ самому Воронежу...

Пугачевскія шайки шли къ намъ съ береговъ Волги, преимущественно съ Симбирской стороны, и состояли иногда изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, вооруженныхъ ружьями и пушками. Путь ихъ ознаменованъ былъ, какъ мы замѣтили выше, убійствомъ помѣщиковъ и грабежомъ ихъ вотчинъ. Въ Керенскомъ уѣздѣ *злодѣи повѣсили бригадира Костливицева и пожилки его все безъ остатку пограбили*. При этомъ жена Костливицева съ малолѣтнею дочерью была спрятана дворовыми въ *тайномъ мѣстѣ*. Въ селѣ Туркахъ пугачевцы умертвили помѣщицу Лукерью Мерлину. Въ деревнѣ Балакиревой той же участи подвергся помѣщикъ Мосоловъ, въ селѣ Перевозѣ—Чулковъ, въ Тростянкѣ—Пестовъ, въ Курдюкахъ—Стаховъ. Въ селѣ Никольскомъ повѣшенъ былъ поручикъ Тенишевъ, а взрослая дочь его насильно повѣнчана была съ однимъ дворовымъ парнемъ. Изъ этого села мятежники прошли въ деревню Беклемишевку и повѣсили тамъ прапорщика Петрова со всею его семьей. Въ это время къ шайкѣ присоединился дворовый Антонъ Кузьминъ и направилъ ее на село Кривую Луку, гдѣ проживалъ помѣщикъ Любовскій, который тоже не избѣгъ своей участи...

Мы не можемъ называть всѣхъ Шацкихъ и Тамбовскихъ дворянъ, убитыхъ пугачевцами. Знаемъ только, что ихъ было слишкомъ много, потому что въ 1775 году въ Шацкъ и Тамбовъ пріѣзжали изъ Петербурга нарочные чиновники, которые составляли списки дворянскихъ сиротъ, оставшихся послѣ убитыхъ родителей, раздавали имъ денежные пособія и выбирали для нихъ благонадежныхъ опекуновъ изъ мѣстнаго уцѣлѣвшаго дворянства.

Пока собирались правительственные военныя команды, пугачевцы дѣйствовали на всей своей волѣ и наводили ужасъ даже на города. Темниковскій воевода надворный совѣтникъ Неѣловъ такъ напуганъ былъ молвою о злодѣйскихъ силахъ, что прогнать изъ Темникова всѣхъ укрывшихся тамъ дворянъ, а самъ съ командою убѣжать по Московской дорогѣ. Проходя мимо Шацка вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ Селвачевымъ, секретаремъ Мыльниковымъ и инвалидною командою, Неѣловъ ѣхалъ съ обнаженною саблею, причемъ барабаникъ билъ тревогу и походъ. Въ то же время военная команда города Троицка въ полномъ своемъ составѣ сдалась бунтовщикамъ. Одинъ только Троицкій воевода Столповской остался вѣренъ своему долгу и за это погибъ мученическою смертію, подобно всей Инзарской командѣ...

Изъ Троицка пугачовцы пошли на Краснослободскъ, встрѣчены были тамъ съ церковною церемоніею іеромонахомъ Пансіею и не смотря на то сожгли деревянныя городскія укрѣпленія, воеводу Селѣнского и Секретаря Тютрюмова *изъ ружей побили до смерти, казну взяли, призывъ порвали и перемѣняли и оттого весь городъ былъ въ великомъ страхѣ и все жители онаго ожидали себя смерти. *)*

*) Изъ дѣлъ 6. Шацк. провинц. канцеляріи, № 3093-й.

Были пугачевскія шайки и въ Нижнемъ Ломовѣ. Здѣсь ихъ встрѣтили всенародно и съ большимъ почетомъ. Самъ архимандритъ Нижнеломовскаго монастыря Исакій съ четырьмя іеромонахами и двумя іеродіаконами вышелъ съ крестомъ и иконами на встрѣчу къ *царскому полковнику*. Съ городскихъ колоколенъ раздавался звонъ, по улицамъ толпился народъ съ непокрытыми головами....

Ждали пугачевцевъ и въ самомъ Шацкѣ и была тамъ по этому случаю великая тревога. „Жители города Шацка, писалъ Шацкій прокуроръ Селиховъ, — пришли въ робость и великое смущеніе, ибо къ тому бунту многіе окрестные жители склоняются“. Въ особенности Шацкіе обыватели перепугались въ то время, когда воевода Лопатинъ выѣхалъ изъ города *якобы для покупки артиллерійскихъ лошадей*, не смотря на прокурорскій протестъ. Тогда въ провинціальной канцеляріи началась усиленная дѣятельность. Сосѣднимъ дворянамъ предложено было вооружиться и явиться въ Шацкъ для общей городской защиты. Въ окрестныхъ селахъ набрали крестьянскую команду въ 300 человекъ, причемъ особенно вѣрностію правительству отличились жители селъ Чернѣева, Княжева и Покровскаго. Всѣхъ сомнительныхъ людей, напригѣръ колодниковъ и плѣнныхъ Турокъ, отправили въ безопасныя мѣста. Казну вывезли въ Москву. По городу наскоро разставили рогатки и учредили денные и ночные караулы и разъѣзды отъ *воровскихъ людей*. Жителямъ воспрещено было пѣть пѣсни. Наступило тигостное и совершенно траурное затишье. Однако гроза миновала Шацкъ.

Въ это время, прикрываясь именемъ Пугачева, многіе *воровскіе люди* разбойничали по Окѣ въ окрестностяхъ Елатмы и совершали величайшія звѣрства. Однажды плыло тамъ судно купца Калашникова. Разбойники остановили его и приказали экипажу *ложиться*. Всѣ въ страхъ полетѣли на палубѣ, между тѣмъ атаманъ грозно

приказывать поскорѣй очищать полоненную барку и рѣзать полоняникамъ лѣвыя уши... *)

Извѣстные намъ архивные документы далеко не изображаютъ полной картины пугачевского движенія въ Тамбовско-Шацкомъ краѣ. Поэтому мы представляемъ вниманію читателей только отрывочные эпизоды.

1-го августа 1774 года въ городъ Керенскъ прибылъ вахмистръ Фельшманъ съ 12 солдатами. По случаю базара въ городѣ былъ большой съѣздъ сосѣднихъ крестьянъ. Къ нимъ-то собственно и пріѣхалъ Фельшманъ въ качествѣ посла императора Петра III-го. „Гнался я за Низарскимъ воеводою Болдыревымъ, говоритъ онъ народу, — потому что тотъ Болдыревъ государевъ казенный воръ и измѣнникъ“. Толпа обступила его и стала спрашивать о здоровьи *царя-блжннны*. Съ базарной площади весь народъ, бросивши свои торговые дѣла, подъ предводительствомъ Фельшмана пошелъ къ воеводѣ Перескому, который повидимому ничего не зналъ о случившемся. Перепуганный воевода вышелъ на улицу. Здѣсь подошелъ къ нему мнимый царскій посолъ и потребовать его содѣйствія. „Если ты мнѣ поможешь, сказалъ онъ, — поймать царскаго измѣнника, то будетъ тебѣ отъ *Петра Федоровича* дано 150 рублей“. Перекій началъ отговариваться неимѣніемъ команды; тогда Фельшманъ велѣлъ взять его подъ караулъ и вмѣстѣ съ секретаремъ Корольковымъ запереть въ приказной избѣ. Послѣ этого Фельшманъ обратился къ толпѣ съ слѣдующими словами: „молитесь за многолѣтнее здравіе царя Петра и отнынѣ не будетъ у насъ платежа подушныхъ денегъ и рекрутскихъ наборовъ 10 лѣтъ, а соль будемъ продавать по 2 гривны пудъ. И если городъ Керенскъ своему батюшкѣ не покорится, то 9 человекъ будетъ онъ битъ плетью, а десятого вѣшать“. Весь базаръ отвѣчалъ на эти слова

*) Архивъ бывш. Шацк. провинц. канц. № 2915-й.

шумными изъясненіями *вырноподданнической* преданности. Съ этого момента началось усиленное и даровое пьянство, всѣ кабацкія двери растворились настежь, выкатывались оттуда бочки съ виномъ и пошло въ Керенскъ разливанное пьяное море...*)

Изъ Керенска Фельшманъ поѣхалъ въ села Веденяпино и Шелдаисъ, взбунтовалъ крестьянъ, а помѣщиковъ Мачинскаго и Охлебинина увезъ съ собою къ атаману Евсѣеву въ Наровчатъ. Въ награду за всѣ эти *подвиги* Евсѣевъ далъ Фельшману отъ имени *Петра Федоровича* шелковый кушакъ и вороного коня.

Замѣчательна судьба Фельшмана, Инзарскаго инвалиднаго вахмистра. Сначала онъ вовсе не думалъ измѣнять законному правительству. Но вотъ пришли къ нему выборные отъ города, объявили о бѣгствѣ мѣстнаго воеводы и велѣли ему воротить его, угрожая за неисполненіе ихъ требованія повѣшеніемъ. Старикъ-вахмистръ (ему было тогда отъ роду 70 лѣтъ) по неволѣ покорился городскимъ обывателямъ и въ недоумѣніи выѣхалъ въ погоню за бѣглецомъ-воеводою. Дорогою, видя *всеобщее замѣшательство*, онъ убѣдился, что Пугачевъ-царь и открыто сталъ дѣйствовать въ его пользу. Во всѣхъ селахъ по дорогѣ изъ Инзара въ Керенскъ шла даровая попойка и казенная соль раздавалась жителямъ тоже даромъ. Пьяные крестьяне кричали *урт великому государю*. По столбовымъ и проселочнымъ дорогамъ тянулись пугачевцы, захватившіе самый городъ Инзаръ и *назначившіе* тамъ воеводою *майора Тенишева*...

Много въ то время погибло Керенскихъ помѣщиковъ отъ разгуливавшагося казачества и крестьянства. Дикіе крѣпостные порядки откликались не менѣе дикими оргіями народнаго самосуда. Тогда удѣлѣвшіе отъ разгрома мѣстные дворяне удалились въ Керенскъ подъ защиту его

*) Архивъ бывш. Шацк. провинц. канц. № 306-й.

старинныхъ деревянныхъ укрѣпленій. Укрѣпленія Керенска давно уже были гнилыя и потому спасавшееся дворянство большою частію затворилось въ соборной церкви. При этомъ наиболѣе храбрые пожѣстались внутри церковной ограды и вооружились чѣмъ попало. На соборную колокольную вѣстали нѣсколько маленькихъ крѣпостныхъ пушекъ, изъ которыхъ нѣкоторыя цѣлы и доселѣ.

Пугачевцы подѣ начальствомъ полковника Евѣева появились въ виду Керенска 7 августа. Около полудня они уже штурмовали крѣпость, но были отбиты инвалидами и обывателями, которыми командовалъ воевода коллежскій ассессоръ Перскій. Въ особенности неудаченъ былъ для пугачевцевъ приступъ 8 августа. Третій и послѣдній штурмъ происходилъ 17 августа. На этотъ разъ защитники города Керенска поколебались и мятежники ворвались въ самую крѣпость, выжгли и разграбили ее. До вечера перевѣсъ былъ на сторонѣ Евѣева. Въ это время почти всѣ пугачевцы, опьяненные удачею и даровою водкою, уже неспособны были къ серьезному бою. Вслѣдствіе этого городовые защитники устроили изъ соборной ограды вылазку и снова началось побоище. Особенною храбростію въ этомъ случаѣ отличились Керенскіе церковники, которые за это впослѣдствіи, по императорскому указу, освобождены были отъ *разбора*. Керенскимъ героемъ 17 августа 1774 года былъ пономарь Трофимъ Филипповъ, какъ это видно изъ слѣдующаго аттестата, даннаго ему воеводою и дворянами: „Пономарь Филипповъ тѣхъ бунтовщиковъ усердно поражалъ, такъ что оныя шайки были опрокинуты и въ бѣгство обращены, а многихъ при томъ изъ оныхъ бунтовщиковъ и живыхъ поймано“^(*).

Объ этомъ подвигѣ Керенскихъ защитниковъ дове-

^(*) Арх. бывшей Шацк. провинц. канцеляріи, № 948-й (наряды).

дено было до свѣдѣнія Императрицы Екатерины и 1-го ноября 1774 года поступоваль высочайшій указъ слѣдующаго содержанія: „Коронскимъ канцелярскимъ служителямъ за оказанное ими усердіе при защитѣ города отъ нападенія злодѣйскихъ шаекъ дать по одному чину. А воеводѣ Перскому и секретарю Королькову выдать не въ зачетъ годовою жалованья“.

Пугачевцы одновременно дѣйствовали на многихъ пунктахъ Шацкой провинціи. Проникли они и въ Темниковскій уѣздъ, причѣмъ повѣсили бывшаго депутата Екатерининской комисіи Еникѣва. Въ Темниковской Саровской пустыни доселѣ сохраняется краткое лѣтописное сказаніе о смутныхъ временахъ 1774 года.

„Саровская пустынь, говоритъ неизвѣстный лѣтописецъ,— была въ великой опасности отъ злодѣйскихъ шаекъ, ибо нѣкоторые сосѣди оной, а именно Татары, приходи въ обитель къ о. строителю за деньгами и не получая оныхъ, хвалились, если не будетъ имъ дано, то приведуть они для разоренія Сарова пугачевскіи партіи. А при томъ тѣ Татары укорили братію, зачѣмъ она охраняетъ въ своихъ лѣсныхъ дачахъ и въ поселкахъ господъ Татищевыхъ, Наумовыхъ и прочихъ дворянъ: поите де и кормите государевыхъ злодѣевъ и напутствуете ихъ пищею“.

9 августа пугачевцы заняли и разграбили городъ Темниковъ. Въ это время толпа встрѣтила ихъ съ колѣнопреклоненіемъ и съ жалобами на Саровскихъ монаховъ. Благоклонно выслушавъ эту рѣчь *государевъ полковникъ* и обѣщавъ разобрать дѣло. Между тѣмъ освобождены были все колодники и народу роздана была казенная соль *безъ вѣсу и безденежно*. На другой день мятежники пошли на казенный винокуренный заводъ, находившійся близъ Темникова, ворвались въ домъ заводскаго управляющаго, переломали и перебили тамъ мебель и посуду, печи, полы и стекла. Идѣла и Саровская пустынь своей очереди.

„Такія злоприключенія, продолжаетъ Саровскій лѣтописецъ, — стали вѣдомы отцу строителю Ефрему и братіи и пришла вся обитель въ великое смущеніе. И явившись къ отцу строителю всѣ просили отъ него въ такомъ преопасномъ случаѣ отеческаго наставленія. Онъ же далъ наставленіе таковое: младыхъ и среднихъ лѣтъ иноковъ благослови въ скрѣсть на такое злое время, а какъ пройдетъ гнѣвъ Божій — паки возвращаться въ обитель. Братія же, услыша такое рѣшеніе, паки вопрошала:

— Если въ бѣгствѣ сямъ кто убіенъ будетъ, будетъ ли за то душевная польза?

И отвѣчалъ строитель Ефремъ:

— Кто убіенъ будетъ — получитъ отъ Бога мученичeskій вѣнецъ.

А престарѣлой братіи сказать онъ: мы — старцы останемся въ обители, намъ уже приходитъ время скоро умирать, умирать же все равно, отъ болѣзни или отъ другаго чего. — И сими словами благоразумный старецъ всю братію приготовить къ наступающему многобѣдственному времени“.

Послѣ этого всѣ монастырскія сокровища спрятаны были въ *сокровенныя мѣста*. Монахи большею частію разбѣжались: кто въ лѣсъ, а кто въ Арзамасскій Высокогорскій монастырь. „И сталъ Саровъ пустъ, замѣчасть лѣтописецъ, — а какъ пришолъ вечеръ, то отъ той пустоты и страшень“.

Прошла цѣлая недѣля томительнаго страха. Съ часу на часъ Саровскіе старцы ждали пугачевского нашествія и дождались наконецъ полковника Архарова, который съ Донскими казаками вступилъ въ Саровскую пустынь 16 августа.

„Тѣмъ и окончилось, заключаетъ лѣтописецъ, — угрожающее здѣшней обители разореніе и истребленіе, о чемъ да будетъ слава Богу, благодѣтелю нашему, во вѣки вѣковъ. Аминь“.

Изъ Темникова пугачевская партія прослѣдовала въ Шацкій и нынѣшній Моршанскій уѣзды. Во время марша къ ней присоединились крестьяне изъ вотчинъ графа Разумовскаго, которые сѣли на коней и прозвались *государевыми уланами*. Въ селѣ Рязнѣ пугачевцы собрали сходъ и заставили мѣстнаго священника приводить всѣхъ къ *царской* присягѣ. Отсюда потянулись они на Хоперь и Ворону. *Шестале ихъ* по этому тракту было самое торжественное. Многіе пугачевцы ѣхали въ каретахъ и бричкахъ, взятыхъ въ ограбленныхъ барскихъ усадьбахъ...

10 августа 1774 года пугачевская шайка, дѣйствовавшая независимо отъ вышеуказанной, посѣтила село Жуково (Спасскаго уѣзда). Объ этомъ происшествіи мѣстный причтъ такъ доноситъ епархіальному архіерею:

„Прошлаго 10 августа справляли мы въ церкви Божіей всенощное бдѣніе и въ то время наѣхала въ наше село государственнаго злодѣя Пугачева воровской толпы партія. И того села Жукова помѣщицы Жуковой крестьянинъ Акимъ Афанасьевъ да дворовый человѣкъ Симонъ Родіоновъ, собравъ изъ околныхъ селъ и деревень многолюдство, внезапнымъ случаемъ вошли въ церковь и закричали необычно: иди попъ, для встрѣчи царскаго войска, а ежели не пойдешь, то казаки изрубятъ тебя въ мелкія части. И отъ того мы много ихъ уговаривали и спорили, точію по окончаніи всенощнаго бдѣнія оные Афанасьевъ и Родіоновъ, ухватя насъ сильно, не дали разоблачиться и повели на встрѣчу той пугачевской партіи. И взяли они два образа и велѣли звонить. Мы же, убоясь такового страху и неповинной смерти, встрѣчу имъ учинили близъ нашей Казанской церкви. А тогда въ той нашей церкви имѣлась подполковница Смагина съ сыномъ и укрылась въ оной; злодѣи же поѣхали къ ней въ домъ и все погромили, а мы именованные, возвратясь въ алтарь, бѣжали оттуда въ

поля и пробыли тамъ дотолѣ, пока злодѣи не выѣхали изъ того нашего села“.

Въ то время священникомъ въ селѣ Жуковѣ былъ нѣкто Степанъ Тимофеевъ. Впослѣдствіи, когда въ Шацкой провинціи началась правительственная расправа, и онъ и всѣ члены его причта были отрѣшены отъ хлѣста и подвергнуты розыску въ провинціальной канцеляріи и церковному запрещенію. Такимъ образомъ *последняя была горни пирова...*

Изъ Спасскаго уѣзда пугачевцы потянулись на Кирсановъ и Тамбовъ, гдѣ ихъ давно уже поджидало взволнованное крестьянство. *За все время 1774 года и до октября,* по свидѣтельству нашихъ источниковъ, — *Тамбовскіе и Кирсановскіе дворяне и крепостные крестьяне чинили разорскіе, грабительство и смертоубійство.* Въ сентябрѣ мятежники вошли въ Кирсановъ и въ села: Уметъ, Репьевку и Скачиповку. Здѣсь они *не малое число разныхъ чиновъ людей застрѣлили и дробилками сколотили.* Дорогою попадались имъ ничтожныя по числу воиискія команды, но они ихъ разбивали или же брали въ плѣнъ. Такъ, въ сентябрѣ 1774 года около села Умета остановился офицеръ съ командою. Онъ провожалъ *разбойническую* партію въ 30 человекъ. Въ это время налетѣли на него *государственные злодѣи*, его и пять человекъ солдатъ застрѣлили, а остальную команду и арестантовъ захватили съ собою. Замѣчательно, что при этомъ въ числѣ пугачевцевъ находилось не мало Турецкихъ плѣнныхъ, которые *приспосаблились къ злодѣю самовольно...*

21 августа значительная пугачевская шайка остановилась въ пяти верстахъ отъ извѣстнаго села Разсказова. То мѣсто и теперь называютъ *бездушнымъ кустомъ.* Тамъ партія стала лагеремъ и въ свободное отъ попоекъ и военнаго ученія время занималась вѣшаніемъ помѣщиковъ, духовныхъ и сельскихъ властей. Наконецъ мятежники пошли на самое Разсказово, гдѣ въ то время были суконныя фабрики Тулинова и Олесова. *Хозяева*

съ почетомъ встрѣтили толпу и принялись ее угощать. Но это была хитрая ловушка. Лишь только пугачевцы напились, какъ фабричные мастеровые, заранѣе подготовленные, принялись ихъ бить *смертными богами* и вязать для представленія въ Тамбовскую провинціальную канцелярію. Во время *сраженія* у мятежниковъ отнято было нѣсколько пушекъ, которыя долго послѣ того служили украшеніемъ Тамбовскаго фабричнаго села. Куда въ настоящее время дѣвались эти памятники фабричной доблести, намъ неизвѣстно. За справками по этому поводу обращались мы посредствомъ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостей къ Разказовской фабричной администраціи, но отвѣта нѣтъ и его не ждемъ мы, такъ какъ многіе наши коммерсанты всего менѣе интересуются наукою, предпочитая ей рабское служеніе одному золотому тельцу...

Въ числѣ плѣнныхъ пугачевцевъ, пойманныхъ въ селѣ Разказовѣ, оказались и дворяне: поручикъ Петръ Семеновъ, ротмистръ Брюхатовъ и недоросли Филипповъ и Мартыновъ. Въ Тамбовской провинціальной канцеляріи первый такъ показывалъ: „изъ дома моего по разграбленіи онаго взять я былъ разбойническою партіею по неволѣ. Хотя же и чинилъ я отъ тѣхъ злодѣевъ побѣги и укрывательства, но токмо бывалъ пойманъ и за то сѣченъ былъ плетями неоднократно и угроживали мнѣ смертію. Почему, когда оные разбойники устраивались для сраженія, я скрылся въ лѣсу и оружія при мнѣ не было и такъ былъ я пойманъ *).

Пока происходили всѣ эти Разказовскія событія, жители города Тамбова, отстоящаго отъ Разказова въ 30 верстахъ, перебрались съ своими пожитками въ соседній Ценскій лѣсъ. Но скоро они вернулись домой и были свидѣтелями казней, которыя совершались надъ

*) Арх. бывш. Шацк. пров. канцел. № 3093-й.

пугачевцами вблизи Тамбова на такъ наз. кривомъ мосту и въ самомъ Тамбовѣ на сѣнной площади.

Мы указали на болѣе замѣчательные факты изъ эпохи пугачевщины въ предѣлахъ Тамбовско-Шацкого края. Но это далеко не все, что слѣдовало бы сказать на данную тему. Тяжкая година прошла у насъ сравнительно глухо, масса народныхъ бѣдствій не занесена въ хѣстныя лѣтописи и никому вполне не вѣдомы были всенародныя русскія слезы... Въ Шацкихъ архивныхъ документахъ довольно смутно говорится о томъ, что пугачевскія партіи захватили почти всѣ уѣзды двухъ нашихъ провинцій, что всадъ бывали они недолго и оставляли по себѣ страшную память: „тѣ воровскіе люди, говорятъ Шацкія лѣтописи,—сѣкли многихъ людей плетми и жгли огнемъ и били кистенями и пожитки безъ остатку грабили“.

Сравнительно долго оставались пугачевцы въ слѣдующихъ селахъ Шацкой провинціи: въ Атиуревѣ, Кочетовкѣ, Тростянкѣ, Вѣлорѣчѣ, Кирилловѣ, Сядемкѣ, Красной Дубровѣ и Караѣ. Въ нынѣшнемъ городѣ Спаскѣ они *забрали безденежно всю казенную пищу и денежную казну пограбили и множество людей повѣсили*. То же самое сдѣлано было ими въ селахъ Кармалейкѣ, Елановкѣ, Зарубкинѣ, Виндряевскомъ Заводѣ, Анаевѣ, Карганинѣ и Журавкинѣ. Во всѣхъ этихъ (последнихъ) мѣстахъ мятежники служили благодарственные молебны и въ знакъ побѣдной радости стрѣляли съ церковныхъ папертей изъ ружей и изъ пушекъ. Ходили они шайками человекъ въ 500 и болѣе, а главными вожаками были у нихъ пономарь села Высокаго Саватій Марковъ и мордвинъ Родіонъ Филипповъ. Оба самозванно именовались *царскими офицерами*. Эти мнимые офицеры между прочимъ проникли и въ Вышенскую пустынь и ограбили тамъ соборную Успенскую церковь. Монаховъ однако не тронули. Главную силу указанной нами мятежной партіи представляли колодники, присоединившіеся къ

царскому войску во время разоренія города Троицка. Изъ Вышенской пустыни пугачевцы поплыли по рѣкамъ Вышѣ и Цѣѣ въ Елатомскій уѣздъ, гдѣ и разбили стеклянный заводъ купца Коржевина. Дорогою, выходя на берегъ, собирали они окрестное духовенство и заставляли его молиться о здравіи *царя Петра Федоровича и его христолюбиваго воинства*. Въ селѣ Никольскомъ пугачевцы напали на усадьбы помѣщика Рѣткина, у котораго укрылись всѣ его ближайшіе сосѣди, и всѣхъ ихъ вмѣстѣ съ хозяиномъ захватили съ собой. Что потомъ было съ этими несчастными—мы не знаемъ. Но кажется—пугачевцы никого не щадили. Въ это время къ шайкѣ присоединился однопорецъ Стерлиговъ. Это былъ замѣчательно жестокой человекъ, путь котораго ознаменованъ былъ убійствами и пожарами безъ всякой пощады. Въ шайкѣ Стерлигова находилось не мало плѣнныхъ Турокъ и Черкесъ, атаманъ которыхъ Шевченко получилъ отъ самого Пугачева указъ *сиротъ въ Темниковскихъ, Кадомскихъ и Керенскихъ юртахъ казакія крѣпости*.

Подкидвали пугачевцевъ и въ Кадомѣ и городская толпа, не боясь приказныхъ чиновъ, громко и сочувственно поговаривала о *Петрѣ III-мъ*. Однажды къ Кадомской тюремной избѣ подошли крестьянныя Слѣпцовъ и говорили колодникамъ: „молитесь Богу, скоро всѣмъ вамъ будетъ выпускъ и то учинить самъ государь“. Въ числѣ колодниковъ былъ дячекъ Игнатовъ. Увидаль онъ на другой день Кадомскаго протопопа и въ окно закричалъ ему: „скоро придутъ сюда царевы люди и я упрошу ихъ тебя повѣсить“.

Между тѣмъ въ августѣ 1774 года въ нашъ край начали вступать сильныя правительственныя команды изъ отрядовъ князя Голицына и генерала Мансурова. Нѣкоторые изъ нихъ прошли дальше на востокъ, другія же остались у насъ, напримѣръ гусары колковника Древица, Донскіе полки Ребрикова и Янова, баталіоны Нарвскаго и Великолукскаго полковъ и весь Ладожскій

полкъ. Вскорѣ прибыть въ Шацкъ и затѣмъ въ Керенскъ самъ П. И. Панинъ, а 2-го октября въ Шацкой провинціальной канцеляріи получено было официальное уведомленіе о *совершенномъ истребленіи государственнаго злодѣя, богоотступника и бунтовщика Пугачева*. Тогда началось быстрое усмиреніе края и жестокое возмездіе. Для устрашенія изволнованнаго народа во всѣхъ селахъ нашихъ провинцій поставлены были висѣлицы, глаголи и колеса. Подозрительныхъ крестьянъ безъ суда били плетями и сдавали въ солдаты, а женъ и дѣтей ихъ *подвергали долговременному тюремному содержанію*. На сѣченіе разныхъ людей не хватало плетей и всѣ воеводскія канцеляріи озабочены были усиленнымъ ихъ изготовленіемъ. Не хватало также кандаловъ для безчисленныхъ колодниковъ и потому всѣ кузнецы обѣихъ нашихъ провинцій завалены были сѣнною работою съ платою по рублю за экземпляръ. Въ то же время были случаи самыхъ изысканныхъ пытокъ и казней. Приверженцамъ Пугачева отрѣзывали уши и рубили пальцы, *которыми тѣ злодѣи Пугачеву присягали*. Иногда военная команда вступала въ бунтовавшее село и казнила жителей его по жребію, иныхъ вѣшала на *глаголы* за ребра, другихъ колесовала и четвертовала. Такимъ образомъ ужасы дикаго возстанія смѣнились не менѣе свирѣпыми оргіями военной расправы.. По всѣмъ большимъ трактамъ Тамбовской и Шацкой провинцій началась гонѣба правительственныхъ курьеровъ и другихъ официальныхъ лицъ, крайне стѣснявшая мѣстныхъ обывателей. Такъ, крестьяне села Бокосаго Майдана жаловались: „самую рабочую пору мы всѣ, кромѣ малыхъ и старыхъ, денно и ночью содержимъ бекеты и почты и оставили хлѣбопашество и разорились. И тѣмъ Его Сіятельство графъ П. И. Панинъ привелъ насъ и нашихъ лошадей въ крайнюю худобу“. При этомъ нѣкоторыя команды вели себя въ нашихъ селахъ, какъ въ непріятельской землѣ. Грабежи казацкаго хорунжаго

Григоренкова были таковы, что всѣ дворяне района его воинскихъ подвиговъ принуждены были составить о нихъ особый протоколъ для представленія вышему начальству. Самъ полковникъ Ребриковъ, какъ жаловался на него управляющій въ имѣніяхъ князя Долгорукова, *произвелъ опустошеніе въ помѣщичьихъ домахъ въ селѣ Вячкѣ.* А офицеръ Богдановичъ, ходя по Борисоглѣбской воеводской канцеляріи, *съ великою пышностію и гордостію махалъ тростію и приговаривалъ: а я не иначе съ кнѣзьями являюсь, какъ съ генералами.* Тогда наступила величайшая и повсемѣстная бѣдность въ нашемъ краѣ. „Въ минувшую смутную пору, доносила по командѣ Краснослободская воеводская канцелярія,—экономическихъ сборовъ въ приходѣ ничего быть не имѣлось“. Изъ другихъ мѣстъ поступали заявленія такого рода: „отъ того государственнаго злодѣя приключилось вѣсѣмъ крайнее разореніе и цодатей выискать не съ кого“. Больше всѣхъ пострадали конечно крестьяне, но и помѣщикамъ было не легко. Многие изъ нихъ писали въ Петербургъ: „съ того разоренія никакого имущества у насъ не имѣется и всѣ люди разбѣжались, а иные люди наши отпущены кормиться милостынею“.

Особенно тяжело пугачевская эпоха отозвалась на нашемъ приходскомъ духовенствѣ. Во многихъ приходахъ, какъ извѣстно, причты встрѣчали митожниковъ съ церемоніею. Такъ поступали наши священнослужители, спасая свою жизнь, и особенно винить ихъ за это не хватаетъ духу, потому что по своему развитію они были тѣ же крестьяне. Священникъ села Тарадѣй Иванъ Андреевъ былъ даже изъ крѣпостныхъ и мы думаемъ, что этотъ случай въ описываемое время былъ не единственный... Разумѣется, въ данномъ случаѣ наши духовные обнаружили трусость характера, но едва ли за это отрицательное преступленіе слѣдовало подвергать ихъ особенно суровой карѣ. Графъ П. И. Панинъ раздѣлилъ подсудное духовенство на три категоріи. Къ первой

принадлежали тѣ лица, которые добровольно встрѣчали пугачевцевъ. Этихъ было меньшинство. Ко второй и самой многочисленной категоріи отнесли тѣхъ священнослужителей, которые не бѣжали отъ мятежныхъ шаекъ и пассивно покорились обстоятельствамъ. Наконецъ въ третью категорію попали тѣ, которые бѣжали изъ своихъ приходовъ, но случайно, по принужденію, оказывались въ средѣ бунтовщиковъ, причѣмъ не имѣли мужества противиться движенію. Самыя суровыя наказанія достались конечно первой категоріи. Священниковъ съ причтами лишали званій, съ *престригѣніемъ* допрашивали и въ заключеніе разнородныхъ пытокъ сдавали въ солдаты или на каторгу. Послѣднія же категоріи относительно были помилованы, т. е. освобождены отъ ссылки и солдатчины, но всетаки лишены сановъ и пущены по міру... Тогда по всей нашей епархіи началась великая бѣда и рѣдкое духовное семейство не оплакивало *окончанаго* своего разоренія. Въ Починковской волости попали подъ судъ 35 причтовъ. Въ Наровчатскомъ уѣздѣ не покусившимъ духовнымъ лицомъ оказался одинъ только дячекъ, имени котораго къ сожалѣнію мы не знаемъ. Цѣлыя сотни духовныхъ сдѣлались несчастными и невольными жертвами пугачевского движенія. Имена этихъ страдальцевъ болѣею частью забыты, но самое число ихъ свидѣтельствуетъ о той массѣ человѣческаго горя, которая въ настоящее время прикрыта историческою давностію... Съ особенною суровостію отнесся къ несчастнымъ преступникамъ Святѣйшій Синодъ. Всѣ они были *отчуждены отъ церкви и прокляты*. Послѣ того ихъ торжественно разстригали и одѣвали въ *мужичьи* платье.

Правда, Екатерина II-я въслѣдствіи всемилостивѣйше ихъ простила, но это прощеніе было ограниченное: священники и діаконъ нашихъ провинцій, прикосновенные къ пугачевскому движенію, всетаки на вѣкъ остались причетниками. Никакого прощенія не было и

не могло быть только тѣмъ духовнымъ, которые открыто и дерзко приняли активное участіе въ смутѣ. Такихъ печальной памяти народныхъ дѣятелей было впрочемъ не много. Къ числу ихъ между прочими принадлежалъ священникъ села Богдановки Макарь Савинъ съ дочерью Варварою и сыновьями Дмитріемъ и Несторомъ. Вся эта семья разбойничала во имя Петра III-го и въ интересахъ наживы... *) Въ категорію самыхъ тяжкихъ преступниковъ попала также села Малыцова попадья Марья Федорова. Вмѣстѣ съ пугачевцами она грабила домъ помещика Приклонскаго.

Не легко было въ описываемое время и сельскому начальству. Старость и сотскихъ судили за то, *почему они людей въ свои селѣ и не переловили изъ.* При этомъ нѣкоторыхъ изъ нихъ заставляли до смерти. Особенною свирѣпостію въ производствѣ экзекуцій отличался подпоручикъ Михаилъ Приклонскій, *за храбрость* повышенный графомъ Панинымъ въ поручики. Впослѣдствіи этотъ суровый дѣлецъ впасть въ сумашествіе и такимъ образомъ завершить свое жизненное поприще...

При такихъ условіяхъ пугачевская гроза наконецъ стихла. Провинціальная жизнь вступила въ прежнюю свою колею, не обновившись ни нравственно, ни юридически. И только великая реформа 19 февраля навсегда избавила русскій народъ отъ повторенія кровавыхъ движеній въ духѣ самозванца.

Въ 1775 году въ Тамбовской и Шацкой провинціяхъ розданы были сельскимъ начальникамъ и вотчиннымъ управляющимъ подробныя инструкции *для всеконечнаго искорененія воровъ, разбойниковъ и притѣяющихся всякаго званія безнравственныхъ людей.* Всѣмъ имъ строжайше предписывалось о малѣйшемъ случаѣ воровства и разбоя немедленно доносить провинціаль-

*) Архивъ бывш. Шацк. провинц. канц. № 4515-й.

ной канцеляріи и въ то же время, собравъ обывателей, ловить злодѣевъ. Въ противномъ случаѣ они сами подвергались законному преслѣдованію наравнѣ съ преступниками. Такимъ образомъ наши провинціи поставлены были какъ бы на военное положеніе. Разсѣялись пугачевцы, но долго еще гуляли по вольному бѣлому свѣту *удалые молодцы*, пугая и разоряя наши бѣдныя селитьбы.

1774 годъ разорилъ въ особенности Шацкую провинцію и это обстоятельство преимущественно тяжело отозвалось на крестьянствѣ. Тогда правительство вызвало *не имущихъ рабочихъ* на постройку 18 казармъ, сожженныхъ пугачевцами, и на копаніе крѣпостныхъ рововъ въ Шацкой провинціи. *Только денежной казны для расплаты съ этими рабочими не имѣлось...*

Въ заключеніе считаемъ нужнымъ замѣтить, что въ эпоху чумы и пугачевщины правительственная фискальная дѣятельность въ нашихъ провинціяхъ не ослабѣвала. За недоимки имѣнія брали въ секвестръ. Городскихъ головъ и ратмановъ сажали въ оковы и подвергали тяжелымъ работамъ, *дабы подати взысканы были неотменно*. Разумѣется, все это могло быть только въ мѣстностяхъ, не занятыхъ пугачевцами.

Вскорѣ по умирненіи пугачевского мятежа открыто было Тамбовское наѣстничество. Понемногу и въ нашихъ захолустьяхъ стали заводиться иные порядки, ознаменовавшіе собою начало нашего культурно-историческаго періода. Вѣло и нехотя начали заводить общественныя школы и у насъ. Вотъ объ этомъ то мѣстномъ движеніи народнаго просвѣщенія мы и скажемъ въ слѣдующей главѣ нашего втораго выпуска.

IV.

Постепенное развитіе народнаго просвѣщенія въ Тамбовскомъ краѣ.

До начала нашей русской колонизаціи и до появленія христіанства, т. е. до конца XII вѣка, на всемъ пространствѣ нынѣшней Тамбовской губерніи не было ни одного грамотнаго человѣка. Когда же явились у насъ приходскія церкви и монастыри, то вмѣстѣ съ тѣмъ въ духовенствѣ даны были мѣстному населенію и первые учителя грамотности. Несомнѣнно то, что книжное дѣло шло у насъ съ величайшею медленностію, такъ какъ церквей до конца XVII столѣтія было въ нашемъ краѣ очень мало, по нѣскольку десятковъ на каждый нынѣшній уѣздъ, слѣдовательно мало было и учителей грамотности, да и охочихъ до грамоты людей взять было не откуда. Среди разноплеменнаго мѣстнаго населенія и въ виду постоянныхъ набѣговъ разныхъ кочевниковъ—наши русскіе поселенцы принуждены были думать ежедневно не о грамотности, а о личной своей безопасности. Что же касается правительства, то до самаго начала XVIII столѣтія оно заботилось относительно нашего края отчасти о его охранѣ, но гораздо болѣе—о собираніи государевыхъ пошлинъ. Вотъ почему, въ то время какъ старыя русскія, и даже сибирскія, области имѣли своихъ многочисленныхъ лѣтописцевъ и авторовъ религіозныхъ и разнообразныхъ отреченно-литературныхъ опытовъ, въ предѣлахъ Тамбовскаго края не было ни одного серьезнаго лѣтописца или иного какого нибудь автора. Мы знаемъ только одну Тамбовскую лѣтопись, о которой говорили въ первомъ своемъ выпускѣ, но она обнимаетъ самый краткій историческій періодъ и слишкомъ отрывочна. Затѣмъ намъ извѣстны нѣкоторые цер-

ковныя книги, дошедшія до насъ отъ XVII вѣка съ лѣтописными замѣтками неизвѣстныхъ духовныхъ лицъ, боярскія отписныя грамоты, канцелярскіе документы и фамилічныя грамоты. Въ концѣ XVII вѣка открыта была Тамбовская епископская каеэдра. Вмѣстѣ съ первымъ нашимъ епископомъ Леонтіемъ въ Тамбовъ прибылъ ученый Кіевскій іеродіаконъ извѣстный Палладій Роговскій, но оба они очень скоро вынуждены были удалиться отъ насъ и такимъ образомъ вѣроятность открытія первой Тамбовской школы была надолго устранена.

Во время Петра I-го начались по всему русскому царству извѣстныя просвѣтительныя реформы, коснувшіяся и нашего захолустья. Но какъ ни настойчивъ былъ въ своихъ предпріятіяхъ суровый царь, и его безприхвѣтная энергія оказалась безсильною въ борьбѣ съ мѣстнымъ невѣжествомъ.

Въ 1720 году въ Шацкой и Тамбовской провинціяхъ полученъ былъ грозный царскій указъ *объ ученіи, отрицъ дворянскихъ и духовныхъ дѣтей, цифирь и геометріи и подъяческихъ и всякаго чина людей дѣтей*. Указъ остался безъ исполненія. Тогда всѣхъ упорныхъ въ сопротивленіи царской волѣ и наукѣ дворянскихъ и недворянскихъ недорослей стали ловить и отдавать въ военную службу и, кромѣ того,—въ распоряженіе мѣстной подрядной канцеляріи для *свойныхъ, бударныхъ и прочихъ работъ*. Но и эти исключительно суровыя мѣры не такъ пугали нашихъ отжившихъ юнцевъ, какъ грамота и цифирь. Умственная косность въ нашихъ краяхъ была ужасающая и повальная. Иногда многіе недоросли не знали даже, по скольку имъ лѣтъ отъ роду, и такое незнаніе простодушно объясняли въ воеводескихъ канцеляріяхъ *безуміемъ*. Гораздо удачнѣе оказались въ нашемъ краѣ мѣры Петра Великаго касательно ремесленного и земледѣльческаго образованія. Благодаря энергіи царя-хозяина въ концѣ его царствованія у насъ уже было много опытныхъ кузнецовъ, слесарей, коноваловъ,

столяровъ, ткачей, косцовъ и каменщиковъ. Нѣкоторые изъ нихъ были даже грамотны и въ такомъ случаѣ нерѣдко опредѣлялись писцами въ воеводскія канцеляріи и хотя жалованья болѣею частию не получали, однако на бѣдность не всегда жаловались и *довольствовались отъ дѣла*.

Какъ бы то ни было, въ царствованіе Петра Великаго грамотность была у насъ самая слабая. Случалось, что не грамотными бывали въ нашихъ городахъ не только воеводы съ ихъ товарищами, но отчасти и протопопы, какъ наприм. Темниковскій протопопъ Матвій Добронравовъ, который читалъ плохо, а писать вовсе не умѣлъ. За то хорошими грамотѣями были въ нашихъ мѣстахъ сектантскіе наставники, нерѣдко тайно содержавшіе въ своихъ домахъ маленькія школы. Иные наставники-субботники знали еврейскую грамоту, а духоборческіе начетчики сочинили свой алфавитъ изъ польскихъ буквъ. Одинъ изъ сектантскихъ наставниковъ, послѣдователь Тверитинова, Тарасъ Максимовъ, приобрѣлъ даже въ своемъ кружкѣ славу знаменитаго проповѣдника. Вотъ для примѣра одна изъ его краткихъ проповѣдей: „не мои слова, братцы мои, слушать будете, но Христовы. Стойте въ вѣрѣ, тверди бывайте, непоступни и не слушайте суетныхъ людей, ибо мы скоро переселимся въ Персію и та наша обѣтованная земля“.

При такихъ условіяхъ въ средѣ мѣстнаго православнаго населенія свободно и широко распространялась народно-отреченная устная литература, занесенная къ намъ изъ старо-русскихъ областей. Вліяніе этой литературы нерѣдко и страннымъ образомъ проявлялось и въ канцелярской практикѣ. Такъ, въ концѣ царствованія Петра Великаго въ Шацкую воеводскую канцелярію привезли однодворца Данилу Архинова, обвиненнаго въ изнасилованіи малолѣтней дѣвочки. Преступникъ не сознавался въ своемъ преступленіи. Тогда судьи заставили

Архипова громко произнести слѣдующую *клятву*: „если я лгу, то да буду отлученъ отъ единосущныя и нераздѣльныя Троицы въ сежѣ и будущемъ вѣкѣ и да трясуся, яко Каинъ, и да пожретъ мя разверзтая земля, яко Давфана и Авирона и да прииму проказу Геесіеву и удушеніе Іудино и смерть Ананіи и Сапфиры, и буду я съ безбожными еретики въ печномъ огни, уготованномъ діаволу и ангеломъ его, и да обрящу Бога, ратующа въ часъ страшнаго воздаянія и затворяюща отъ мене двери. Милосердія (Архивъ бывш. Шацк. провинц. канц. № 5770).

Тамбовская губернія въ прошломъ столѣтіи славилась своими пчельниками, но пчеловоды и не думали совершенствовать свое хозяйство, они все свое упованіе возлагали на заговорныя слова въ родѣ слѣдующихъ:

- „ Отъ чего громовая стрѣла сильна и зычна?
- Отъ воздуху и сильна и зычна.
- И какъ бѣсы дрожатъ и бѣжатъ отъ тое стрѣлы,
- Такъ бы летали у меня на пчельникѣ пчолы.
- Дрожатъ люди, ужасаются.
- Отъ зыку стрѣлы бѣжатъ.
- Какъ облацы небесныя поднимаются,
- Такъ бы летали пчелы мои до скончанія вѣка.
- Аминь, аминь, аминь.
- Земля—замокъ, небо—ключъ.
- Моя пчела—полкъ,
- Чужая пчела—овца. Аминь“.

Въ то же время въ массѣ Тамбовскаго простонародья ходили упорныя слухи о пришествіи антихриста. Слухи эти поддерживались преимущественно раскольниками и сектантами и нѣкоторые изъ нихъ доходили до такого страннаго состоянія религіознаго экстаза и фанатизма, что врывались въ православныя церкви и съ грубою бранью разгоняли священнослужителей, а сами потомъ приходили въ свои молитвенные дома, ржали

по лошадиному и лаяли *). Такова была умиственно-нравственная жизнь Тамбовскаго народонаселенія въ царствованіе Петра Великаго... Зло увеличивалось еще болѣе отъ того, что въ первой половинѣ прошлаго вѣка у насъ не было своего епископа, а безпризорное и малограмотное приходское духовенство *чинило бунты, драки, площадное ругательство и вело себя зисорно и гнусно... **)*

Въ 1733 году села Кочемирова, Кадомскаго уѣзда, приходскіе люди подали въ духовный приказъ Лаврентія епископа Рязанскаго и Муромскаго слѣдующую заручную челобитную.

„У приходской нашей церкви попъ Макарій Ивановъ пьетъ непрестанно и за пьянствомъ своимъ въ приходъ съ тѣбами ходить лѣнотно и церковь Божія всегда стоитъ безъ пѣнія и они приходскіе люди помираютъ безъ исповѣди и безъ причастія, роженицы лежать безъ молитвъ и мертвецы стоятъ непогребенны многія числа. Да тогожъ означеннаго попа Макарія сноха Дарья Григорьева доносила мірскимъ людямъ на него свекра своего, что онъ живетъ съ нею блудно и дѣтей у ней приживаетъ и нынѣ у ней во чревѣ 3-й младенецъ. И дабы повелѣно было сіе доношеніе принять и его пона Макарія и сноху его допросить, чтобъ отъ его попова неистовства церковь Божія была не запрещена и приходскимъ людямъ въ разореніи не быть“.

Устроили очную ставку. Здѣсь Дарья прибавила: „означенный попъ Макарій бьетъ меня, увѣचितъ, руки и ноги связываетъ и кладетъ съ собою сильно и въ томъ она, Дарья, готова идти въ розыскъ“...

Около того же времени священникъ Симоонъ Сте-

*) Арх. Тамб. дух. конс. № 36 и 230.—Примѣч. Въ первой половинѣ прошлаго столѣтія въ Козлов. уѣздѣ самымъ замѣчательнымъ сектантомъ былъ нѣкто Пв. Обѣдковъ. Самъ онъ именовався у своихъ единовѣрцевъ колокольшею, жена его—церковію, одна изъ дочерей Авдотья—богородицею, остальными—ангелами, всѣ посѣтели его собраній—святими.

**) Арх. Тамб. дух. конс. № 383.

пановъ пришолъ въ свою приходскую церковь въ селѣ Лысыхъ-Горахъ, облачился и началъ служить всенощную. Въ это время товарищъ его, священникъ Егоръ Кондратовъ, тоже облачился, взялъ кадило и тоже началъ служить всенощную, перебивая Степанова и пихая его отъ престола. Когда пришло время говорить эктенью, то оба священника вышли на амвонъ и вмѣстѣ зачитали одну и ту же эктенью.

— Не твоя недѣля, замѣтить своему товарищу послѣ эктеньи священникъ Кондратовъ. А ты, дьячекъ, прибавилъ онъ, не смѣй пѣть.

Въ церкви произошло смущеніе. Всѣ вышли на паперть, однако, Степановъ настоялъ на своемъ, вернулся въ алтарь и дослужилъ всенощную.

Съ этого дня между товарищами началась сильнѣйшая вражда и оба они донимали другъ друга доносами въ консисторію.

Тогда же въ селѣ Малыхъ Пункахъ былъ дьячекъ Филиппъ Кирилловъ. Человѣкъ онъ былъ нетрезвый и вздорный и потому, по рапорту мѣстнаго благочиннаго Григорія Бѣлова, былъ удаленъ отъ должности. Надобно замѣтить, что въ доносѣ на Кириллова участвовали дьяконъ Никифоровъ и пономарь Алексѣевъ. Тогда разозлившійся дьячекъ отомстить своему причту по своему. Однажды ночью онъ взялъ въ ротъ клочъ сѣна, къ шеѣ привязать камень въ 2 пуда, вошелъ въ рѣку и сталъ кричать. Сбѣжались крестьяне и услышали слѣдующее: „Спать я, вдругъ накинудись на меня дьяконъ съ пономаремъ, заткнули ротъ сѣномъ, навязали на шею камень и бросили въ польной Воронежъ, приговаривая: не отъ насъ однихъ погибаетъ, на то воля благочиннаго. Чудомъ я спасся отъ потопленія“.

Понятно, что при такихъ условіяхъ въ обществѣ относились къ причтамъ съ совершенною безцеремонностію. Священниковъ часто, не разбирая ихъ качествъ, подвергали позорнымъ тѣлеснымъ наказаніямъ, во время

крестныхъ ходовъ травили собаками, а ихъ сыновей—церковниковъ брали въ кабалу, дочерей же насильно выдавали за дворовыхъ. Одинъ знатный баринъ прошлаго столѣтія написалъ такую *грамату* въ свое Тамбовское имѣніе: „дошло до нашего свѣдѣнія о поступкахъ священника Алексѣя, того ради объявить ему, что онъ изъ прихода выводится съ наказаніемъ“.

Униженію духовенства въ общественномъ мнѣніи и слѣдовательно нравственной грубости всѣхъ сословій сильно содѣйствовало также и то обстоятельство, что нашихъ священниковъ въ прошломъ вѣкѣ нерѣдко въ виду народа на базарахъ и ярмаркахъ подвергали торговой казни.

Такъ дѣло шло до открытія первыхъ нашихъ школъ: Тамбовской духовной семинаріи и Тамбовскаго же главнаго народнаго училища. Первая открыта въ Нижне-ломовскомъ монастырѣ въ 1779 году, а второе—въ Тамбовѣ въ 1786 году. Правда, въ г. Тамбовѣ еще со временъ Петра Великаго существовала гарнизонная школа, но объ учебномъ характерѣ этой школы можно судить уже потому, что въ ея программу входила такъ называемая *барабанная наука*, вѣроятно не послѣдняя въ учебномъ курсѣ гарнизонной школы...

За отсутствіемъ школъ охочимъ до грамоты людямъ приходилось обращаться къ тѣмъ илюбленнымъ старою неприхотливою Русью учителямъ, о которыхъ сообщаемъ намъ въ своихъ историческихъ запискахъ извѣстный майоръ Даниловъ. Такъ съ 1774 года и до открытія Тамбовскаго народнаго училища самымъ замѣчательнымъ мѣстнымъ распространителемъ *просвѣщенія* былъ простарѣлый зажиточный пономарь Терентій Федоровъ, который вслѣдствіе паралича не владѣлъ правою рукою и потому могъ обучать одному только чтенію. А если кому позволяли средства, то тѣ дальнѣйшее образованіе своихъ дѣтей поручали выписнымъ иностранцамъ. Въ этомъ случаѣ иныя Тамбовскіе помѣщики тратили до-

вольно значительныя суммы, выписывая заморских педагоговъ прямо изъ Лондона, Петербурга и Парижа. Почти всѣ эти иностранцы были, конечно, всего менѣе знакомы съ наукою и педагогикою и потому вся ихъ воспитательная роль сводилась къ одной болтовнѣ на какомъ нибудь иноземномъ нарѣчїи... Думаемъ такъ между прочимъ на томъ основанїи, что напримѣръ у Козловскаго помѣщика Безобразова учителемъ и воспитателемъ дѣтей былъ придворный *скороходъ* Яковъ Штальцманъ... Кромѣ того дѣти чиновниковъ и мелкопомѣстныхъ дворянъ учились грамотѣ во всѣхъ городскихъ присутственныхъ мѣстахъ. Крайне юные, лѣтъ 13 или 14, эти молодые люди поступали на гражданскую службу и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ учились читать и писать у разныхъ конистовъ, регистраторовъ и канцеляристовъ, которые сами въ свое время проходили точно такой же курсъ ученія. И замѣчательно, всѣмъ такимъ юнцамъ грамота почти всегда давалась очень туго, а канцелярская практическая *мудрость*, тяжело отзывавшаяся на вольныхъ и невольныхъ просителяхъ, постигалась ими чуть не сразу...

Въ первый разъ мысль объ открытіи въ Тамбовѣ какого нибудь гражданского общественнаго училища явилась въ январѣ 1780 года, когда открытъ былъ мѣстный приказъ общественнаго призрѣнія. Мысль эта внушена была Тамбовскимъ властямъ самою Императрицею Екатериною II-ю, которая пожертвовала Тамбовскому приказу 15,000 рублей именно на училищное дѣло.

2 ноября 1783 года Рязанскій и Тамбовскій генералъ-губернаторъ М. Ѡ. Каменскій, не мало и не безъ пользы поработавшій для нашего края, напомнилъ Тамбову о высочайшей волѣ. Вотъ что писать онъ правителю Тамбовскаго намѣстничества П. П. Коновницину: „при заведеніи приказа общественнаго призрѣнія изъ казны дано было ему 15,000 рублей между прочимъ для заведенія школъ. А школы и теперъ нѣтъ въ

Тамбовѣ и не замѣтны приготовленія къ ея открытію и бѣдные дворяне отъ этого вступаютъ даже въ разные пороки. Посему предлагаю на первый разъ завести хоть самую простую пиколу, чтобы тамъ дворяне учились читать и писать, началамъ ариѳметики и катехизису. Послѣ чего они могли бы поступать въ различныя канцеляріи для практическаго изученія гражданскаго порядка“. По поводу этой генераль-губернаторской грамоты Коновницынъ немедленно собралъ всѣхъ членовъ Тамбовскаго приказа, а также почетнѣйшихъ представителей мѣстнаго дворянства, и въ этомъ чрезвычайномъ засѣданіи рѣшено было отвѣтить главному начальнику края такъ: „въ полномъ собраніи членовъ приказа предложена была подписка на открытію школы, но всѣ отказались отъ оной подписки“.

Къ счастью въ 1786 году прибылъ въ Тамбовъ въ качествѣ правителя намѣстничества Г. Р. Державинъ, который, конечно, не могъ остаться равнодушнымъ къ дѣлу народнаго просвѣщенія.

22-го сентября 1786 года въ Тамбовѣ было открыто 4-хъ классное главное народное училище, а въ слѣдующемъ году въ нѣкоторыхъ Тамбовскихъ уѣздныхъ городахъ открыто было шесть малыхъ народныхъ училищъ и приняты были въ то же время мѣры къ тому, чтобы ни одинъ Тамбовскій городъ не оставался вполнѣтвѣтніи безъ народнаго *всесошлаго* училища.

Ученіе въ Тамбовскомъ главномъ народномъ училищѣ началось спустя 2 мѣсяца по его открытіи. Такое замедленіе произошло влѣдствіе недостатка въ Тамбовѣ классныхъ досокъ, грифелей, карандашей, азбучныхъ таблицъ и учебныхъ книгъ. Не хватало также для классныхъ комнатъ столовъ и стульевъ. Долго ждали еще изъ Петербургской учительской семинаріи учителей и, не дождавшись, стали розыскивать ихъ въ соседнихъ съ Тамбовскимъ намѣстничествомъ семинаріяхъ—Рязанской и Сѣвской.

Всѣ Тамбовскія училища открыты были съ замѣчательною по тому времени торжественностію, въ присутствіи многочисленныхъ представителей всѣхъ сословій. Во многихъ городахъ произносились нескладно высокопарныя рѣчи, въ которыхъ выражалась благодарность Екатеринѣ II-й за покровительство народному образованію, а самое это образованіе лицемерно представлялось величайшимъ блаженствомъ рода человѣческаго. Вотъ одна изъ этихъ нескладныхъ рѣчей, произнесенная при открытіи Моршанскаго училища учителемъ Донскимъ.

Ваше именитое собраніе!

Взошедъ я на мѣсто сіе прекраснѣйшее въ сей торжественнѣйшій день, на мѣсто благополучнѣйшее, которое столь чуднымъ зрѣніемъ наслаждаетъ насъ, на мѣсто—которое предвѣчная премудрость опредѣлила для насажденія сада оными *розами*, которыя съ сего времени никогда не оскудѣютъ, всемилостивѣйшая Екатерина сіе мѣсто основала храмомъ благочестія, храмомъ святости своей. И вы, благочестивые слушатели, въ сіе народное училище, изторгая изъ объятій матерей чадъ своихъ, съ радостнымъ восторгомъ должны предавать ихъ, дабы насѣять на нивы сердець оныхъ семена божественной добродѣтели, дабы разумъ ихъ озарить лучемъ божественнаго просвѣщенія, дабы вперить въ мысленное око ихъ подробное понятіе о естествѣ міра сего *).

Первыми директорами Тамбовскихъ училищъ были секундъ-маіоръ Карамышевъ и капитанъ Жоховъ. Всѣхъ учениковъ въ главномъ училищѣ къ концу перваго учебнаго года значилось по спискамъ 106 человѣкъ. Такая довольно значительная цифра объясняется тѣмъ, что по распоряженію Державина мальчиковъ иногда забирали въ классы насильно чрезъ полицію. Дворянскихъ

*) Др. и нов. Россіи 1878 г. т. 3, ст. 334, статья наша — рѣчь приведена кратко. Въ концѣ ея заключаются похвалы наукъ и Екатеринѣ II-й.

дѣтей конечно не трогали и потому большинство учениковъ принадлежало къ мѣщанскому и однодворческому сословіямъ. Немало было въ училищахъ также и дѣтей дворовыхъ. Въ 1787 году во всѣхъ Тамбовскихъ училищахъ всѣхъ учениковъ было 366 человекъ.

Первоначальный бытъ Тамбовскихъ училищъ былъ самый жалкій; всѣ они терпѣли крайнюю бѣдность. Даже губернское училище помѣщено было въ такомъ домѣ, гдѣ печи дымили и не грѣли, полы были гнилые, штукатурка отваливалась, двери въ классахъ плотно не закрывались, въ окнахъ не доставало стеколъ, крыши лѣтомъ протекали; даже черныхъ досокъ и мѣлу въ Тамбовскомъ училищѣ постоянно не доставало. Жалованье учителямъ выдавалось неаккуратно, рублей по 25 въ годъ. Хорошо еще было то, что въ интересъ нанихъ первыхъ учителей ближайшимъ образомъ входилъ директоръ А. А. Жоховъ, личность чрезвычайно симпатичная, преданная дѣлу народнаго образованія и служителямъ этого дѣла—всѣмъ народнымъ учителямъ. Безъ его заступничества плохо пришлось бы Тамбовскимъ педагогамъ. То было время, когда званіе учителя считалось чуть ли не самымъ низменнымъ въ чиновной іерархіи. Тайна этого нелѣпаго взгляда заключалась въ томъ, что педагоги уполномочены были *только учить и воспитывать дѣтей*. Между тѣмъ наше отжившее общество способно было уважать исключительно такъ называемыхъ *нужныхъ людей*, т. е. такихъ, которые властны были сдѣлать всякому какой-нибудь вредъ...

Однажды въ Козловѣ какой то секретарь Зуевъ прибилъ учителя Половневскаго и никто изъ городекихъ жителей не смутился этимъ. Всякій понималъ это дѣло такъ, что вышній чинъ билъ низшаго... Не такъ взглянулъ на дѣло Жоховъ. Онъ написалъ губернатору Зигреву слѣдующее письмо:

„Секретарь Зуевъ прибилъ Козловскаго учителя Половневскаго. По долгу званія моего прибѣгаю къ Ва-

шему Превосходительству, яко попечителю Тамбовскихъ училищъ и защитнику всѣмъ участвующимъ въ столь полезныхъ заведеніяхъ... Всепокорнѣйше прошу не оставить этого дѣла безъ изысканія, ибо въ противномъ случаѣ будетъ крайняя обида учителя, человѣка, украшеннаго достоинствами, его званію приличными, а жители города могутъ утратить уваженіе къ Половневскому, для его званія весьма необходимое“.

Несомнѣнно, что А. А. Жоховъ былъ человѣкомъ вполне образованнымъ для своего времени. Онъ отлично велъ канцелярскія дѣла. Всѣ его предложенія учителямъ и рапорты приказу и намѣстникамъ, написаны очень складно, съ достоинствомъ, и испещрены искусно подобранными указаніями на статьи законовъ.

Не таковы были первые Тамбовскіе учителя. Первоначальный составъ ихъ былъ далеко неудовлетворителенъ. Всѣ они были воспитанники духовныхъ семинарій, которыя въ прежнее время вовсе не блистали полнотою и основательностію научнаго образованія. При этомъ нельзя не обратить вниманія и на то, что общественное и экономическое положеніе учителей несколько не содѣйствовало ихъ саморазвитію. Вотъ что писали въ 1791 году Козловскіе учителя директору Жохову: „Уже наступилъ другой мѣсяцъ, какъ мы, не имѣя отъ магистрата квартиры, живемъ въ классахъ, чѣмъ весьма много притѣсненія учениковъ, препятствуемъ преподаванію ученія. Да и сами, претерпѣвая великую тѣсноту и не имѣя средствъ порядочно расположить домашнее свое содержаніе, приходимъ отъ сего въ великое разореніе“.

По поводу этой жалобы Козловскій городничій Сердюковъ съ своей стороны написать въ Тамбовъ слѣдующее: „часто въ должные для ученія часы я не заставлялъ Козловскихъ учителей въ классахъ, а шатающихся по городу лѣнсти ради. Въ ночное время незнаемо какіе люди къ нимъ ходятъ и я уже третью

квартиру ищу имъ единственно по ихъ вадорному житію. Сіи учителя препоручены въ смотрѣніе купцу Тихону Баженову, но оный Баженовъ почти никогда въ школы не бываетъ, слѣдственно должнаго надъ учителями надзора нѣтъ“.

Сердюковъ очевидно хотѣлъ прибрать Козловскихъ учителей къ своимъ рукамъ. Это тотъ самый не по разуму усердный градоначальникъ, который сдѣлалъ доносъ на помѣщика села Казинокъ И. Г. Рахманинова, переводившаго и печатавшаго въ своей *сельской типографіи* сочиненія Вольтера. Впослѣдствіи, по предписанію изъ Петербурга, Казинская типографія была разорена и всѣ ея экземпляры были уничтожены, причемъ ревностѣйшимъ дѣтелемъ былъ опять Сердюковъ. Суровый Козловскій городничій поступалъ съ учителями такъ, какъ будто облеченъ былъ надъ ними чрезвычайною властію. Это видно изъ слѣдующей жалобы учителя Половневскаго: „городничій съ наступленіемъ сумерекъ не велитъ выпускать меня со двора и каждую ночь полицейскій солдатъ приходитъ освѣдомляться: дома ли я. А встрѣтитъ меня городничій на улицѣ—ругательски ругаетъ“.

Такое положеніе Козловскихъ учителей было тѣмъ тяжелѣе, что городъ Козловъ, по выѣздѣ изъ губерніи Державина, положительно отказался отъ содержанія училища, а училищный попечитель купецъ Баженовъ, насколько не стѣсняясь, говоритъ въ обществѣ, что всѣ училища вредны и *они* *полезно повсемѣстно закрыть*. На этомъ основаніи онъ почти не являлся въ классы, а когда являлся, то считалъ долгомъ своимъ словами и дѣйствіями обижать учителей и учениковъ. Однажды, 11-го мая 1789 года, въ Козловское училище пожаловала даже жена Баженова и начала грубо бранить учителей. „Погодите вы, кричала она оторопѣвшимъ педагогамъ,—вотъ мужъ пріѣдетъ и не миновать вамъ тогда палочья“. Учителя пожаловались на это и результатомъ ихъ жа-

лобы было строгое распоряженіе намѣстническаго правленія о преданіи Баженова суду. Но все это дѣло кончилось объясненіемъ подсудимаго, что онъ *каждый* *ночной день ходитъ въ училище и обходится со всеми тихими манерами*.

Высокомѣрное отношеніе общества къ учителямъ вызывалось между прочимъ самымъ ихъ поведеніемъ, далеко неудовлетворительнымъ. Это видно изъ слѣдующаго факта. Зимой 1792 года директоръ училищъ Жоховъ поѣхалъ въ Козловъ для ревизіи училища и результатомъ этой поѣздки было полное разочарованіе дѣломъ народнаго образованія въ Козловѣ даже со стороны таковаго искренняго заступника учителей, какимъ былъ почтенный А. А. Жоховъ. Вотъ что писать онъ по окончаніи ревизіи въ Тамбовскій приказъ: „Козловское народное училище уже вовсе не существуетъ, а причины, послужившія къ его несуществованію, суть весьма многообразны. Главнѣйшая же изъ нихъ—непорядочная и ни съ какими правилами несходствующая жизнь учителей онаго, которые заводятъ ссоры между собою и съ нѣкоторыми изъ жителей города“.

Дѣйствительно, было отъ чего придти въ разочарованіе тогдашнимъ народнымъ образованіемъ. Когда Жоховъ вошелъ въ Козловское училище, тамъ не оказалось никого, кромѣ училищнаго сторожа, хотя это было въ учебные часы. Сдерживая свое негодованіе, директоръ училищъ пошелъ къ старшему учителю Половневскому на квартиру.

Но и на квартирѣ его не было.

— Гдѣ старшій учитель Половневскій? спросилъ Жоховъ.

— Давно ужъ уѣхалъ съ женою въ Липецкъ,—отвѣчали ему.

Тогда Жоховъ отправился въ квартиру младшаго учителя, котораго тоже не оказалось дома. „Были у него на дому съ утра 5 учениковъ, поясняли директо-

ру,—но учитель отпустилъ ихъ по домамъ, а самъ по-
шелъ куда-то въ городъ“.

Естественно ожидать послѣ этого, что Козловскіе
учителя по крайней мѣрѣ были отставлены отъ службы.
Но вышло совсѣмъ другое. Старшій учитель Половнев-
скій, вернувшись изъ Липецка, спокойно поѣхалъ въ
Тамбовъ и представилъ въ приказъ 120 рублей, собран-
ныхъ по подпискѣ на постройку Козловскаго училищ-
наго дома. Вслѣдствіе этого всѣ его служебныя погрѣш-
ности были забыты и ему былъ выданъ даже отъ гу-
бернскаго начальства похвальный аттестатъ за примѣр-
но ревностную службу. А другой Козловскій учитель пе-
реведенъ былъ въ Липецкъ на должность старшаго
учителя.

Дѣло народнаго просвѣщенія между прочимъ тор-
мозилось у насъ крайнимъ равнодушіемъ къ нему об-
щества. Всѣ Тамбовскія училища на первыхъ порахъ
поддерживались искусственно, благодаря покровительству
Г. Р. Державина. Чтобы угодить просвѣщенному пра-
вителю нахѣстничества, полицейскіе чины, какъ мы
сказали уже, старались поболѣе набербовать въ школы
мѣщанскихъ и дворянскихъ дѣтей, а дворяне и чи-
новники сами приводили въ классы подростковъ своихъ,
хотя втихомолку они и обижались тѣмъ обстоятельствомъ,
что ихъ благородные сыновья вынуждены сидѣть рядомъ
съ разночинцами и даже дворовыми.

Когда же Державинъ уѣхалъ навсегда изъ Тамбов-
скаго нахѣстничества, то наше училищное дѣло ослабѣло
сразу. А въ половинѣ 1790 года большинство Тамбов-
скихъ народныхъ училищъ было и совсѣмъ закрыто.
Такъ уничтожены были училища въ Лебедяни, Шацкѣ,
Спасекѣ и Темниковѣ. Все это городскія общества про-
дѣлывали на основаніи слѣдующихъ соображеній, вы-
шедшихъ повидимому изъ одной редакціи и слѣдовательно
какъ бы по тайному уговору всѣхъ уѣздныхъ магистрат-
товъ: „Купецкихъ и мѣщанскихъ дѣтей, писали города

правителю Тамбовскаго намѣстничества Звѣреву, — въ школахъ не состоитъ да и впредь къ изученію въ училища отдавать дѣтей мы не намѣрены. Того ради содержать училища желанія нашего не состоитъ и мы не видимъ для себя отъ оныхъ пользы“. Даже губернской приказъ, обязанный по самому смыслу своего учрежденія защищать народную школу, и тотъ видимо сочувствовать ретрограднымъ стремленіямъ уѣздныхъ магистратовъ и съ весьма непохвальною поспѣшностію предписывать учителямъ поскорѣе закрывать училища, причемъ циркулярно утѣнать ихъ приглашеніемъ въ Тамбовъ за полученіемъ похвальныхъ аттестатовъ. Между тѣмъ тотъ же самый приказъ съ особеннымъ интересомъ велъ оживленную и старательную переписку съ Москвою объ игральныхъ картахъ, которыя съ чрезвычайною скоростію и въ огромномъ количествѣ расходились по Тамбовской губерніи и существенно интересовали тогдашнее наше общество. Изъ Москвы на Тамбовъ шли цѣлыя подводы съ толстыми тюками игральныхъ картъ...

Одна изъ такихъ подводъ въ 1792 году доставила въ мѣстный приказъ 600 дюжинъ картъ одного только высшего разбора и все это разомъ пошло на потребу тѣхъ отжившихъ нашихъ согражданъ, которые съ легкимъ сердцемъ для потѣхи проигрывали десятки тысячъ, деревни и души, а на святое дѣло отечественнаго просвѣщенія жатѣли рубли... А въ 1809 году Тамбовскій приказъ заплатилъ Московской карточной конторѣ за одинъ мѣсяцъ апрѣль 14,300 рублей. Всѣ эти щедрыя траты производились на томъ основаніи, что *въ Тамбовѣ*, какъ гласитъ одно журнальное постановленіе приказа, *увеселеній не было, кромѣ карточного клуба, основаннаго при губернаторѣ Звѣревѣ, и что въ томъ же городѣ противъ прочихъ губернскихъ городовъ живетъ наибольшее число игроковъ въ карты дворянъ.*

Имѣя самыя скудныя матеріальныя средства, Там-

бовскія училища первоначально и въ учебномъ отношеніи стояли слишкомъ невысоко. Дѣло въ нихъ начиналось обыкновенно съ изученія азовъ и складовъ, что совершалось при помощи букварей и стѣнныхъ таблицъ; затѣмъ преуспѣвшіе ученики переходили къ часословамъ и наконецъ уже выступали на сцену различные краткіе учебники, наскоро и неумѣло составленные, по которымъ начиналась болѣе или менѣе усиленная долбня, причемъ о самостоятельномъ преподаваніи уроковъ не думалъ и не смѣлъ думать ни одинъ учитель.

О силѣ стремленія къ умственному развитію, конечно, можно судить по количеству и качеству поступающихъ въ обращеніе между извѣстными читателями книгъ. А въ Тамбовскихъ училищахъ въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій книгъ вообще получалось очень мало. Такъ напримѣръ въ 1791 году для всего намѣстничества, для училищъ, дворянъ и чиновниковъ Тамбовскій приказъ выписалъ всѣхъ книгъ на сумму 250 рублей 65 копѣекъ. Вотъ эти книги: всемірное землеописаніе (40 экземпляровъ), всемірная исторія (30 экземпляровъ), взясненіе евангелій (40 экземпляровъ), російскій букварь и російская граматика (по 40 экзempl.), краткое землеописаніе Россіи съ 19 раскрашенными картинами (20 экзempl.), сокращенный катехизисъ (95 экзempl.), гражданская архитектура (30 экзempl.), и руководство къ чистописанію (80 экземпляровъ). Да и эти книги отчасти лежали безъ употребленія. Такъ напримѣръ, въ Шацкѣ, Елатѣмѣ, Липецкѣ и Моршанскѣ изъ присланныхъ книгъ не купили ни одной. Уже въ 1804 году Тамбовская училищная библіотека понемногу стала наполняться книгами для чтенія. Вотъ книги, поступившія за этотъ годъ въ училищное книгохранилище: Іоанна Масона — о познаніи себя; Характеры или свойство и дружба; Бытіе разумное или нравственныя мысли, почерпнутыя изъ размысленій Юнга; Картина всемогущества, премудрости и благодати божественной, созер-

паемая въ правдѣ; Лѣтопись имперіи отъ Карла Великаго до нынѣшнихъ временъ; Наука быть утѣвляемою; Жизнь и странныя приключенія умершаго Карла Эдуарда; Дружескіе совѣты молодому человѣку; Городской житель во искушеніи; Жизнь отца моего—трудолюбиваго поселенина; Поэма—Авелева смерть и 1-я часть исторіи Россійскаго государства Стриттера.

Въ описываемое нами время преподаваніе въ главномъ Тамбовскомъ училищѣ шло слѣдующимъ образомъ. Нѣкто Исаевъ, учитель Россійской грамматики, приходилъ въ классъ въ длинномъ домашнемъ балахонѣ и обыкновенно спрашивалъ:

— Что у васъ, ребятки, сегодня за урокъ?

— Пѣніе, г. учитель,—отвѣчали ему хорошо знавшіе его ученики.

— Ну, пойте-же, — дозволялъ Исаевъ. И дѣйствительно во время урока Россійской грамматики начиналось шумное и разнообразное пѣніе, потомъ болѣе бойкіе ученики выбѣгали на средину классной комнаты и пускались въ плясъ. Вся эта комедія иногда завершалась тѣмъ, что добродушнаго и крайне недалекаго Исаева качали на рукахъ. А которые учителя были способнѣе, тѣ при малѣйшемъ удобномъ случаѣ торопились промѣнять свое педагогическое поприще на какое нибудь другое. Вслѣдствіе этого извѣстный Янковичъ-де-Маріево выражалъ такія жалобы: „учителя домогаются разными образами отбыть отъ настоящаго своего званія и на родинахъ училища приходятъ отъ сего въ упадокъ и запустѣніе“.

Въ 1791 году въ Тамбовскій приказъ подать прошеніе объ опредѣленіи въ учителя иностранныхъ языковъ бывшій Московскій адъютантъ Геслингъ, хорошо знавшій Французскій, Нѣмецкій, Голландскій, Норвежскій и Испанскій языки. Жалованья онъ желалъ получать по 400 рублей въ годъ. Но это послѣднее желаніе наивному и вѣроятно малограмотному приказу пока-

залось слишкомъ неумѣренною претензіею и Геслингъ было отказано отъ учительскаго мѣста. Такимъ образомъ Тамбовское училище лишилось рѣдкаго случая имѣть хоть одного опытнаго и образованнаго учителя.

Не смотря на совершенно неудовлетворительное состояніе учебнаго дѣла въ Тамбовскихъ училищахъ, разные почетные посѣтители училищныхъ *открытыхъ испытаний* считали долгомъ своимъ приходить въ восторгъ отъ ученическихъ успѣховъ въ наукахъ. Г. Р. Державинъ любилъ даже самъ экзаменовать учениковъ и приглашалъ обыкновенно и другихъ посѣтелей слѣдовать его примѣру, *что бы не было никакого сомнѣнія относительно правильности экзаменовъ*; но тѣ всегда благо разумно и совершенно основательно уклонялись отъ вопросовъ. Вскорѣ послѣ основанія нашего главнаго училища для его ревизіи пріѣхалъ въ Тамбовъ извѣстный Козодавлевъ, который впослѣдствіи, прощаясь съ Тамбовскими педагогами, въ поощреніе ихъ выразился такъ: „Я не оставлю засвидѣтельствовать объ училищѣ съ похвалою высшей командѣ“.

Лѣтъ черезъ 12 послѣ ревизіи Козодавлева въ Тамбовѣ была другая училищная ревизіи сенаторовъ Трошинскаго и князя Щербатова, которые о Тамбовской школѣ (Павелъ I-й, какъ извѣстно, запретилъ употреблять слово: училище, замѣнивъ его словомъ: школа) отзывались такъ: „главная школа въ Тамбовѣ въ надлежащемъ порядкѣ, учителя съ достаточными по своей части способностями и ученики при учинномъ экзаменѣ достаточные въ наукахъ, имъ преподаваемыхъ, оказали успѣхи. Отличившихся въ наукахъ мы нашли 41 человекъ“. Между тѣмъ въ одномъ первомъ классѣ иные парни сидѣли *по 7 лѣтъ*. А одинъ изъ нихъ по фамиліи Ряпинцевъ вышелъ изъ училища 33 лѣтъ. О нѣкоторыхъ *открытыхъ испытаніяхъ* въ Тамбовѣ составлялись иногда коротенькія хвалебныя записки и отсылались въ Москву для напечатанія въ Московскихъ

вѣдомостяхъ. Вотъ что напримѣръ написано было объ *открытомъ испытаніи* 1792 года: „во время испытанія удовольствіе зрителей изображалось на ихъ лицахъ, которое и не преминуло быть изъявлено по окончаніи испытанія знаками, изъявляющими благодарность виновницъ такого учрежденія, а трудящіеся въ преподаваніи ученія осмыслины были благосклонными привѣтствіями“.

Съ теченіемъ времени, до учрежденія министерства народнаго просвѣщенія, учебное дѣло въ Тамбовской губерніи становилось все хуже и хуже. Особенно невѣжественностію отличались у насъ Темниковскій и Спасскій уѣзды. Въ послѣднемъ ежегодно выписывали *только* книгъ по 10-ти „положеній о дворянствѣ...“ Въ 1800 году, при директорѣ Куликовѣ, въ Тамбовскомъ училищѣ не было даже и экзаменовъ и это единственно потому, что въ Тамбовѣ на тотъ случай не оказалось губернатора Вахметева, отправившагося на ревизію губерніи. Директорство Куликова представляется вообще самою печальною учебною эпохою въ Тамбовѣ со времени открытія училищъ. „Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, какъ писать самъ Куликовъ приказу, — не было сдѣлано никакого приращенія въ училищѣ ни въ книгахъ, ни въ кабинетныхъ вещахъ“. Тѣмъ не менѣе, когда въ февралѣ 1801 года въ Тамбовской школѣ былъ публичный экзаменъ, то *городскія власти*, по свидѣтельству приказа, — *бывъ восхищены счастливыми успѣхами учениковъ въ наукахъ, благоволили изъяснить признательность директору и учителямъ*. А каковы были эти счастливые успѣхи, видно изъ слѣдующаго. Между учениками Тамбовскаго училища, окончившими курсъ въ 1801 году, былъ нѣкто Безчасновъ. Въ его свидѣтельствѣ относительно поведенія значилось: довольно не худо. Такая же отмѣтка была у него и по Латинскому языку и однако Безчасновъ вышелъ изъ школы съ наградою: на публичномъ экзаменѣ ему дана была книга съ приличною надписью.

Въ концѣ царствованія Александра I-го главные народныя училища, въ томъ числѣ и Тамбовское, переименованы были въ губернскія гимназіи. Въмѣстѣ съ тѣмъ измѣнены и расширены были учебныя программы, количество классовъ умножилось и составъ преподавателей существенно улучшился. Тогда и въ нашомъ заочустьѣ наступила новая учебная эпоха. Среди гимназическихъ преподавателей перѣдко бывали у насъ люди ученые, талантливые, честные и вълѣдствіе этого нравственно всецѣло владѣвшіе своими учениками. Многіе Тамбовскіе граждане—бывшіе мѣстные гимназисты, обучавшіеся въ 30 и 40 годахъ, и теперь еще живо помнить и дѣтки восторгаются бывшимъ своимъ учителемъ исторіи Сумароковымъ. Почти такую же славную память оставилъ по себѣ въ мѣстной гимназіи и недавно умершій Е. В. Крунковъ, глубоко симпатичная личность котораго хорошо извѣстна была всей Тамбовской губерніи.

При такихъ условіяхъ мѣстная гимназія ежегодно стала выпускать въ разныя высшія учебныя заведенія выдающихся своихъ учениковъ и многіе изъ нихъ впоследствии приобрѣли себѣ почетную всероссійскую извѣстность, наприм. археологъ А. И. Поповъ, профессоръ Минаевъ, докторъ Гаагъ и др.

Въ 1790 году въ г. Тамбовѣ появилось другое учебное заведеніе, вмѣстѣ съ главнымъ народнымъ училищемъ призванное къ разсѣянію народнаго неинтереса въ Тамбовскомъ краѣ. Это—духовная Семинарія, переведенная изъ Нижняго Ломова и въ названномъ году уже имѣвшая 500 воспитанниковъ, благодаря энергическимъ распоряженіямъ незабвеннаго епископа Теофила и перваго ректора нашей семинаріи архимандрита Іоаннія. Но и духовная Семинарія очень долго была въ самомъ неудовлетворительномъ учебно-воспитательномъ состояніи. Относительно внѣшней обстановки она стояла значительно ниже Тамбовскаго главнаго народнаго училища. На 200 рублей Семинарія должна была содержать

своихъ начальниковъ и преподавателей, должна была давать пріютъ, пищу и одежду 30 казеннокоштнымъ ученикамъ, должна была за всѣми остальными расходами строить зданія для своего помѣщенія.

Когда епархіальное начальство стало заботиться о составѣ педагогической корпораціи въ Семинаріи, то во всей Тамбовской епархіи не оказалось на лицо хоть сколько нибудь образованнаго человека изъ духовнаго званія: всѣ наши священники и монахи, по свидѣтельству Синодскаго указа объ открытіи Семинаріи, были *не книжныя*. Тогда епископъ Теофилъ ректора вызвалъ изъ Владимірской епархіи, а троицъ преподавателей— изъ Рязани. Такъ положено было начало Тамбовской Семинаріи, представившей впоследствии значительный контингентъ видныхъ дѣятелей для всевозможныхъ поприщъ и въ этомъ отношеніи опередившей не одно главное Тамбовское училище. Изъ убогихъ каморъ Тамбовской Семинаріи и въ убогихъ одеждахъ, скромные и терпѣливые, вышли на свѣтъ Божій многіе дѣтели, ставшіе впоследствии извѣстными всей образованной Россіи. Одни изъ нихъ занимали епископскія кathedры, наприм. Филаретъ Черниговскій, Нектарій Нижегородскій, Веніаминъ Иркутскій, Павелъ Олонецкій и Варсонофій Симбирскій; другіе прославились, какъ талантливые и опытные профессора и писатели, напримѣръ извѣстный Петербургскій протоіерей Кочетовъ, профессоръ Н. Я. Аристовъ, докторъ Матчерскій, беллетристъ Левитовъ и многіе другіе. Даже на административномъ поприщѣ, наименѣ доступномъ людямъ безъ всякой протекціи, Тамбовская Семинарія имѣла своихъ видныхъ представителей и одинъ изъ нихъ въ качествѣ департаментскаго директора (Оржевскій) въ 40-хъ годахъ былъ огромною силою въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Но такая дѣятельность развилась въ нашей семинаріи потомъ, а сначала, нѣсколько десятковъ лѣтъ, она бѣдствовала во всѣхъ отношеніяхъ...

Прежде всего трудно было собрать учениковъ въ Семинарію. Церковники, т. е. дѣти духовныхъ, не имѣли никакого желанія учиться и консисторскіе пристава, по резолюціи епископа Теофила, привозили ихъ въ Тамбовъ насильно. Здѣсь *уросмы* юнцы сразу становились въ оппозицію къ заведенію и, не долго думая, многіе изъ нихъ бѣжали домой, гдѣ ихъ ласково встрѣчали сердобольные отцы и матери. Нѣкоторые изъ духовныхъ родителей доходили до того, что коллективно подавали на архіерейское имя прошенія объ освобожденіи сыновей ихъ отъ ученія. Такъ въ 1813 году поступили Моршанскіе причты. Но епископъ Теофилъ и его преемникъ Іона, къ счастью, въ данномъ случаѣ были поумными и донимали ретроградныхъ родителей денежными штрафами. Тогда постепенно въ средѣ нашего духовенства явилось обязательное ученіе всѣхъ дѣтей и мѣстное духовное просвѣщеніе въ 20-хъ годахъ настоящаго столѣтія наконецъ прочно установилось.

Первоначальный бытъ нашихъ семинаристовъ отличался величайшимъ убожествомъ. И въ классъ, и въ церковь, и на прогулку они выходили въ неизмѣнныхъ костюмахъ: въ нанковыхъ и сермяжныхъ халатахъ, подпоясанныхъ простыми кушаками, а нѣкоторые кромѣ того—въ лаптяхъ. Не красна также была жизнь начальниковъ и преподавателей семинарскихъ. Ректоръ получать годоваго жалованья 150 рублей, префектъ — 100, учитель риторики и пѣтики—80 рублей, учитель грамматики — 40 рублей, заправной учитель — 24 рубля и учитель нотнаго пѣнія—20 рублей. Самое зданіе Семинаріи не огороженное долго одиноко стояло подъ лубочною кровлею, а вмѣсто мебели въ классахъ были древесные пни.

Лекцій и объясненій въ семинарскихъ классахъ почти не бывало. Ученики упражнялись въ заучиваніи разныхъ учебниковъ. Эти учебники были слѣдующіе: богословіе—Карпинскаго, философія—Баумейстера, ри-

торика — Бургія, піитика — Аполлосова. По *главнымъ* *предметамъ* въ трехъ старшихъ классахъ писали схоластическія сочиненія на русскомъ и латинскомъ языкахъ. А какъ писали — это видно изъ слѣдующаго прошенія, старательно составленнаго въ 1792 году однимъ лучшимъ ученикомъ Тамбовской Семинаріи и поданнаго генераль-губернатору Гудовичу.

„Извѣстно, писать студентъ Добровскій, — что ваше высокопревосходительство неисчетными всегда обременены бываєте трудами и неусыпнымъ попеченіемъ. Почему не надлежитъ и непристойно кому либо изъ низкаго состоянія въ большее еще приводить духъ вашего высокопревосходительства смущеніе и беспокойство. Но какъ бѣдность и несчастіе нигдѣ себя не находятъ пристанища, кромѣ знаменитыхъ и титуломъ высокаго достоинства почтенныхъ особъ, то я и дерзнулъ, какъ бы позабывъ о непозволительномъ подлему состоянію предпріятія, прибѣгнуть подъ ваше защищеніе и благоуспѣхительство. Благоволите меня нижайшаго опредѣлить въ статскую или военную службу“.

Многіе ученики въ Тамбовской Семинаріи, какъ и въ другихъ; подолгу оставались въ классахъ и достигали солиднаго возраста. Поэтому они совершенно оставляли науку, добровольно садились на заднія парты, добивались иногда званія *скульпторовъ* или *архангеловъ* и мирно дожидались *исключки*. Въ то время, когда въ Семинаріи не было уроковъ, всѣ эти богатыри наводили ужасъ на питейныя заведенія и на мѣстныхъ мѣщанъ и однодворцевъ, съ которыми любили сражаться во время кулачныхъ боевъ. Легендарная память о семинарскихъ *герояхъ* отчасти сохранилась и теперь. Почти всѣ они въ свое время были исключены изъ Семинаріи и семинарское начальство напутствовало ихъ въ *жизнейское море* примѣрно слѣдующими аттестаціями: „ученикъ такой то. Уволенъ за малоуспѣшность и великовозрастіе. Онѣй ученикъ до драки и пьянства скорый, въ лѣности весьма упрямый“...

Въ 1798 году, благодаря извѣстному благоволенію Императора Павла къ духовному вѣдомству, послѣдовало нѣкоторое улучшеніе матеріальнаго быта Тамбовской духовной Семинаріи: къ двумъ тысячамъ ея бюджета прибавлено полторы тысячи. А при Александрѣ I-мъ сумма ежегоднаго семинарскаго расхода возвысилась до семи тысячъ и жалованье всѣхъ служившихъ въ Семинаріи увеличилось болѣе чѣмъ вдвое, такъ что, напримеръ, ректоръ сталъ получать 350 рублей въ годъ. Улучшилось также и матеріальное положеніе самихъ семинаристовъ: за ними епископъ Іона сталъ зачислять разныя приходскія мѣста съ правомъ полученія части доходовъ.

Измѣненія коснулись между прочимъ и семинарской программы. Въ 1800 году учебный курсъ въ Тамбовской Семинаріи усложнился исторіею, географіею, ариѳметикою и геометріею; потомъ въ 1803 году стали преподавать еще медицину, анатомію, физиологію, терапію и исторію медицины. Очевидно высшему правительству желательно было, чтобы приходскіе пастыри одновременно были врачами души и тѣлеса... Разумѣется, всѣ новыя семинарскія науки преподавались кое-какъ и семинаристы выходили въ свѣтъ безъ всякихъ положительныхъ научныхъ знаній. Но хуже всего для нихъ было то, что они слишкомъ слабо знакомы были съ текстомъ священнаго писанія и положительно уступали въ этомъ отношеніи малограмотнымъ раскольничьимъ и сектантскимъ начетчикамъ. Были однако и въ старыхъ Семинаріяхъ нѣкоторые хорошія стороны. Лучшіе ученики-семинаристы пріобрѣтали основательное знаніе латыни и довольно значительную силу теоретической мысли. Это была почва, на которой впоследствии удобно могли развиваться молодые люди для самостоятельныхъ работъ по всѣмъ научнымъ специальностямъ... *)

*) Примѣчаніе. Мы говорили о Тамбовской Семинаріи до ея реформы въ 1818 году.

Образовательныя средства г. Тамбова еще немного усилились въ 1802 году. Мѣстные дворяне, въ память подтвержденія Императоромъ Александромъ I-мъ дворянской жалованной грамоты, постановили основать въ г. Тамбовѣ дворянскій училищный корпусъ, преимущественно для дѣтей бѣдныхъ дворянъ, изъ которыхъ лучшіе ученики могли безъ экзамена поступать въ кадетскіе корпуса и университеты. Дворянскій комитетъ, которому поручено было основаніе новаго училища, рѣшилъ учредить для обученія учениковъ языкамъ 3 класса: *россійскій, французскій и нѣмецкій и прочимъ наукамъ* 3 же класса: *рисовальный съ гражданскою архитектурою, географическій обще съ исторією, математическій обще съ физикою*. Кромѣ того въ учебную программу дворянскаго училища входилъ законъ Божій.

Порѣшивъ вопросъ объ учебной программѣ, дворянскій комитетъ перешолъ къ вопросу о вознагражденіи педагогическаго состава. Учитель російскаго языка долженъ былъ получать въ годъ 200 рублей, если, какъ оговаривались на этотъ разъ экономные представители дворянства, — *нельзя пріискивать учителя за меньшую цѣну*. Учителю нѣмецкаго языка назначили 400 рублей, столько же учителю исторіи, а *французскому учителю* и учителю математики по 500 рублей.

Затѣмъ комитетъ занялся самымъ труднымъ въ то время дѣломъ, именно пріискиваніемъ учителей посредствомъ начальниковъ разныхъ учебныхъ заведеній въ Москвѣ и Петербургѣ. Особенное содѣйствіе комитету въ этомъ случаѣ оказалъ инспекторъ всей артиллеріи А. И. Корсаковъ, который дѣятельно розыскивалъ учителей математики по всѣмъ артиллерійскимъ ротамъ и командамъ. Поиски его очень скоро увѣнчались успѣхомъ. Учитель математики нашелся въ 5-й артиллерійской ротѣ. Это былъ поручикъ Федоренко.

Поручикъ Федоренко, переведенный въ Тамбовское дворянское училище въ чинѣ штабсъ-капитана пользо-

вался въ своей ротѣ репутаціею весьма серьезнаго и храбраго офицера. Онъ участвовалъ въ Суворовскомъ штурмѣ Праги и въ знаменитомъ Итальянскомъ походѣ, причѣмъ былъ тяжело раненъ. Это-то обстоятельство и заставило его искать болѣе мирнаго житейскаго поприща.

Объ остальныхъ членахъ первоначальной педагогической корпораціи дворянскаго училищнаго корпуса сохранились еще болѣе скудныя свѣдѣнія. Училищнымъ инспекторомъ былъ назначенъ капитанъ Веденяпинъ. Онъ же временно, до прибытія въ Тамбовъ прапорщика де-ля-Круа, преподавалъ французскій языкъ. Помощникомъ инспектора былъ учитель исторіи поручикъ Ишутинъ. Учителемъ русскаго языка былъ опредѣленъ коллежскій протоколистъ Пальмовъ, а нѣмецкаго — лифляндскій дворянинъ фонъ-Фрейвальдъ. Кромѣ того въ педагогическомъ составѣ училища находились слѣдующія лица: законоучитель священникъ Яковъ Богдановъ, докторъ Гиршъ и танцмейстеръ прапорщикъ Ивановъ.

Ученики Тамбовскаго училищнаго корпуса были раздѣлены на 3 группы. Самые бѣдные учились безплатно, приходящіе ученики за право ученія платили въ годъ по 50 рублей, а пансіонеры платили за все по 150 рублей. Самыхъ бѣдныхъ учениковъ доставлено было въ училище изъ каждаго уѣзда губерніи *по одному отроку*.

Училищный корпусъ былъ открытъ 22 іюня 1802 года и просуществовалъ около 30 лѣтъ.

Къ сожалѣнію мы должны сказать, что Тамбовскій корпусъ сначала и до конца своего существованія весьма слабо содѣйствовалъ развитію просвѣщенія въ Тамбовскомъ краѣ. Учениковъ въ этомъ корпусѣ всегда было мало, такъ что первый выпускъ его состоялъ только изъ 10 человекъ, и притомъ образованіе получалось въ немъ крайне неудовлетворительное, какъ вслѣдствіе общихъ бытовыхъ условій описываемаго времени, такъ въ особенности—вслѣдствіе привилегированности заведенія.

Порядочныхъ тандоровъ изъ нашего корпуса выходило немало, но толковыхъ и знающихъ науку — почти не было. Объ учебной неудовлетворительности нашихъ корпусныхъ воспитанниковъ можно судить по слѣдующему письму Кирсановскаго дворянина Платцова къ мѣстному предводителю: „25 іюня 1813 года, писать Платцовъ, — изъ дворянскаго корпуса явился ко мнѣ мой пансіонеръ Епихинъ, въ подобіе тощихъ класовъ или телокъ, видѣнныхъ Фараономъ въ сновидѣніи, при томъ и во гноищѣ, представляя подобіе Іова многострадальнаго, и не пріобрѣтшаго ничего въ наукахъ, но даже забывшаго все то, чему онъ наученъ былъ дома“.

Неудовлетворительность корпуснаго воспитанія и обученія зависѣла между прочимъ отъ недостатка матеріальныхъ средствъ. Многіе мѣстные дворяне при открытіи училища сгоряча подмахнули значительныя подписныя суммы, напримѣръ генералъ Н. П. Архаровъ 2 тысяч. А платили только немногіе и понемногу, такъ что фиктивная подписанная сумма значительно превышала дѣйствительныя средства Тамбовскаго училищнаго корпуса. Отъ этого служившіе въ корпусѣ неаккуратно получали жалованье, учениковъ содержали крайне дурно и училищное зданіе было въ полномъ разстройствѣ.

Вотъ всѣ образовательныя средства, которыми владѣлъ Тамбовскій край во второй половинѣ XVIII и въ началѣ XIX столѣтія. Правда, въ 1820 году у насъ появилось было 2 домашнія учительницы: Филиппо и Бѣлокопытова. Но Казанскій университетъ, *решуя* о народномъ просвѣщеніи и дѣйствуя въ духѣ извѣстнаго Магницкаго, рѣшился изгнать ихъ изъ Тамбова. Филиппо дѣйствительно была изгнана, а Бѣлокопытова сумѣла удержаться на мѣстѣ. Какъ бывшая воспитанница Московскаго Екатерининскаго института, она весьма храбро защищала свои права передъ начальствомъ. Вотъ что писала она Тамбовской полиціи: „чтобы не вздумали воспретить мнѣ воспитаніе дѣтей, единственный способъ

моего пропитанія, съ нынѣшнею почтою препровождая просьбу къ вдовствующей Императрицѣ по праву всякой воспитанницы института и позволенію Императрицы от-носиться къ ней во всякой личной обидѣ“. Неудивительно послѣ этого, если огромное большинство Тамбовскихъ дѣятелей описываемаго времени, дворянъ и чиновниковъ, оказывалось слишкомъ неудовлетворительнымъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ *).

Вотъ нѣсколько примѣровъ.

Въ 1818 году стряпчій Фроловъ писалъ другому стряпчему Жданову такое письмо: „алтынникъ и пакостникъ! покорно прошу донести начальству о притѣсненіяхъ, претерпѣваемыхъ канцеляристомъ Туминымъ. За симъ съ особеннымъ почтеніемъ къ вамъ пребуду“.

Года за три передъ тѣмъ Снаескій землемѣръ Вальцовъ отличался въ другомъ родѣ. Ему поручено было межевать землю въ Снаескомъ уѣздѣ, а онъ отказался отъ этого на томъ основаніи, что *онъ науки не обученъ и съ математическими инструментами не знакомъ*.

Нѣкоторые чиновники любили отличатся дикоухарскими подвигами и буйствомъ. Такъ, коллежскіе регистраторы Григорьевъ и Жильцовъ сговорились ѣхать въ село Сасово къ вольнопрактикующему врачу Кюнору. Пріѣхали они къ нему ночью, въ великую пятницу, и именемъ генераль-губернатора потребовали документы на званіе врача и на право лѣченія въ селѣ Сасовѣ. Документовъ этихъ на тотъ случай у Кюнора не оказалось и онъ вынужденъ былъ заплатить счастливымъ коллежескимъ регистраторамъ 120 рублей. Получивъ эти деньги, мнимые генераль-губернаторскіе чиновники по торопились уѣхать во svoen и до свѣту прогуляли на счетъ злополучнаго Кюнора.

*) Примѣч. Въ 1791 году въ одномъ Кирсановскомъ уѣздѣ неграмотныхъ молодыхъ дворянъ было 30 человекъ. Поэтому Кирсановскій предводитель Тимонинъ задумалъ было основать *дѣтское училище*. Мысль его отвергли.

Крайне ограниченные въ умственномъ отношеніи прежніе дѣльцы наши были однако весьма изобрѣтательны въ дѣлѣ всякихъ *благопріобрѣтеній*. Въ 1823 году генералъ-губернаторъ Балашовъ приказалъ во всѣхъ селахъ Тамбовской губерніи поставить столбы съ обозначеніемъ на нихъ названій этихъ селъ и числа дворовъ и душъ. Кажется, изъ этого правительственнаго распоряженія трудно было чиновникамъ извлечь для себя какую нибудь пользу. Между тѣмъ Липецкій исправникъ Ханыковъ и тутъ напoлся. Онъ поручилъ ставить столбы по селамъ Липецкому мѣщанину Кутышкину съ обязательною платою со стороны каждаго села за столбъ по 25 рублей и болѣе половины этого сбора брать себѣ. Въ томъ же году губерніскій секретарь Сергѣевъ взялся написать молочанамъ прошеніе на высочайшее имя и въ этомъ прошеніи разбранилъ православныхъ такъ, какъ не удалось бы самому закоренѣлому сектанту.

Перебирая разныя архивныя связки за описываемое нами время, мы встрѣчали массы прошеній разныхъ молодыхъ людей, стремившихся къ канцелярской карьерѣ. Нѣкоторыя выдержки изъ этихъ прошеній покажутъ намъ тотъ матеріалъ, изъ котораго слагалось отжившее наше чиновничество. Недоросль Филатовъ наприм. пишетъ: „обучася дома россійской граматѣ читать и писать, нынѣ имѣю я рѣшительное желаніе вступить въ статскую Вашего Императорскаго Величества службу“.

Исключенный ученикъ Семинаріи Никольскій пишетъ уже нѣсколько откровеннѣе: „по слабости моего здоровья и нѣкоторыхъ понятій исключенный изъ духовнаго училища, но теперь поправившись въ здоровьѣ, имѣю желаніе продолжать статскую службу въ канцеляріи губернскаго правленія“. Другой исключенный семинаристъ Бѣляевъ пишетъ: „получивъ навсегда увольненіе отъ наукъ, преподаваемыхъ въ Семинаріи, я не нахожу себя болѣе способнымъ ни къ чему иному, кромѣ статской службы“. Нѣкто недоросль Львовъ, желая

опредѣлиться въ Кирсановскій земскій судъ, писалъ прошеніе въ томъ же откровенномъ тонѣ: „россійской граматикѣ читать и писать отчасти умѣю, но дальнѣйшихъ наукъ не въ состояніи проходить и достигши въ совершенныя лѣта уже не могу имѣть объ нихъ понятія, и потому возымѣлъ ревностное желаніе служить“.

Нѣкоторые искатели канцелярскихъ должностей сразу желали зарекомендовать себя предъ начальствомъ и потому въ прошеніяхъ пускались въ красноречіе. Вотъ наприм. какъ написалъ прошеніе въ губернское правленіе отставной архіерейскій пѣвчій Апановскій: „обучался я въ хорѣ преосвященнаго Θεофила гражданскому и церковному пѣнію и для правописанія російской граматикѣ. Потомъ по усовершенствованіи пѣвческими дисциплинами и по спаденіи гармоническаго голоса я желаю поступить въ губернское правленіе подъ премудрую десницу начальства“.

А вотъ свидѣтельство одного исключеннаго изъ духовнаго училища *за упрямостію и малоградуемъ* ученика Кочетова, сдѣланнаго въ послѣдствіи довольно виднымъ дѣльцомъ Спасской земской полиціи: „ученикъ Кочетовъ чистописанію обучался довольно плохо; російской граматикѣ и арифметикѣ худо; пространному катехизису и славянской граматикѣ слабо; началамъ Латинскаго и Греческаго языковъ худо. Способности Кочетовъ имѣть слабыя и вель себя порядочно“.

Подобныя прошенія и свидѣтельства попадаются, какъ мы сказали уже выше, въ нашихъ архивныхъ документахъ сплошь и рядомъ. Между тѣмъ толковыя прошенія людей съ извѣстнымъ законченнымъ образованіемъ встрѣчались крайне рѣдко и ихъ процентное отношеніе къ массѣ прошеній малограмотныхъ людей ничтожно.

Въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX столѣтія сдвали выше Тамбовскихъ чиновниковъ стояли по образованію дворяне и духовенство. О низкой степени развитія всѣхъ

сословіи Тамбовской губерніи, выразившейся между прочимъ въ отсутствіи сознанія общественныхъ и политическихъ интересовъ, можно судить по слѣдующему факту. Когда въ сентябрѣ 1822 года губернаторъ Крюковъ предложилъ Спасскому исправнику Кутушеву собрать въ уѣздѣ деньги въ пользу разоренныхъ грековъ, то со всего уѣзда собрано было только 8 рублей... Дворянство наше не рѣдко отличалось по крайней мѣрѣ внѣшнимъ образованіемъ и нѣкоторымъ знаніемъ иностранныхъ языковъ, хотя все это нисколько не мѣшало практиковать большинству дворянства кулачное право. — А иногда среди дворянства описываемаго времени попадались даже люди положительно образованные, на прим. бригадиръ Рахманиновъ, основавшій въ селѣ Казникѣ типографію и печатавшій тамъ свои переводы и сочиненія, Кирсановскій помѣщикъ, другъ Пушкина и поэтъ — Варатынскій и др. Что же касается духовенства, то, за немногими исключеніями, оно едва выдѣлилось по своимъ понятіямъ и обстановкѣ изъ крестьянскаго быта. Можно сказать положительно, что въ Тамбовскомъ краѣ въ половинѣ XVIII и началѣ XIX столѣтія между приходскими духовными лицами не было никого, кто интересовался бы наукой и литературой. Когда въ 1786 году открывали въ Тамбовѣ главное народное училище, то Г. Р. Державинъ предложилъ Тамбовскому епископу Θεодосію сочинить какое нибудь приличное случаю слово. Θεодосій *за болѣзнію* отказался отъ сочинительства. Тогда стали искать по всей епархіи какое нибудь мало-мальски образованное духовное лицо и не нашли никого. Неудивительно поэтому, если духовенство часто поражало прихожанъ поступками и выходками самаго безцеремоннаго свойства и если, къ сожалѣнію, еще и доселѣ въ устныхъ разсказахъ простаго народа священнослужители весьма часто фигурируютъ въ самыхъ непривлекательныхъ, а иногда и совершенно нецензурныхъ образахъ...

Разные скандальные церковно-приходскіе случаи подали поводъ Императору Александру I-му воспретить прихожанамъ безъ мѣры угощать причты. Въ одинъ изъ послѣднихъ годовъ своего царствованія Александръ I-й чрезъ Аракчеева далъ знать министру внутреннихъ дѣлъ Ланскому слѣдующее: „до Государя Императора, писать Аракчеевъ,—доходить свѣдѣнія о томъ, что при угощеніи свѣтскими людьми духовныхъ лицъ нѣкоторые изъ сихъ послѣднихъ, бывъ напоены до пьяна нѣсколько разъ, отъ таковыхъ угощеній умирали“. Далѣе предписывалось подробно доносить Императору о вѣсѣхъ тѣхъ свѣтскихъ лицахъ, которыя неумѣренно позволяли себѣ угощать духовныхъ...

Мѣстному общественному развитію въ царствованіе Александра I-го не помогли ни библейское общество, Тамбовское отдѣленіе котораго подъ предсѣдательствомъ епископа Іоны занималось только сборомъ членскихъ взносовъ и слабою продажею разныхъ мистическихъ книгъ;—ни сами іезуиты, которымъ почему-то, не смотря на ихъ старанія, не пришлось основать у насъ ни одного училища. Такимъ образомъ царствованіе Александра Благословеннаго, такъ много обѣщавшее сначала, въ концѣ концовъ не оставило по себѣ въ Тамбовской губерніи замѣтныхъ благотворныхъ слѣдовъ. При Николаѣ I-мъ у насъ тоже не было сильнаго образовательнаго движенія. Правда, въ нашей губерніи открыто было нѣсколько десятковъ начальныхъ школъ министерства государственныхъ имуществъ, дворянскій училищный корпусъ преобразованъ былъ въ кадетскій (младшіе классы), основанъ былъ институтъ благородныхъ дѣвицъ и наконецъ учреждено было въ г. Тамбовѣ канцелярское училище, а при губернской гимназіи устроенъ былъ пансіонъ. Но всего этого было слишкомъ мало для нашего обширнаго и многолюднаго края и уже при Императорѣ Александрѣ II-мъ правительство, при содѣйствіи мѣстныхъ обществъ, серьезно отнеслось

къ мѣстнымъ потребностямъ образованія. Тогда у насъ возникли слѣдующія учебныя заведенія: Елатомская классическая гимназія, Тамбовское и Моршанское реальныя училища, Лебедянская и Борисоглѣбская прогимназіи, Екатерининскій учительскій институтъ, Тамбовская женская гимназія, Липецкая и Козловская женскія прогимназіи, Козловское желѣзнодорожное училище, Спасское городское училище, Тамбовское ремесленное училище и множество земскихъ начальныхъ школъ. Стремленіе къ просвѣщенію среди мѣстнаго народонаселенія стало такъ сильно, что существующихъ училищъ для него уже не хватаетъ и всѣми нашими сословіями живо сознается настоятельная необходимость открытія новыхъ и новыхъ училищъ... Къ сожалѣнію, по официальнымъ свѣдѣніямъ, у насъ и теперь всѣхъ учащихся въ губерніи только около 40,000 обоюго пола. Во всякомъ случаѣ мѣстное народное просвѣщеніе ждетъ еще массы охочихъ до него людей и опытныхъ дѣятелей, потому что наибольшій процентъ Тамбовскаго народонаселенія совершенно пока неграмотенъ и слишкомъ неохотно и медленно разстается съ своимъ суевѣріемъ и легковѣріемъ. Недалеко еще то время, когда обыватели нашего края, чуждые промышленной предпримчивости и плотно приросшіе къ своей кормилицѣ-землѣ, по всей Россіи не безъ основанія слыли чуть ли не за самыхъ наивныхъ и умственно безпомощныхъ людей. Слѣдующіе факты послужатъ къ подтвержденію нашей мысли.

Въ 1797 году въ г. Борисоглѣбскѣ крестьянинъ Василій Орловъ успѣшно распространялъ слухъ о томъ, что царь Петръ III-й еще живъ и скрывается въ Донской области. „Быль я, говоритъ онъ,—на Дону и разъ увидѣлъ въ степи, около озера, маленькую хату. Въ хатѣ одиноко проживать какой-то старикъ. Одѣтъ онъ былъ въ стѣрый казацкій кафтанъ, на ногахъ у него были лапти, а на шеѣ на шелковомъ гайтанѣ висѣлъ серебряный крестъ. Заполю я къ старику и онъ при-

нялъ меня радушно: видно радъ былъ перемолвиться съ живымъ человѣкомъ. Прощаясь со мною, неизвѣстный человѣкъ объявилъ мнѣ за великую тайну, что онъ — великій государь Петръ Θεодоровичъ и что ему нужно видѣться съ государыней Екатериной Алексѣевной и съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ. А царствовать, добавилъ старикъ, я уже не желаю, проживу и такъ около сына. При этомъ онъ далъ мнѣ кусокъ сѣрой шерстяной матеріи. Это, говоритъ, персидской земли знамя и если ты будешь имѣть его при себѣ 5 лѣтъ, то 50 лѣтъ будешь владѣть Донскимъ и Яицкимъ войскомъ“.

Въ слѣдующемъ 1798 году мѣстное легковѣріе выразилось такъ. Въ деревнѣ Абакумовкѣ, Тамбовскаго уѣзда, открылась странная болѣзнь, которою страдалъ *одинъ только женскій полъ, кричи разными дикими, подобно звѣрю и птицѣ голосами*. Весь уѣздъ пришелъ въ крайнее смущеніе, всѣ судили и редили о томъ, какъ избыть великой бѣды, между тѣмъ вскорѣ открылось, что никакой женской болѣзни въ Абакумовкѣ не было и что *женщины производили тотъ крикъ притворствомъ убывающа работы*.

Вскорѣ послѣ того среди Тамбовскихъ молоканъ прошелъ такой слухъ, будто молоканскіе старики ходили въ Питеръ къ самому царю жаловаться на начальство и будто царь велѣлъ отдать подъ судъ архіерея и губернатора. Ободренные этимъ слухомъ, молокане открыто стали совершать процессіи съ своимъ унылымъ и своеобразнымъ пѣніемъ, причемъ впереди несли они священные книги. „Самъ царь, хвалились молокане, признать нашу правую вѣру... Всѣ мы на землѣ теперь равны, одинъ Богъ начальникъ нашего библейскаго общества, писали они епископу Іонѣ (Его Высокопреосвященству Тамбовской губерніи вашему преосвященству и кавалеру*).

*) Многие сектанты, избѣгая преслѣдованій, дѣйствительно записывались въ члены Библейскаго общества.

Между тѣмъ по своему работали и раскольники. Въ 1802 году въ Саровскую пустынь присланъ былъ на смиреніе старообрядецъ Егоръ Афанасьевъ. Это былъ одинъ изъ фанатиковъ — самосожигателей. Вотъ что писалъ о немъ и о его единомышленникахъ Новгородскому Митрополиту Амросію министръ Кочубей: „села Попень крестьяне, бывъ увлечены ложными внушеніями и увѣрясь въ приближеніи времени страшнаго суда, вознамѣрились съ женами и дѣтьми въ числѣ 54 человекъ сжечься въ одной каменной пещерѣ, куда они дѣйствительно и скрылись и уже огонь подложили. Между тѣмъ одна женщина — раскольница испугалась огненной смерти, тайкомъ выбѣжала изъ пещеры и дала знать о самосожигателяхъ сосѣдямъ. Тѣ немедленно прибѣжали къ фанатикамъ и начали вытаскивать ихъ изъ пещеры, а огонь тушить...“ Въ это-то время, по словамъ Кочубея, крестьянинъ Егоръ Афанасьевъ вырвалъ у своей жены малолѣтняго сына и убилъ его объ стѣну, чтобы такимъ образомъ хоть *одинъ правовѣрный погибъ мученичскою смертію, святою гирію.*

Отъ раскольниковъ легкомысленными и наивными странностями не отставали и скопцы, *дѣло* о которыхъ, по доносу бывшаго скопца Будылина, разбиралось въ Тамбовскихъ судебныхъ мѣстахъ въ 1829 году. Отставши отъ христіанства, скопцы начали *приобщаться* баранками, сухарями, и молиться передъ волосами, рублями и разными записочками, присланными съ Будылинымъ изъ Судади отъ самого *батюшки-искупителя*. Въ селѣ Лѣвыхъ Ламкахъ у скопцовъ былъ тайникъ, въ которомъ они совершали *рядынія* и въ то же время дѣлали фальшивую монету... Объ одномъ скопческомъ *соборѣ* въ Лѣвыхъ Ламкахъ Будылинъ доносилъ властямъ такъ: „меня привели въ соборъ скопцовъ, увѣщевали твердо держаться вѣры и ни кому не открываться: ни отцу съ матерью, ни начальникамъ, ни духовному причту, ни

даже самому царю. Послѣ этого учитель собора сталъ скороговоркой читать самодѣльную молитву:

„Дай намъ, Господи, къ намъ Іисуса Христа,
Дай намъ, сынъ Божій, свѣтъ, помилуй насъ!
Сударь Духъ святой, свѣтъ, помилуй насъ!
Охъ ты матушка, свѣтъ помощница,
Пресвятая свѣтъ Богородица,
Сохрани свѣтъ, помилуй насъ
На сырой землѣ, свѣтъ на матушкѣ,
На сударинѣ на кормилицѣ святой“.

Помолившись, всѣ скопцы стали на колѣна, а учитель вышелъ на средину комнаты и громко заговорилъ: „ого, ого! Благослови батюшка-сударь, милосердый глава, изъ рая недостойнаго раба на твоємъ кругу святомъ пойтити и всѣмъ праведнымъ рабамъ про твои дѣла возвѣстити, какъ ты страдать въ Тулѣ и Суздаль градѣ и подаешь всѣмъ отрады...“

Затѣмъ началось *радѣніе* (круженіе) подъ слѣдующую пѣсню:

..Какъ во Питерѣ славномъ городѣ,
На родной было на сторонушкѣ,
У родимаго свѣтъ батюшки,
У Спасителя-искупителя,
У Жива Бога, у помощника,
У Жива источника—

Стояла церковь благословенная“.

Переменявъ мотивъ пѣнія, скопцы продолжали:

„Ужъ и свѣтъ нашъ свѣтъ, сударь батюшка,
Подъ единое подъ оконечко,
Онъ повелъ сударь жалкій голосокъ,
Чтобъ не стать мой корабль на посокъ“.

Во время радѣнія всѣ мужчины были въ радѣльныхъ рубахахъ и штанахъ, а женщины, кромѣ обыкновеннаго костюма, въ колпакахъ, подвязанныхъ платками; они быстро кружились, помахивали платками и кланялись другъ-другу. Набѣгавшись до усталости, скопцы

попадали, а отдохнувши стали причащаться. Этимъ кончился *соборъ*, продолжавшійся болѣе 5 часовъ.

Изъ всѣхъ лицъ, принадлежавшихъ къ скопческому обществу, Будылинъ съ особеннымъ вниманіемъ оставался на какой-то Еленѣ Павловой, которая, смотря по обстоятельствамъ, выдавала себя то за богородицу, то за супругу великаго князя Константина Павловича. По мнѣнію доносителя, Елена Павлова была Лебединская мѣщанка.

Во время одного изъ скопческихъ собраній Будылинъ видѣлъ операцію большаго оскотленія, совершенную Тамбовскимъ мѣщаниномъ Бабанинымъ. У вновь поступившаго въ секту *вырѣзали сперва ключи ада, а потомъ отрѣзали ключи бездны*. Подобная же радикальная порча организма совершалась и надъ женщинами, лишившимися половыхъ и дѣтопитательныхъ органовъ *).

Подобныхъ примѣровъ самаго наивнаго мѣстнаго невѣжества, зависѣвшаго главнымъ образомъ отъ *исключенности* народонаселенія, мы могли бы привести множество. Но, кажется, и представленныхъ фактовъ для нашей цѣли довольно. Эта-то роковая Тамбовская наивность и была нерѣдко причиною серьезныхъ нашихъ общественныхъ бѣдствій, къ числу которыхъ относится между прочимъ такъ называемое Кандеевское крестьянское движеніе.

Кандеевское дѣло совершилось въ эпоху крестьянскаго освобожденія и главною ареною его былъ Керенскій уѣздъ сосѣдней Пензенской губерніи, но такъ какъ къ Керенскимъ бунтовщикамъ присоединились и нѣкоторые наши крестьяне, преимущественно Моршанскаго уѣзда, то мы считаемъ себя въ правѣ сказать въ слѣдующей главѣ нѣсколько словъ объ этомъ печальномъ событіи.

*) Дѣло о скопцѣ Будылинѣ хранится въ архивѣ Тамб. губ. правленія.

Х.

Кандевское дѣло.

Какъ извѣстно, Тамбовскіе и Пензенскіе крестьяне издавна сильно отѣснены были крѣпостными порядками. Поэтому они ждали царской воли съ чрезвычайнымъ нетерпѣніемъ. Но воля долго не приходила: петля по-видимому все крѣпче и крѣпче затягивалась, и вотъ по всей русской землѣ громко пронеслось давножданное великое слово царской любви къ народу. Радостно встрепенулись подневольные люди, точно свѣтлый праздникъ освѣтилъ всю Русь... Однако воля давалась, конечно, не вдругъ, нужно было сохранить и помѣщичьи экономическіе интересы. Этой-то послѣдней необходимости и не хотѣли понять нѣкоторые наивные крестьяне, неосновательно и фантастически увѣренные въ совершенно радикальномъ измѣненіи своего быта. Какъ люди совершенно неразвитые и скудоумные, они не слушали или не понимали предостереженій и толкованій и безосновательно дѣлались государственными преступниками. Таковыми были по преимуществу крестьяне Керонскаго уѣзда.

7-го апрѣля 1861 года становой приставъ Кандаровъ читалъ въ селѣ Кандовкѣ, Керонскаго уѣзда, крестьянское положеніе. Въ это время изъ толпы раздался крикъ: „не то положеніе читаешь, въ селѣ Высокомѣ священникъ читалъ другой указъ, который даетъ совершенную волю, и мы на работы къ своему барину ходить не будемъ“. Становой, по старой полицейской привычкѣ, выдумалъ было захватить крикуновъ, но посѣ Кандовскій сходъ въ количествѣ 500 человекъ сталъ за нихъ и воспринятетствовалъ аресту. „Не выдадимъ своихъ, шумѣли крестьяне, надвигался на станового,—когда дана воля, то что за господскія работы“.

Такъ началось *возмущеніе* въ селѣ Кандевѣ (имѣніе помѣщика Волкова). А отсюда движеніе быстро распространилось далѣе и разомъ охватило нѣсколько большихъ селъ Керенскаго, Чембарскаго и Моршанскаго уѣздовъ. Главными его дѣятелями впоследствии оказались крестьяне села Высокаго, Чембарскаго уѣзда: Коровяковъ, Егорцевъ и Кошелевъ, которые разъѣзжали по разнымъ уѣздамъ и волновали народъ. Скоро оказали неповиновеніе помѣщику Охотникову крестьяне деревни Ильинской и не пошли на барщину. Разумѣется, къ нимъ пріѣхалъ становой, все тотъ же Кандагаровъ, и сталъ читать *положеніе*. Но Ильинскіе крестьяне сразу перебили его и закричали: „не тотъ указъ читася, это—мошенничество; земли скорѣй намъ подавайте“.

Изъ деревни Ильинской волненіе перешло въ имѣніе графа Вьельгорскаго, въ село Троицкое, жители котораго стали созывать къ себѣ окрестныхъ крестьянъ. Сигналомъ для этого быть у нихъ высокій шестъ съ большимъ краснымъ платкомъ-знаменемъ. Мужичье знамя вставили въ колесо, колесо положили въ телегу и въ такомъ видѣ символъ крестьянской неурядицы и недоумѣнія развозили по селамъ. Шли за этимъ оригинальнымъ потѣздомъ массы крестьянства, покидая барщину и хозяйство, но боясь господъ и ихъ управителей и громко сельскіе воротилы выкрикивали: „пойдемъ въ церковь выбивать волю“.

Многочисленная крестьянская толпа подошла къ дому Троицкаго священника Сперанскаго и шумно стала требовать у него волю.

— Нѣтъ у меня такой воли, какой спрашивается, говоритъ растерявшійся Сперанскій.

— Врешь, возражали ему,—воля лежитъ на престолѣ съ Егорьевскимъ крестомъ и съ знаменіемъ Пресвятыя Богородицы и если мы найдемъ ее въ церкви, то повѣсимъ тебя вверхъ ногами.

Крестьянское волненіе такимъ образомъ стало при-

нимать грозные размѣры. Въ одномъ имѣніи графа Вьельгорскаго возмущившихся крестьянъ было около четырехъ тысячъ, да въ Кандевкѣ около тысячи, да въ другихъ селахъ десятки тысячъ крестьянъ болѣе или менѣе готовы были присоединиться къ Кандевскому дѣлу. Полицейскіе чины призадумались. И было отъ чего. Чаше и чаще стали происходить факты вродѣ слѣдующаго.

9-го апрѣля 1861 года вдова священническая жена Студенцова встрѣтила на большой дорогѣ изъ Чембара въ Керенскъ четырехъ крестьянъ.

— Откуда идете, спросила она ихъ.

— Изъ села Поима; читали тамъ польную, по которой не велѣно слушаться помѣщиковъ, а если гдѣ нибудь попадутся земскіе чиновники, то надо бить ихъ и тутъ же закапывать въ землю. И баръ тоже нельзя щадить. Дома ихъ приказано пожечь и съ людьми въ нихъ живущими.

„Хоть вѣшай насъ, начали говорить возмущившіеся крестьяне на своихъ сходахъ въ присутствіи полицейскихъ чиновъ,—а какой слѣдуетъ оброкъ за землю мы заплатимъ не помѣщикамъ, а самому государю. И работать на господъ два года тоже не хотимъ, потому срокъ этой работѣ давно прошолъ, а начало ему, этому сроку, было въ 1857 году“.

Въ виду подобныхъ произшествій губернское начальство обратилось къ содѣйствію военной силы и дало знать объ этомъ высшимъ Петербургскимъ властямъ.

Въ Кандевку, куда успѣли уже собраться крестьяне окрестныхъ деревень въ количествѣ болѣе трехъ тысячъ человекъ, вступила 2-я рота Казанскаго пѣхотнаго полка. Но этого оказалось очень мало, потому что и изъ другихъ селъ стали получаться тревожныя извѣстія. Въ селѣ Черногаѣ произошла даже схватка между ротою и крестьянами и успѣхъ былъ не на сторонѣ воен-

ной силы. Правда, 4 крестьянина были убиты, а 8 ранены, за то и солдаты потеряли двоихъ товарищей; кромѣ того у всѣхъ ихъ отняты были ружья. Чембарскій исправникъ и управляющій Черногайскимъ имѣніемъ, явившіеся на крестьянскій сходъ подъ прикрытіемъ военной силы, были схвачены крестьянами и закованы въ желѣза, между тѣмъ какъ становой и ротный командиръ быстро усаkali изъ Черногая. Тогда въ Кандевку, бывшую центромъ крестьянскихъ волненій, прибыли еще 3 роты. Шли они на войну съ мужицкой силой въ полной боевой амуниціи, съ запасомъ боевыхъ снарядовъ и сухарей и съ соблюденіемъ всѣхъ военныхъ предосторожностей. Въ это время весь Казанскій полкъ былъ приведенъ на военное положеніе и его эшелоны, кромѣ Кандевки, были направлены на Черногай и Попмъ.

16 апрѣля 1861 года въ Кандевку прибылъ генералъ-майоръ Дронякинъ. Къ этому времени въ возмущившемся селѣ крестьянъ собралось уже болѣе 8 тысячъ и слѣдовательно необходимы были мѣры быстрыя и рѣшительныя. Надѣвши полную генеральскую форму, Дронякинъ началъ урезонивать и успокаивать Кандевецъ, но всѣ его увѣщанія оказались тщетными. Тогда войскамъ приказано было стрѣлять. Начались залпы... Однако и подъ выстрѣлами крестьянинъ Будановъ кричалъ: „а мы всетаки не пойдемъ работать на помѣщиковъ“.

— Попремъ, поддерживалъ Буданова крестьянинъ Туриковъ,—а неволиться не станемъ: пропали барскія времена.

Послѣ нѣсколькихъ залповъ крестьянская толпа оторопѣла, заволновалась и побѣжала, оставивши на мѣстѣ побоища 11 труповъ и 28 раненыхъ. Въ числѣ убитыхъ былъ глубокой (80 лѣтній) старикъ Фимушкинъ.

Немедленно началась переборка: болѣе виновныхъ

отдѣляли отъ менѣе виновныхъ. Въ числѣ первыхъ были, между прочимъ, слѣдующія лица.

Гвардейскій врежонно отпускнуой солдатъ Горячевъ, 26 лѣтъ. „Солдату надо, говорилъ онъ на мирскомъ сходѣ въ самомъ началѣ крестьянскихъ волнений,—стоять за мужиковъ“. Вслѣдствіе этого онъ не повиновался уѣздной полиціи, грубилъ членамъ слѣдственной комисіи и не ломая шапки слушалъ чтеніе царскаго *положенія*.

Противъ имени Горячева въ списокъ подсудимыхъ рукою Дренякина была написана такая конфирмація: „лишается военнаго званія и медали и по наказаніи шпицрутенами *черезъ 100 человекъ 7 разъ* ссылается въ отдаленныя Сибирскіе рудники на 15 лѣтъ“.

Вторымъ важнымъ подсудимымъ по Кандевскому дѣлу оказался старшій 72-лѣтній гренадеръ Елизаровъ, украшенный четырьмя знаками военнаго ордена, бывшій герой отечественной войны. Когда генералъ Дренякинъ явился передъ крестьянскою толпою, старикъ Елизаровъ стать впередъ всѣхъ и заговорить: „мы всѣ должны стоять за правое крестьянское дѣло, за Бога и за Царя“.—Что сдѣлали съ ветераномъ-гренадеромъ—неизвѣстно. Противъ его имени никакой конфирмаціи нѣтъ.

Въ окончательной формѣ судъ произнесенъ былъ надъ подсудными крестьянами 17 апрѣля, по телеграммѣ отъ шефа жандармовъ. Виновныхъ раздѣлили на три категоріи. Первую лишили всѣхъ правъ состоянія, тѣлесно наказали и сослали въ рудники. Здѣсь было 18 человекъ.

Вторую категорію, по наказаніи шпицрутенами или розгами и по лишеніи правъ и состоянія, отправили на поселеніе. Этихъ было 29 человекъ.

Въ третью категорію попали только 9 человекъ. Имъ отсчитали по 300 розогъ и затѣмъ отпустили по домамъ *).

*) Примѣч. Въ 1864 году всѣ сосланные въ Сибирь по Кандевскому дѣлу всемілостивѣйше были прощены и возвратились домой.

Печальная церемонія экзекуціи происходила надъ Кандевскими крестьянами и ихъ соучастниками 18 апрѣля. Присутствовали при этомъ генераль-майоръ Дренякинъ, Пензенскій жандармскій штабъ-офицеръ, Керенскій уѣздный предводитель Ранцевъ, чины уѣздной полиціи и всѣ офицеры Казанскаго полка. Эта рѣшительная и, конечно, суровая мѣра спасла цѣлый край отъ новыхъ волненій и во всякомъ случаѣ прошла небезслѣдно и во всѣхъ другихъ губерніяхъ, для которыхъ Кандевское прискорбное событіе послужило предостереженіемъ и вразумленіемъ.

Заключая свой 2-й выпускъ, считаю долгомъ оговориться, что изслѣдованія мѣстныхъ и въ особенности Московскихъ историческихъ матеріаловъ мною будутъ продолжены. Къ этому рѣшенію я пришолъ на томъ основаніи, что тронутыя мною архивныя сокровища далеко еще не исчерпаны... Во всякомъ случаѣ я надѣюсь со временемъ издать въ свѣтъ еще 3-й выпускъ своихъ Тамбовскихъ очерковъ. Для этого опять потребуются поѣздки въ Москву, но такъ какъ въ моемъ распоряженіи свободнаго времени немного, то слѣдующій выпускъ откладывается на неопредѣленное время, примѣрно года на два. Въ настоящее время я успѣлъ только намѣтить тѣ мѣстные историческіе вопросы, по поводу которыхъ будутъ производиться мною розыски въ Московскихъ архивахъ, изъ которыхъ нѣкоторые, наприм. Румянцевскій, межевой, синодальный и архивъ историческаго музея, мнѣ совсѣмъ еще неизвѣстны.

Не говоря о возможности палеонтологическихъ работъ, на что между прочимъ указываютъ находимыя въ разныхъ уѣздахъ нашей губерніи громадныя кости до-

потопныхъ животныхъ, я надѣюсь достигнуть извѣстныхъ результатовъ по вопросу о борьбѣ Мордвы и Менцеры съ принявшими русскими населеніемъ. Что эти племена первоначально враждовали и воевали съ нашими удѣльными князьями, въ особенности съ Нижегородскими и Рязанскими, это ясно само собою и смутно выражается и лѣтописцами. Ясно также и то, что первые русскіе колонисты въ предѣлахъ нашего бывшего Мордовско-Менцерскаго края не могли жить среди туземцевъ спокойно и ихъ сближеніе съ бывшими врагами, вѣроятно, произошло въ эпоху Татарскаго ига, когда общая и тяжкая бѣда сроднила ихъ. Но все это одни намеки, требующіе документальнаго подтвержденія и развитія.

Второй вопросъ, разъясненіемъ котораго мы нагѣрены заняться, это — *вопросъ о мистическихъ кудеярныхъ*. Несомнѣнно, что еще издавна въ нашихъ дѣбряхъ и дикихъ степяхъ укрывались отъ Московскаго и иныхъ удѣльныхъ правительствъ разные смѣлые и рѣшительные люди—кудеяры или атаманы, которые укрѣплялись въ своихъ вольныхъ городкахъ и никого знать не хотѣли. На это указываютъ многочисленныя мѣстныя преданія и разбросанные по всей губерніи старинныя земляныя городки, внутри и около которыхъ совершенно случайно были находимы экземпляры древняго оружія: наконечники копій, боевые топоры, стрѣлы и мечи. Разбойничьи партіи усиливались въ нашемъ краѣ до того, что осмѣливались нападать на многолюдные заводы (наприм. Виндреевскій) и на города (Козловъ). Это было въ XVIII столѣтіи.

19 марта 1780 года первый нашъ генераль-губернаторъ графъ Р. И. Воронцовъ далъ Тамбовскому губернатору А. И. Салтыкову слѣдующій ордеръ:

„Какъ до свѣдѣнія моего дошло, что ежегодно по наступленіи весны по рѣкѣ Мокшѣ бываютъ воровскія партіи, то прошу ваше превосходительство тѣхъ округъ къ капитанъ-исправникамъ послать указы и велѣть

для искорененія тѣхъ злодѣевъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они обыкновенно бывають, учредить изъ ближайшихъ селеній пикеты, а равно имѣть для поиску оныхъ разбѣжкія лодки“ *).

25 марта того же 1780 года послѣдовалъ новый генераль-губернаторскій ордеръ на имя А. И. Салтыкова:

„До свѣдѣнія моего дошло, что во многихъ мѣстахъ Тамбовской губерніи, а особливо около Шацка и Морши, имѣются воровскія партіи, которыя разбивають проезжающихъ: то вашему превосходительству чрезъ сіе рекомендую приложить ваше стараніе о искорененіи оныхъ, чего для и командировать команды для обыску оныхъ въ пчельникахъ и въ тѣхъ избахъ, гдѣ гнѣтъ ободья“.

Тогда изъ Тамбова посланы были въ Моршанскій и Шацкій уѣзды конные и пѣшіе отряды губернской команды съ офицерами, а въ помощь имъ близъ всѣхъ овраговъ, лѣсовъ и кустарниковъ поставлены были пикеты по 20 человекъ крестьянъ въ каждомъ, при десяти-скихъ и солдатахъ. Началась правильная партизанская война. Сражались *пѣшими и конными обычаемъ*, холоднымъ оружіемъ и огнестрѣльнымъ. Главными правительственными командирами при этомъ были исправники: Моршанскій—Масловъ и Шацкій—Протасьевъ.

Между тѣмъ 12 мая 1780 года въ Тамбовѣ получено было офиціальное извѣстіе о разбойникахъ и изъ Кирсановскаго уѣзда. Пришлось и туда отдѣлить часть губернской команды, потому что воровскія партіи заходили въ села даже днемъ и смѣло нападали на самыя пикеты... **).

До самаго XVII столѣтія исторія нашего края представляется чрезвычайно отрывочно и неясно. Наму Мордовско-Мещерскую сторону считали въ Москвѣ ди-

*) Арх. Тамб. губ. прав. № 218-й.

**) Тамъ же.

кою и безлюдною. И вдругъ въ концѣ названнаго столѣтія Тамбовскій край является на исторической аренѣ съ населеніемъ въ нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ и съ сотнями православныхъ храмовъ. *Какъ произошло такое сравнительно плотное заселеніе нашего края, и когда—это будетъ составлять нашу третью тему.*

Если Тамбовскій край въ XVII столѣтіи былъ уже населенъ преобладающимъ русскимъ населеніемъ, то это мѣстное населеніе, вѣроятно, играло немаловажную роль въ смутную эпоху, въ особенности въ дѣлѣ освобожденія Москвы отъ Поляковъ и въ избраніи Михаила Романова на царство. *Но и объ этомъ мы не имѣемъ еще пока документальныхъ свидѣтельствъ.*

При патріархѣ Никонѣ, по поводу церковныхъ реформъ, въ русской жизни совершилось извѣстное религиозное раздѣленіе народа. Многочисленное православное населеніе нашего края и къ этому факту, разумѣется, равнодушно отнестись не могло и несомнѣнно принимало въ немъ близкое участіе. Но именно какое—*объ этомъ обстоятельно скажутъ намъ архивные документы, лежащіе досель подъ спудомъ.* На эту тему мы пока знаемъ только то, что въ 1688 году нѣкто Кузьма Косой устроилъ близъ Тамбова раскольничій городокъ, поселился въ немъ съ 500-ми человѣкъ приверженцевъ и съ большимъ трудомъ былъ изгнанъ оттуда царскими воеводами. Кромѣ того намъ извѣстно, что въ XVII-мъ столѣтіи и началѣ XVIII-го всѣ наши лѣса переполнены были раскольничьими скитниками и скитницами.

Тщательныхъ архивныхъ изслѣдованій между прочимъ требуетъ казацкое Булавинское движеніе 1708 года. Какъ извѣстно, главный эсаулъ Кондратій Булавина Лука Хохлачъ 10 дней осаждалъ Тамбовъ, затѣмъ отступилъ и на пути былъ разбитъ драгунами. Послѣ этого Булавинъ застрѣлся, приверженцы его разсѣлись и все движеніе вдругъ прекратилось. Значить, *осада Тамбова и участь Луки Хохлача имѣли для Дон-*

скаго атамана особенно важное значеніе, которое надо разъяснить.

Въ 1732 году въ Тамбовскомъ селѣ Чуевѣ явились самозванцы *Алексій и Петръ Петровичи*. Быстро схваченные они были казнены. Фактъ этотъ, конечно, выдающійся и намъ очень хотѣлось бы ознакомиться съ нимъ по архивнымъ источникамъ.

Уже и этихъ намѣченныхъ нами вопросовъ довольно для цѣлой книги. Но можетъ быть неожиданно откроются и еще какіе нибудь вопросы, такъ какъ архивное дѣло стоитъ у насъ невысоко и опытныхъ дѣлателей его всегда было мало... Я говорю о томъ, что при архивныхъ изысканіяхъ всегда можно рассчитывать на открытіе такихъ документовъ, содержаніе которыхъ рѣшительно ни кому не извѣстно.

И. Дубисовъ.

г Тамбовъ.

DATE DUE

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA
94305